

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право

2018

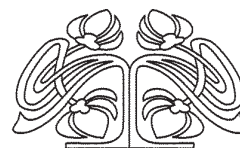
Том 18

Выпуск 4

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

- Максимов В. А.** Реверсия культуры в экономическую науку в современных исследованиях: политико-экономический аспект 366
- Трубицын А. Р.** Теоретические вопросы информационного обеспечения инвестирования 371
- Шлякова О. А.** Ограничения коммерциализации инноваций в России 377
- Сенокосова О. В.** Кластеризация в системе подготовки кадров 386
- Манахова И. В., Земскова И. А.** Влияние потребителей на повышение качества электронных государственных услуг 394

Управление

- Депутатова Л. Н., Мингалева Ж. А., Старков Ю. В.** Механизм формирования трудовой мотивации работников 401
- Цыпин А. П.** Эконометрическое моделирование влияния факторов на ВВП постсоветских стран 407
- Харламов А. В., Лысункина Ю. В.** Статистические обоснования управленческих решений в целях повышения эффективности инноваций при решении проблем высшего образования 413
- Леванова Л. Н.** Совершенствование состава и структуры совета директоров в российских корпорациях 421
- Голубниченко М. В.** Определение налогового потенциала Саратовской области для рационального планирования поступлений в региональный бюджет 428
- Фирсова А. А.** Особенности краудфинансов в финансировании инновационных проектов 435
- Ermasova N. B., Barwegen C., Vick D.** Economic and Financial Effects of Specific Taxes at the State Level in the United States [Ермасова Н. Б., Барвеген Ч., Вик Д. Экономические и финансовые эффекты специфических региональных налогов в Соединенных Штатах] 442

Право

- Аверьянова Н. Н.** «Правовая категория» как инструмент научного познания (на примере «земли» как категории конституционного права) 450
- Амелин Р. В.** Информационно-правовой режим государственных и муниципальных информационных систем 455
- Бердникова Е. В.** Категория «общественный контроль» в конституционном законодательстве зарубежных государств 466
- Дураев Т. А.** Правовые проблемы взаимодействия государства и политических партий в современной России 472
- Николайченко О. В.** Особенности «риска» и его проявление при исполнении судом процессуальных обязанностей 477

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 08.00.00 – экономические науки; 12.00.00 – юридические науки)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56133 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36012, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 25.11.18.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 163-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <http://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую, корректорскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Статьи и документы следует присылать в редколлегию Серии по электронной почте: sgu-eup@gambler.ru, документы – простыми (не заказными) письмами по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, экономический факультет, деканат. Справки по тел.: деканат экономического факультета: (8452) 22-51-38. Сайт журнала: <http://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

- Maksimov V. A.** Reverse of Culture in Economic Science in Modern Research: Political Economic Aspect 366
- Trubitsin A. R.** Theoretical Questions of Information Support for Investment 371
- Shlyakova O. A.** Constraints of Commercialization of Innovations in Russia 377
- Senokosova O. V.** Clustering in the Training System 386
- Manakhova I. V., Zemsikova I. A.** Influence of Consumers on Improving the Quality of Electronic State Services 394

Management

- Deputatova L. N., Mingaleva Zh. A., Starkov Yu. V.** The Mechanism of Formation of Labor Motivation of Employees 401
- Tsybin A. P.** Econometric Modelling of Influence of Factors on GDP of the Post-Soviet Countries 407
- Harlamov A. V., Lysunkina Ju. V.** Statistical Basis of Management Decisions for Improving Innovation Effectiveness in Solving Higher Education Problems 413
- Levanova L. N.** Improvement of the Composition and Structure of the Board of Directors in Russian Corporations 421
- Golubnichenko M. V.** Definition of Tax Potential of Saratov Region for Income Effective Planning to the Regional Budget 428
- Firsova A. A.** Features of Crowdfinance in Innovation Projects 435
- Ermasova N. B., Barwegen C., Vick D.** Economic and Financial Effects of Specific Taxes at the State Level in the United States 442

Law

- Averyanova N. N.** "Legal Category" as a Tool of Scientific Knowledge (on the Example of "Land" as a Category of Constitutional Law) 450
- Amelin R. V.** The Legal Regime of State and Municipal Information Systems 455
- Berdnikova E. V.** The Category of "Public Control" in the Constitutional Legislation of Foreign States 466
- Duraev T. A.** Legal Problems of Interaction between the State and Political Parties in Modern Russia 472
- Nikolajchenko O. V.** Features of "Risk" and its Manifestation in the Performance of the Court's Procedural Duties 477

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Солодкая Татьяна Ивановна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, PhD, профессор (Вайоминг, США)
Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Бенойт Уильям, PhD, профессор (Огайо, США)
Ермасова Наталия Борисовна, PhD, доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)
Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Лхагвадори Ариунаа, PhD, профессор (Уланбатор, Монголия)
Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)
Муравьев Николай Васильевич, PhD, MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)
Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)
Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)
Синюкова Татьяна Витальевна, кандидат юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стойлова Десислава, PhD, профессор (Благоевград, Болгария)
Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)
Эретин Сефика Шуле, PhD, профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW»**

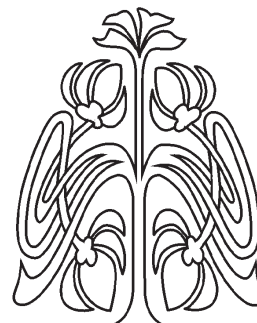
Editor-in-Chief – Olga S. Balash (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

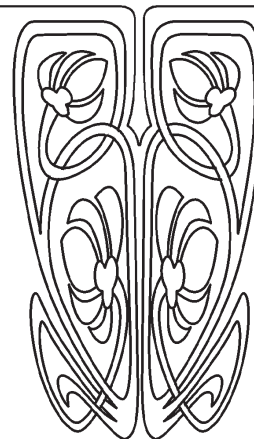
Executive Secretary – Tatyana I. Solodkaya (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anne Alexander (Wyoming, USA)	Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)
Alexey P. Anisimov (Volgograd, Russia)	Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)
Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)	Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)
William Benoit (Ohio, USA)	Tatyana V. Sinyukova (Saratov, Russia)
Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)	Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)
Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)	Tamara I. Trubitsina (Saratov, Russia)
Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)	Anna A. Firsova (Saratov, Russia)
Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)	Vitali N. Khrustaluyov (Saratov, Russia)
Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)	Olga I. Tsibulevskaya (Saratov, Russia)
Zhanna A. Mingaleva (Perm, Russia)	Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)
Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)	Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)
Vladimir V. Nosov (Moscow, Russia)	Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЭКОНОМИКА

УДК 331.52

РЕВЕРСИЯ КУЛЬТУРЫ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. А. Максимов

Максимов Вадим Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, maxvad53@yandex.ru

Введение. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия экономической культуры и экономической науки. **Теоретический анализ.** Анализируется эволюция парадигмы изучения взаимодействия культуры и экономики, проводится демаркация этих понятий, теоретически исследуется возврат (реверсия) экономической науки к культуре и осмысливается индивидуальное и коллективное поведение в рамках универсализма и уникальности, что находит практическое воплощение в современных компаративистских исследованиях. Подчеркивается значение социетальности экономической культуры как фактора устойчивого развития. **Результаты.** Если предпочтения и субъективные ценности становятся экзогенными величинами, то появляется удобный канал проникновения культуры в классическую модель экономического поведения, что, несомненно, обогащает ортодоксальную экономическую теорию. Если же не включать экзогенные переменные в анализ, то можно представить культуру как источник ограничений в модели рационального выбора; так как индивиды не обладают совершенной информацией и вынуждены избегать неопределенности, то они «изобретают» (эволюционно адаптируются) институты: социальные правила и нормы поведения, что делает окружающую действительность более предсказуемой, институты укореняются в обществе и способствуют устойчивости развития.

Ключевые слова: демаркация культуры и экономики, этапы влияния и расхождения.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-366-370>

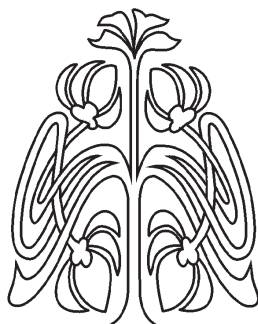
Введение

Взаимодействие культуры и экономики предполагает, по меньшей мере, три демаркационных линии:

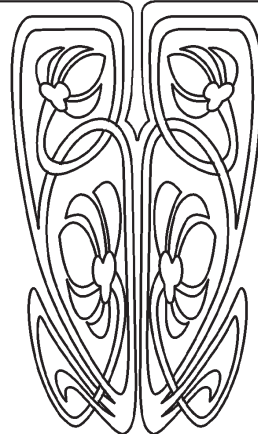
- культура и экономика;
- культура как экономика vs экономика как культура;
- культура экономической науки vs культура в экономической науке.

Образно говоря, культура сегодня, после забвения с 60-х гг. XX в., прокладывает себе дорогу назад в экономическую науку. Включение культуры в экономическое исследование как источник хозяйственного развития обосновал А. Смит. «Богатство народов», как подчеркивается историками экономической мысли, несло огромный культурологический заряд (А. Аникин). Нравственность (мораль) определяет структуру взаимосвязей и активацию действий. Им была выделена предпринимательская культура как феномен первой промышленной революции.

Экономика культуры определяется в узком смысле как экономика отраслей знания и в широком смысле – как расширенная экономическая наука, включающая ментальные факторы [1]. В английском обозначении – cultural economics (буквально – культурная экономика) – предметной области придается социетально-ценностное значение.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Теоретический анализ

Возрождению экономической культуры способствовало включение в «твердое ядро» экономической теории институциональной парадигмы, подкрепленной авторитетом нобелевских лауреатов Р. Коуза, О. Уильямсона, Д. Норта и Э. Остром, и «стучащейся» в это ядро поведенческой экономики в лице также нобелевских лауреатов Д. Канемана, Т. Шиллера, Р. Талера. Ярким манифестом нового предметного знания стала книга «Culture matter» («Культура имеет значение») [2]. В России осмыслению культурно-экономических институтов предпосланы работы В. Автономова, А. Аузана, В. Тамбовцева, В. Рязанова, Д. Раскова.

Современные дискуссии ведутся по поводу того, является ли экономическая культура эксклюзивной или инклюзивной детерминантой (осмысленное действие) экономического роста. Проблематика демаркации (разграничение границ анализа) вращается вокруг трех конкретных областей:

– культурные паттерны (установки) заданы личности, в теории же действие и принятие решений является индивидуальным поведенческим актом;

– культура предполагает совместное коллективное взаимодействие, т. е. макроуровень или хотя бы мезоуровень; в экономической теории основная часть предпосылок задана микроуровнем или выводится из микроэкономического поведения;

– теория сформулирована на универсальных принципах, экономическая культура же связана с контекстом многообразия, предпочтений и верований (набором аксиом и постулатов).

В научной литературе дается примерно 170 определений культуры. Первоначально в нее включалось все, кроме природных различий. Современный исследователь кросс-культурных различий наций Р. Инглхарт отмечает, что «культура приобретается путем обучения и может различаться от общества к обществу» [3, с. 26]. На смену дуализма «природа – культура» пришла оппозиция «разум – материя». Этнолог и антрополог К. Гирц определяет культуру как «исторически передаваемую систему смыслов, воплощенных в символах» [4, с. 21]. На первый план выносятся мировоззрение, определяемое не количественно, а качественно (по опросам) на основе самоопределяемой идентичности (по нации, полу, социальному слою, семье). Культура рассматривается как некий исторический, поколенческий код, заданный и наследуемый. Известный политолог С. Хантингтон [5] усматривает в культуре противовес эгоистической

деятельности в виде тесных коммунитарных связей. Специалист по методологии экономической науки Д. Тросби [6] утверждает, что культура влияет на рациональный выбор агента, на его индивидуальные цели и предпочтения, запрещая максимизацию интереса. Почти так же влияние культуры интерпретируется в институциональной теории: неформальные правила, экзогенный фактор. В этом случае культура почти безболезненно входит в каузальную схему экономической науки.

Если культура влияет на экономическое развитие, то каким образом она воспроизводится, усваивается, кем и почему? Обычно, рассматривая этот аспект, обращаются к корпоративной культуре. Смысловая общность объединяет и привязывает работников к фирме, дистанцирует от других организаций, мобилизует и дает конкурентные преимущества. Это же прослеживается в концепции экономического патриотизма, который рассматривается исследователями не как нечто искусственное, а как необходимая нормативность. В течение XX в. вес экономической культуры и экономической науки был несопоставим, хотя в XIX столетии их синтез, а точнее, их смежность, определенное созвучие, считался органичным. Труды К. Макса, Г. Шмоллера, М. Вебера, Т. Веблена указывают на когерентность данных сфер при развивающихся фазах социетальности. Такое расхождение связано с тем, что культура и экономическая наука постепенно пробрели иные коннотации, искажающие контекст и описание реальностей. Культура стала пониматься как лишний фактор, но и наука (= экономическая теория), отбросив ее, стала создавать и описывать реальность не релевантную экономической действительности.

Метафорически латинская фраза *cultura animi* означает «возделывание души» (Цицерон). В эпоху Возрождения, когда общественная мысль «повернулась к человеку», культура стала пониматься как индивидуальный процесс нравственного и интеллектуального развития. В век Просвещения культура рассматривается не только как процесс, но и как продукт. Она становится объектом, которым люди владели или не владели. Отсюда был сделан логический переход к источнику развития общества в целом. Культура становится почти синонимом цивилизации, и возникает разделение наций на «более или менее культурные». Культура предстает нравственным стандартом. Идея прогрессивного развития задала идеал и параметры преобразований в экономической сфере с претензией на универсализм рыночных структур [7].

В XIX в. такое понимание культуры приводит к выделению уникальности, особенности развития и

в конечном счете самобытности общества и государства. Национальная культура императивно отражает народный дух, противопоставляемый чуждому влиянию, моделям и принципам. Остается один шаг до национализма. В экономической науке (в рамках исторической школы) на первый план выходит задача разработки экономической политики. Экономический успех стал функцией нравственности (читай – культурного развития). Г. Шмоллер писал, что экономика – это часть культуры, продукт интеллектуальных усилий человека. Такие идеи о национальной идентичности или локальной коллективной общности на рубеже XX–XXI вв. стали популярны благодаря компаративистским исследованиям Хофстеде и Инглхарта [8]. В России появились работы с акцентом на «национальный код» и архетип экономического поведения российской цивилизации.

В начале XX в. происходит окончательный распад общественной науки на специальные области. Экономическая теория буквально отторгает от себя социологию (по словам В. Парето), историю и политику; утверждается маржинализм как «чистая» наука, в которой индивид рационально оптимизирует ресурсы (полезность), делая выбор с целью максимизации прибыли (дохода). Такое определение предмета теории утвердил в качестве парадигмы экономических исследований английский ученый Л. Роббинс, вынося за скобки даже различия в предпочтениях индивидов. Торжествует только один верный, единственный способ объяснения реальности. Контекст не нужен, «неважно, почему у людей возникает спрос на те или иные блага» [9, с. 19]. По сути, экономическая теория возвысила себя над другими дисциплинарными отделами науки, исключив альтернативные объяснения субъективного поведения. Методологически это абстрагирование от кажущихся несущественных форм, хотя и с допущениями. Соответственно, экономическая культура становится «изгоем, своим среди чужих, чужим среди своих» (М. Вебер). Само название общей экономической науки модифицировалось: из политической экономии и национальной экономики – в *economics*, которая перестала быть тождественной «исследованию экономических явлений» [10, с. 60].

Но традиционный «широкий» взгляд на экономические явления и действия не исчез. Или, вернее, возвратился к истокам – к «здоровому смыслу» в понимании и объяснении социально-экономических процессов. М. Вебер писал, что в экономической науке все акты создания ценности и потребления имеют значение, доступное пониманию. Т. Веблен в работе «Почему экономическая наука не является эволюционной?» с

горечью заметил, что стал формироваться канон «нормальности» экономической науки, когда конкретное поведение в определенном месте и в определенное время становится образцом любого поведения при всяких условиях [11]. Поэтому реабилитация экономической теории должна начинаться с современной антропологии и психологической науки и принять форму науки об эволюции экономических институтов. Институты трудно поддаются анализу, поэтому Т. Веблен, хотя и разделяет (можно предположить) подход «экономика как культура», но «инструментально» скорее был приверженцем сочетания «экономика и культура» (сказалось влияние Г. Спенсера и американских прагматистов). Во всяком случае культура, как и институты, не может быть только экзогенным фактором экономического развития; такая линия прокламируется в современных исследованиях, особенно в социологии [12]. Культура как определенный экономический феномен была вытеснена после Первой мировой войны в экономическую социологию и антропологию, т. е. была маргинализована.

Возврат (реверсия) экономической науки к культуре произошел вследствие практического воплощения известной максимы Оккама: не множьте сущности без необходимости, не наблюдаемые и не проверяемые на опыте должны быть удалены из суждений. Тому способствовали по крайней мере три обстоятельства:

1) маржиналистская версия рационального поведения стала вторгаться в те области, которые ранее принадлежали другим наукам, и столкновению «нормальных» (неортодоксальных) экономистов с вопросами, подлежащими культурологическому анализу. Это так называемый экономический империализм, олицетворением которого стал нобелевский лауреат Г. Беккер;

2) экспериментальные исследования, связанные с поведенческой экономикой и неполнотой рынков, стали опровергать модели, основанные на предпосылках о максимизирующей рациональности и факторного (сугубо экономического) равновесия. Это было подтверждено присуждением нобелевских премий работам Р. Коуза, Д. Канемана, В. Смита, Р. Талера;

3) идея прогресса, а значит, и перманентного экономического роста, и сближения стран с разным уровнем развития, провалилась в долгосрочном плане. Стало ясно, что рынки различны, структурированы по-своему и не сводимы к эталону. Как пишет Д. Асемоглу, действуют не просто инклюзивные институты, а какие-то «глубинные факторы»; необходим иной способ исследования и учет иных точек зрения – неортодоксальных экономистов [13].

Тем самым «культура как экономика» стала своеобразным минным полем для экономической теории. Стереотипность суждений – «японская культура», «африканская культура» – обозначала культурный феномен нации как что-то когерентное и всеобъемлющее целое (типа: все японцы на одно лицо), в котором исчезали индивиды или где нет места теоретической модели о принятии индивидуальных решений. Если культура считается унаследованной данностью для индивидуальных акторов, то как быть с целевой функцией экономической деятельности? Как сочетать с универсальным мотивом собственного интереса существование культурных разнообразных норм поведения (или институтов) в отношении собственности, распределения и неравенства? Экономическая наука с 50-х гг. XX в. была строгой, технической дисциплиной с физическим пониманием мира, использующей формально-логический аппарат математики и забывшей, что она гуманитарная отрасль знания.

Результаты

Возвращение экономической науки к экономической культуре происходило двумя путями: как бы извне и изнутри. Извне этому способствовали международные экономические (в большинстве – некоммерческие) организации и специализированные фонды для помощи развивающимся странам, указывавшие, что стандартные экономические модели неприменимы к разнородным и составным сообществам. Были инициированы массовые компаративистские исследования, учитывавшие культурные различия. Давление изнутри науки исходило из нового теоретического проекта, доказывавшего, что все факторы являются комплементарными или равнозначными. Их влияние (дефиниции схожи: внеэкономические, сравнительно-культурные, социетальные) следует анализировать инструментами экономической теории. Этим проектом стала новая институциональная экономика (НИЭ), которая вдохновлялась идеями социолога И. Валлерстайна о мир-системах и историка Ф. Броделя о «разных капитализмах». По-своему изменила экономическую теорию поведенческая экономика, которая, используя «ядро» науки с ее любимым инструментом анализа по Нейману – Моргенштерну и Нэшу, развернула теорию игр применительно к аксиоматике науки. Нарушения предпосылок о рациональности и стойкости предпочтений являются особым видом субъективного поведения – иррациональным выбором. Технически это означает, что кривые безразли-

чия не столь эндогенны и не предопределены. В этом случае, если предпочтения и субъективные ценности становятся экзогенными величинами, то появляется удобный канал проникновения культуры в классическую модель экономического поведения, что, несомненно, обогащает ортодоксальную экономическую теорию, не разрывает ее, а лишь качественно дополняет.

Еще Т. Веблен рассматривал институты как образы мышления и действия, наиболее склонные к изменениям, как механизм приспособления индивида и коллектива (сообщества) в процессе культурной эволюции общества.

Если же не включать экзогенные переменные в анализ, то можно представить культуру как источник ограничений в модели рационального выбора. Так как индивиды не обладают совершенной информацией и вынуждены избегать неопределенности, то они «изобретают» (эволюционно адаптируются) институты: социальные правила и нормы поведения, что делает окружающую действительность более предсказуемой. Институты укореняются в обществе и способствуют устойчивости развития.

Список литературы

1. *Автономов В.* Путеводитель по культуре для экономистов // Бегельсдайт Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке. М. ; СПб., 2016. 446 с.
2. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. 320 с.
3. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ, 1997. 464 p.
4. *Гурц К.* Интерпретация культур : пер. с англ. М., 2004. 560 с.
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. 604 с.
6. *Тросби Д.* Экономика и культура. М., 2018. 256 с.
7. *Харрисон Л.* Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М., 2016. 286 с.
8. *Hofstede G.* Cultures and Organizations : Software of the Mind. L., 1991. 280 p.
9. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 10–23.
10. *Бегельсдайт Ш., Маселанд Р.* Культура в экономической науке. М. ; СПб., 2016. 446 с.
11. *Веблен Т.* Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки : из опыта изучения экономики как структуры и процесса : альманах. Вып. 6. М., 2007. С. 10–32.

12. Ореховский П. А. «Акторно-сетевой подход» Б. Латура и «фактор культуры» в анализе экономических процессов // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 157–167.
13. Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М., 2015. 720 с.

Образец для цитирования:

Максимов В. А. Реверсия культуры в экономическую науку в современных исследованиях: политико-экономический аспект // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 366–370. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-366-370>

Reverse of Culture in Economic Science in Modern Research: Political Economic Aspect

V. A. Maksimov

Vadim A. Maximov, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, maxvad53@yandex.ru

Introduction. The article deals with the problems of interaction between economic culture and economic science. **Theoretical analysis.** The evolution of the paradigm of studying the interaction of culture and economy is analyzed, the demarcation of these concepts is carried out, the reversion of economic science to culture is theoretically investigated, and individual and collective behavior is understood within the framework of universalism and uniqueness, which finds practical application in modern comparative studies. The importance of the socio-economic culture as a factor of sustainable development is underlined. **Results.** If preferences and subjective values become exogenous values, then a convenient channel for cultural penetration into the classical model of economic behavior appears, which undoubtedly enriches the orthodox economic theory. If exogenous variables are not included in the analysis, then culture cannot be imagined as a source of constraints in the rational choice model, since individuals do not have perfect information and are forced to avoid uncertainty, they “invent” (evolutionally adapt) institutions: social rules and norms of behavior; that make the surrounding reality more predictable, institutions take root in society and contribute to the sustainability of development.

Key words: demarcation of culture and economy, stages of influence and divergence.

References

1. Avtonomov, V. Guidebook on Culture for Economists. In: Begelsdijk Sh., Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke* [Culture in Economic Science]. Moscow, St. Petersburg, 2016. 446 p. (in Russian).
2. *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obschestvennomu progressu* [Culture is important. How values contribute to social progress. Ed. by L. Harrison, S. Huntington]. Moscow, 2002. 320 p. (in Russian).
3. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization*. Princeton, NY, 1997. 464 p.
4. Girts K. *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow, 2004. 560 p. (in Russian).
5. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow, 2003. 604 p. (in Russian).
6. Throsby D. *Ekonomika i kul'tura* [Economics and culture]. Moscow, 2018. 256 p. (in Russian).
7. Harrison L. *Evrei, konfutsianty i protestanty. Kul'turnyi kapital i konets mul'tikul'turalizma* [Jews, Confucians and Protestants. Cultural capital and the end of multiculturalism]. Moscow, 2016. 286 p. (in Russian).
8. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London, 1991. 280 p.
9. Robbins L. Subject of Economic Science. *THESIS*, 1993, iss. 1, pp. 10–23 (in Russian).
10. Begelsdijk Sh., Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke* [Culture in Economic Science]. Moscow, St. Petersburg, 2016. 446 p. (in Russian).
11. Veblen T. Why is Economics not an Evolutionary Science? In: *Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessy* [Origins: from the experience of studying the economy as a structure and process. Almanac. Iss. 6]. Moscow, 2006, pp. 10–32 (in Russian).
12. Orekhovskiy P. A “Actor-Network Approach” of B. Latur and “Factor of Culture” in the Analysis of Economic Processes. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2017, no. 3, pp. 157–167 (in Russian).
13. Asemoglu D., Robinson J. A. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishety* [Why some countries are rich, and others are poor. Origin of the power, prosperity and poverty]. Moscow, 2015. 720 p. (in Russian).

Cite this article as:

Maksimov V. A. Reverse of Culture in Economic Science in Modern Research: Political Economic Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 366–370 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-366-370>

УДК 330.11

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИРОВАНИЯ

А. Р. Трубицын

Трубицын Александр Романович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alexander.trubitsin@gmail.com

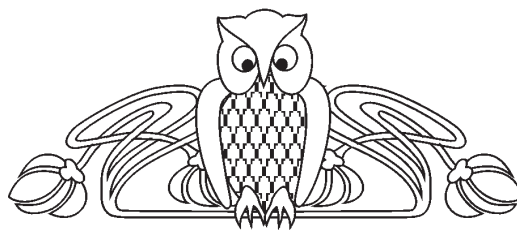
Введение. Теоретически и практически важно исследование вопросов информационного обеспечения инвестирования, поскольку только на основе развития хорошей информации возможна активизация инвестиционной деятельности. **Теоретический анализ.** Информационное обеспечение инвестирования существует как сочетание общих и специфических отношений, позволяющих развиваться инвестиционной деятельности. Информационное обеспечение инвестиций существует на всех уровнях хозяйствования и характерно для всех субъектов экономики. **Обсуждение результатов.** В современной российской экономике реально осуществляется информационный процесс инвестиций в виде получения знаний различными инвесторами о доступности и возникновении предложений о возможности получения инвестиций. Эта информация связана с развитием различных форм информации и обеспечения ее доступности при одновременной защите. **Выводы.** Информационное обеспечение инвестирования имеет ряд особенностей. Такая информация доступна различным ее пользователям. Эта информация имеет внутренние закономерности развития, что обеспечивает наличие современных форм информационного сопровождения инвестиций

Ключевые слова: информация об инвестициях, особенности современной информации об инвестиционных процессах, институты информации об инвестициях.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-371-376>

Введение

Важнейшим условием современного развития инвестиций является их информационное обеспечение. Это обеспечение представляет собой жизненную среду, поскольку без информации они существовать не могут. Множество видов инвестиций порождает и множество видов необходимой для них информации. Существует информация, нужная всей системе инвестирования, независимо от вида инвестиций. Но есть информация, специально предназначенная для развития определенного вида инвестиций. Понятие «информационное обеспечение инвестиций» означает динамичность получения информации, постоянный мониторинг этой информации, обновление и использование ее субъектами

инвестиций. При этом происходит адаптация информации к конкретным видам инвестиций. Иначе говоря, информационное обеспечение инвестиций – это отношения по поводу текущей информации, необходимой их развитию, отношения мониторинга, обновления, адаптации информации к потребностям региона.

Теоретический анализ

Существуют общегосударственное и региональное информационное обеспечение инвестиций. Эти отношения различаются между собой как общие информационные и как специфические информационные отношения. При этом они отличаются конкретным содержанием, синергетическими эффектами на уровне страны или региона, но вместе с тем в системе информационного сопровождения рынков взаимодействуют друг с другом. Общие информационные отношения представляют собой спрос и предложение всех видов информационных услуг со стороны субъектов экономики, специфические же ориентированы именно на данные инвестиции в соответствии с потребностями инвесторов и потребителей инвестиций. При этом информационные отношения существуют не только в пространстве, но и во времени.

Информационные отношения развиваются в системе возрастания потребностей в информации. Это возрастание осуществляется потому, что рынок, развиваясь, требует все большей и конкретизированной информации. Увеличивается количество конкурентов, а также конкурирующих ситуаций на рынках инвестиций.

Информационное обеспечение инвестиций происходит как рыночная купля-продажа информации и как сбор этой информации нерыночным путем. Получается два слоя информационного обеспечения инвестиций. Один слой – это рынок информации, где существует спрос и предложение информации, происходит конкуренция между ее продавцами и покупателями, возникает теневой оборот информации об инвестициях. Второй слой такого информационного обеспечения представляет собой добычу нерыночным путем самой различной информации об инвестициях. Информация, полученная как первым, так

и вторым способами, используется конкретными продавцами и потребителями инвестиций. Естественно, что при этом происходит искажение информации.

Содержание информации вызывает научную полемику. Так, отечественный философ А. Д. Урсул считает, что «под информацией в широком смысле понимается главная часть или сторона такого атрибута материи, как отражение. Ее особенность заключается в том, что она может объективироваться, опредмечиваться, передаваться и вообще участвовать в других формах движения...» [1, с. 23]. Классическую характеристику содержания информации дал Н. Винер. Он считал, что информация – это «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему наших чувств» [2, с. 178]. В современных трактовках информация предстает как совокупность знаний, сведений, связей между знаниями, сведениями [3, с. 211]. Информация в экономике является ресурсом, результатом интеллектуальной деятельности. При этом как вид ресурсов она не исощается, не исчезает, а постоянно качественно совершенствуется, накапливается. Информация как экономический ресурс обладает свойствами вычленения знаний из внешней среды для нужд управления, развития, рыночных действий субъектов рыночных отношений.

Для усиления инвестиционной деятельности субъектов экономики характерно возрастающее значение информации, культуры, взаимного доверия хозяйствующих субъектов, процедуры принятия и осуществления управленческих решений. Это, как отметил Э. Тоффлер [4], требует метаморфозы власти и ее отношений с рынком. В ходе информационного обеспечения инвестирования происходит превращение инвестиционной активности в обычное бытие субъектов экономики, что не только означает революцию в процессах создания информации об инвестициях, но и изменяет состав этой информации, способы ее создания. Иначе говоря, постоянная инвестиционная активность субъектов экономики как способ их хозяйственного поведения есть не что иное, как постоянное обновление информации об инвестициях.

Информационное обеспечение инвестиционных процессов в России развито неплохо. Существует как бесплатная информация, доступная инвесторам и потребителям инвестиций, так и платная рыночная, позволяющая получать специальные знания об инвестициях, о возможности повышения их эффективности. Информационное обеспечение инвестиций является непременным атрибутом любого инвестиционного процесса,

приводит к возрастанию его привлекательности. Доступность информации позволяет усилить инвестиционную активность всех субъектов экономики. Дело в том, что информационная обеспеченность инвестиционных процессов является интегральным ресурсом, поскольку повышает конкурентоспособность субъекта экономики. Разные ее состояния порождают в этом субъекте экономики бифуркацию, нарушают уже сложившиеся комплексные процессы, меняют фазовый портрет инвестиционной системы, поскольку бифуркации в экономике сопровождаются значительной структурной перестройкой экономической системы [5, с. 42]. Это приводит к необходимости кооперироваться во всех инвестиционных процессах, в том числе и информационных.

В реальной практике информационное обеспечение инвестиций означает создание условий для нахождения материальных и финансовых (собственных и заемных) средств субъектом экономики на всех этапах существования инвестиционного процесса. Мы не можем согласиться с разработанной в экономической литературе классификацией этапов инвестиционного процесса: преобразование ресурсов в капитальные вложения (затраты), превращение вложенных средств в прирост капитальной стоимости, прирост капитальной стоимости в виде доходов. При этом все эти этапы представляются как единая цепочка «доход – ресурсы – конечный результат» [6, с. 117]. Такой подход отражает чисто финансовую сторону инвестиционного процесса в ходе осуществления инвестиционной активности, и то далеко не полностью. По нашему мнению, процесс инвестирования намного богаче по содержанию. Его этапами являются: аккумуляция доходов и заемных средств субъектов экономики, преобразование этих ресурсов в капитальные вложения, в инвестиционные товары и инвестиционные услуги, производство товаров и товарных услуг на возросших производственных мощностях, получение дохода от реализации этих товаров и услуг, возвращение заемных средств инвестирования, получение прибыли от использования накопленного капитала, приращение объектов собственности и капитала субъекта экономики.

Обсуждение результатов

В настоящее время при интеграционных экономических процессах немалую роль в инвестициях должны играть иностранные инвестиции. Информация об иностранных инвестициях имеет не столько первичное, сколько вторичное значение, характеризующее, как субъект хозяй-

ствования оценивается иностранными инвесторами, как привлекателен он для таких инвесторов. В данный момент отечественная экономика существует в условиях достаточно жестких санкций. Поэтому величина привлекаемых инвестиций из-за рубежа редко идет напрямую. Происходит информационно-инвестиционная трансформация, когда создаются совместные предприятия и уже через них осуществляется инвестирование. Значит, информация об ин-

вестициях, их величине и структуре скрыта и трансформирована, а нередко искажена.

Приводимая ниже таблица весьма специфична с точки зрения информации об инвестиционных процессах, поскольку показывает поступление иностранных инвестиций до введения жестких санкций. При этом учитываются как экономическое влияние на привлечение иностранных инвестиций, так и политическое воздействие на эти процессы.

**Вложения иностранного капитала в экономику регионов России, млн долл.
Investments of Foreign Capital in the Economy of the Regions of Russia, Million Dollars**

Регион	2003	2004	2006	2007	2008	2009	20012
Россия	29 699	40 509	55 109	120 941	103 769	81 927	154 570
Республика Татарстан	176	596	484	1679	2593	2240	736
Самарская область	414	1097	1792	2367	2654	1054	2379
Саратовская область	14,9	3,1	28,0	92,0	110,0	197,0	187,0

В 2017 г. эти инвестиции в Республике Татарстан возросли почти в 3 раза по сравнению с 2012 г. В Самарской области произошло почти двукратное увеличение иностранных инвестиций, а в Саратовской области – только 30% увеличение. Причем во всех субъектах изменение инвестиций связано с вложением капитала в конкретные предприятия.

Особое значение для обеспечения количественного привлечения инвестиций и роста их эффективности играет институциональное обеспечение получения информации по инвестициям всех видов, осуществляемых на всех уровнях хозяйствования [7]. Важное значение, на наш взгляд, имеет тот факт, что в России в конце 2013 г. открылось Российское инвестиционное агентство. Дело в том, что это агентство не только опирается на работу инвестиционных информационных институтов, имеющих в регионах, но и является дополнительной институциональной структурой, позволяющей активнее использовать информацию в формировании, осуществлении инвестиционных процессов в стране, на межрегиональном уровне. Сейчас это агентство располагает информацией о нескольких сотнях проектов инвестиций по всем субъектам страны. Уже дана их экспертная оценка. Агентство содействует заключению инвестиционных соглашений как с российскими, так и с международными агентствами, что позволяет сглаживать те санкции, какие наложены на Россию. В этом случае должно улучшиться поступления иностранных инвестиций в страну.

Иностранные инвестиции в такой большой и богатой ресурсами стране, как Россия, не могут быть единственным источником и единственной базой активизации инвестиций субъектами экономики разных форм собственности. Однако иностранные инвестиции корреспондируются с освоением новых современных технологий, обучением передовым современным знаниям работников предприятий и управленческих кадров. Это означает, что иностранные инвестиции позволяют интегрироваться в мировую экономику множеству параметров развития страны.

Информация о привлечении всех видов инвестиций позволяет сделать интересные выводы и не только предположить, какова динамика инвестиций, но и прогнозировать необходимую управленческую работу в инвестиционной сфере. Экономический кризис 2008–2009 гг., а затем 2014–2015 гг. изменил ситуацию с инвестиционной активностью. В 2009 и 2015 гг. экономические кризисы отрицательно воздействовали на инвестиционный климат многих субъектов хозяйствования в стране. Особую роль в этом процессе играет развитие государственно-частного предпринимательства (ГЧП), поскольку проекты ГЧП активно привлекают новых участников. Государство рассматривает ГЧП как важнейший инструмент для решения вопросов модернизации экономики, развития транспорта, инфраструктуры. Активный интерес стали проявлять восточные и европейские концессионные компании. Например, ряд французских компаний участвует одновременно в нескольких российских инве-

стиционных проектах. Российское правительство способствует этому процессу. Так, в конце 2013 – начале 2014 г. было выделено 450 млрд руб. из Фонда национального благосостояния на финансирование инфраструктурных проектов. Одним из ключевых факторов инвестиционной привлекательности инфраструктурных проектов ГЧП для отечественных и иностранных инвесторов является возможность получения стабильной и реально прогнозируемой доходности в течение длительного времени. То есть информационная доступность таких проектов реально привлекает в них инвесторов. При этом происходит сочетание государственной и частной собственности в таких проектах и в действиях инвесторов. Инвестиции востребуются бизнесом при рамочной системе государственных действий. Координация, кооперация бизнес-действий позволяет убрать лишние затраты труда (живого и овеществленного), образовать новую систему экономики.

Мы считаем, что важнейшими факторами увеличения потребности в инвестициях выступают устойчивая успешность хозяйственного наращивания объемов производства, доступных для потребления товаров и услуг, современного развития инфраструктуры, управляемая инфляция. Сейчас управляемая инфляция в стране достигнута, но рост объемов производства пока очень мал (известно, что в 2017 г. прирост промышленного производства составил не более 1,5%).

Инвестиционная активность может развиваться при реальном направлении этого процесса на инновации, что требует сетевого взаимодействия науки и производства, резкого наращивания реального информационного обеспечения инвестиционных процессов. Проходивший в 2017 г. в Саратове экономический форум позволил заключить региону много инвестиционных договоров. Еще в 2008 г. проводившаяся ярмарка инноваторов и бизнес-ангелов Приволжского федерального округа в Чебоксарах показала востребованность инновационных действий в инвестиционных процессах. Участвовали в этой ярмарке 700 компаний из 23 регионов страны. При этом было представлено более 500 инновационных проектов. Конечно, не все эти проекты были реализованы. Прошедшие 10 лет показывают значительно возросшую реальную востребованность инновационных инвестиций, но больше всего – необходимость качественной информации по этим вопросам.

Экономические вызовы постоянно инициируют усиление информационной активности в инвестиционной сфере. Способом преодоления таких вызовов, сокращения отрицательных ре-

зультатов осуществления этих вызовов является использование благоприятного инвестиционного и информационного климата в стране, развитие новой модели рынка информации, который бы обеспечивал инвестиционно-инновационное развитие страны. Кризис современной модели рынка, созданного в нашей стране, когда на рынке господствует только рост цен, не позволяет доступно пользоваться информацией об инвестициях.

Развитие информации об инвестициях означает снижение уровня экономического эгоизма внутри страны, а также усиление экономической безопасности, поскольку без нее ни о каком развитии информации не может быть и речи, так как никогда (в исторически обозримом периоде) не будет поставлен знак тождества между экономическими интересами различных стран мира. Следовательно, ориентация на общую внутреннюю национальную экономику становится базой развития информации об инвестициях России.

Мы считаем, что сейчас страна находится на переходном этапе формирования информационного климата. Ни один экономический субъект пока не может быть уверен в прочности занимаемого им места. Эта зыбкость положения, неустойчивость и неуверенность действий государства, фирм, населения, регионов, общественных организаций и т.д. усиливает в современных отношениях страны роль случая (экономического, индивидуального и проч.), везения. Поэтому и мерилom успеха стало даже не количество денег, не доступность инвестиций, а информационная доступность сведений о возможности получения субъектами экономики инвестиций. Заказы на такую информацию необходимо размещать в профессионально зарекомендовавших себя научных и рыночных центрах. При этом создавать новые организационные структуры совершенно не обязательно. Очень важно, чтобы такая информация не использовалась только в частных интересах в ущерб всего общества и региона. Значит, лишь нейтральные информационные организации могут быть привлекаемы к данной работе. Единые центры информационного сопровождения рынков в регионах позволят защитить информацию от несанкционированного доступа множества коммерческих посреднических и информационных организаций, от определенного искажения информации. Иностранные фирмы для информационного обеспечения инвестиций, думается, должны привлекаться очень ограниченно. В некоторые же системы информации об инвестициях их вообще нет смысла привлекать в ближайшие годы.

Особое значение в настоящее время приобретают такие методы привлечения информации об инвестициях, как экстраполяция и корреляция трендов при краткосрочном прогнозировании состояния инвестиций. Известно, что информация очень часто бывает асимметрична. Асимметрия проявляется и в понимании соотношения федеральной и региональной информации об инвестициях, и в возможности обладания ею тем или иным участником инвестиционных процессов. Следовательно, информационное сопровождение инвестиций имеет предназначением сократить асимметрию этого процесса. Основными институтами и структурами, способными к этому, являются печать, телевидение, радио, информационные агентства, часть интернет-ресурсов, информационные центры местных органов управления. Зависимыми институтами информации выступают маркетинговые отраслевые и фирменные центры, информационные агентства, организованные как специализированные для формирования информации ряду участников инвестиционного процесса.

Существуют внутренние закономерности жизни самого информационного сопровождения инвестиций, состоящие в сравнительно короткой востребованности информации об определенном инвестиционном процессе, о недопустимости опаздывания такой информации. Это же относится и к информации, предложенной намного раньше необходимого прогнозирования (поскольку эта информация всегда вероятна, может ко времени прогнозирования устареть). Жизненный цикл информационного сопровождения инвестиций формируется на основе жизненного цикла самих инвестиций. Конечно, он тоже подвержен маркетинговому воздействию, но это влияние более слабое, чем на жизненный цикл товара. Более активное воздействие на жизненный цикл информационного сопровождения инвестиций оказывают технологическое обеспечение этого сопровождения, новизна технологий и проч.

Выводы

Таким образом, во-первых, информационное сопровождение инвестиций динамично по своей природе, поскольку потребности инвесторов в информации постоянно меняются, возникают их

новые взаимодействия и сочетания. Динамика информационного сопровождения инвестиций обусловлена непрерывностью получения информации, стратегической направленностью использования информации, но сама информация при этом используется как товар краткосрочного (непрерывного) и долгосрочного (дискретного) использования. Во-вторых, динамика информационного сопровождения инвестиций эффективна только тогда, когда формирует оптимальные издержки. При этом особое значение для данного процесса имеют транзакционные издержки стратегической информации. Для инвесторов значимо преодоление информационного неравенства, поскольку неравенство порождает излишние реальные и транзакционные издержки на приобретение, распространение, охрану и использование информации. В-третьих, динамика информационного сопровождения инвестиций проявляется в постоянной необходимости корректировки этого сопровождения. Выход из такого положения – только в развитии инвестиционной инфраструктуры, в том числе и информационной, увеличение достоверной доступной информации, активизация государственных информационных структур, чтобы пользование ими противостояло ангажированным частным информационным структурам.

Список литературы

1. Урсул А. Д. Путь в ноосферу (концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). М., 1993. 275 с.
2. Виннер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. 200 с.
3. Мизинцева М. Ф. Информационные механизмы развития региональных хозяйственных систем. Волгоград, 2001. 332 с.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009. 800 с.
5. Егоренков Н., Казакова Е., Стародубцева М. Фазовая модель товарно-денежного хозяйства // Вопр. экономики. 2005. № 8. С. 41–47.
6. Бочаров В. В. Методы финансирования инвестиционной деятельности предприятий. М., 1998. 158 с.
7. Огурцова Е. В., Трубицын А. Р. Роль отношений инвестиционной активности в формировании функциональной структуры экономики России // Вестн. ВолГУ. Сер. 3. Экономика. Экология. 2010. № 1 (16). С. 46–53.

Образец для цитирования:

Трубицын А. Р. Теоретические вопросы информационного обеспечения инвестирования // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 371–376. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-371-376>

Theoretical Questions of Information Support for Investment

A. R. Trubitsin

Alexander R. Trubitsin, <https://orcid.org/0000-0003-4194-6903>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, alexander.trubitsin@gmail.com

Introduction. It is theoretically and practically important to understand and research questions of information support for investment, because only based on the development of good information is possible the activation of investment activity. **Theoretical analysis.** Information support of investment exists as a combination of general and specific relationships that allow the development of investment activities speed up. Information support of investments exists at all levels of management and is specific for all subjects of the economy. **Discussion of results.** In the modern Russian economy, the information process of investments is actually implemented in the form of obtaining knowledge by various investors about the availability and origin of proposals for the possibility of obtaining investment. This information is associated with the development of various forms of information and ensuring its accessibility while protecting the information. **Conclusions.** Information support for investment has a number of features. Such information is available to its various users. This information has internal patterns of development, which ensures the availability of modern forms of information support for investments.

Key words: information about investments, features of modern information on investment processes, institutions of information on investments.

References

1. Ursul A. D. *Put' v noosferu (kontsepsiya vyzhivaniya ustoychivogo razvitiya tsivilizatsii)* [The way to the noosphere (the concept of survival and sustainable development of civilization)]. Moscow, 1993. 275 p. (in Russian).
2. Winner N. *Kibernetika i obschestvo* [Cybernetics and society]. Moscow, 1958. 200 p. (in Russian).
3. Mizintseva M. F. *Informatsionnyye mekhanizmy razvitiya regional'nykh khozyaistvennykh system* [Information mechanisms of development of regional economic systems]. Volgograd, 2001. 332 p. (in Russian).
4. Toffler A. *The Third Wave*. Bantam books, 1980. 520 p. (Russ. ed.: Toffler A. *Tret'ia volna*. Moscow, 2009. 800 p.).
5. Egorenkov N., Kazakova E., Starodubtseva M. Phase Model of Commodity-Money Economy. *Voprosy Ekonomiki*, 2005, no. 8 (16), pp. 41–47 (in Russian).
6. Bocharov V. V. *Metody finansirovaniya investitsionnoi deiatel'nosti predpriyatij* [Methods of financing the investment activity of enterprises]. Moscow, 1998. 158 p. (in Russian).
7. Ogurtsova E. V., Trubitsyn A. R. The Role of Investment Activity Relations in Developing Functional Structure of Russian Economy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Ekonomika. Ekologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System], 2010, no. 1 (16), pp. 46–53 (in Russian).

Cite this article as:

Trubitsin A. R. Theoretical Questions of Information Support for Investment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 371–376 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-371-376>

УДК 330.1

ОГРАНИЧЕНИЯ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИЙ В РОССИИ

О. А. Шлякова

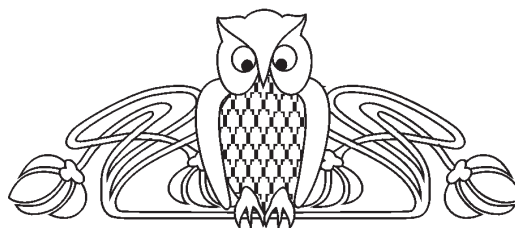
Шлякова Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, engovatova@list.ru

Введение. Современное экономическое развитие России сталкивается с ограничениями коммерциализации инноваций в экономике, выявление которых явилось целью проведенного исследования. В исследовании в качестве основной проблемы инновационного развития представлено несоответствие качества структуры отраслевых рынков российской экономики, формирующих ее инновационный сегмент, и интенсивности распространения инноваций в России. **Теоретический анализ.** В статье рассмотрены неоклассические подходы, подтверждающие, что на рынке совершенной конкуренции стимулы к инновациям ниже, чем на рынке монополии. Однако и в условиях монополии существуют ограничения развития инновационной деятельности из-за высоких издержек и низкой вероятности открытий. **Эмпирический анализ** основан на анализе данных о 50 крупнейших технологических компаниях России и 30 технологических продуктах «для людей», сделанных в России. **Результаты.** Проведенное исследование позволило выявить наличие ограничений коммерциализации инноваций, связанных с организационной структурой рынка инноваций, монополизированностью рынков и низкими доходами населения. **Ключевые слова:** коммерциализация инноваций, организационная структура рынка, монополия, доходы населения.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-377-385>

Введение

Инновации в современной экономике составляют важное конкурентное преимущество компании, основанное на целенаправленном использовании знаний для эффективного функционирования. Инновации предполагают определенный способ организации деятельности по воплощению знаний в практические новшества для возможно более полного удовлетворения существующих и новых потребностей индивидов и организаций, социальных групп и общностей, всего общества. Инновации способны снизить издержки функционирования организации. Вместе с тем инновации влияют на структуру рынка. Больше стимулов к инновационной деятельности существует у конкурентной фирмы, но и в условиях олигополии возможна активизация инновационной деятельности. Стимулы для инноваций возникают и в условиях монополии. С одной стороны, монополистом движет стремление к

получению прибыли выше среднего уровня, а, с другой стороны, монополист готов пожертвовать частью получаемого дохода в текущем периоде с целью получения потока доходов в перспективе. Монополист стремится к получению определенных конкурентных преимуществ и готов инвестировать в инновации. Однако, несмотря на то, что у монополиста есть стимулы к инновационной деятельности, все же объемы инноваций, продуцируемые в условиях монополии, меньше тех объемов, на которые рассчитывает общество.

Новые идеи ценны сами по себе, а в современной экономике неизмеримо возросла скорость их материализации и внедрения. Время между появлением изобретения и его практическим использованием составляло: для фотографии – 100 лет, для паровой машины – 80, для телефона – 50, для самолета – 20, для радара – 15, для атомной бомбы – 6 лет, для лазера – 2 года, для факса – 3 месяца. При этом инновационное развитие в современных условиях сопряжено с ограничениями коммерциализации инноваций в российской экономике, выявление которых являлось целью нашего исследования.

Проведенное исследование позволило установить, что переход от традиционных управленческих (минимизация издержек) к предпринимательским (создание новой ценности) механизмам обеспечения конкурентных преимуществ фирм затруднен организацией рынков инноваций. В свою очередь, монополизированная экономика России тормозит инновационное развитие, так как цены на инновации в определенном периоде высокие, что ограничивает их потребление со стороны домашних хозяйств, у которых низкие доходы.

Среди проблем коммерциализации российских разработок исследователи отмечают следующие:

- слабость политики государства по поддержке промышленного воспроизводства [1];
- сложность коммерческой оценки предлагаемых разработок, технологий;
- незавершенность большинства исследований;
- низкий уровень правовой грамотности;
- низкий уровень реализации накопленного человеческого капитала [2];

– недостаточность инфраструктуры для коммерциализации технологий [3].

В отличие от существующих отечественных и зарубежных разработок в представленном исследовании в качестве основной проблемы инновационного развития показано несоответствие качества структуры отраслевых рынков российской экономики, формирующих ее инновационный сегмент, и интенсивности распространения инноваций в России. Согласно «гипотезе Шумпетера», стимулы к инновациям ниже на рынке совершенной конкуренции, чем на рынке монополии. Однако в российской экономике, структура подавляющего большинства отраслевых рынков которой далека от совершенной конкуренции, коммерциализация инновационных разработок затруднена, т.е. существующая структура отраслевых рынков ограничивает развитие инноваций.

Теоретический анализ

Стоит выделить как минимум две идеи об инновациях на отраслевых рынках. Так, Й. Шумпетер привлек внимание к тому, что динамичный предприниматель изобретает новые комбинации факторов производства, которые и являются источником предпринимательской прибыли. Й. Шумпетер выделил пять таких комбинаций [4].

Конкуренция постоянно побуждает производителей к созданию новых продуктов и технологий. Конкуренция порождает предпринимателей-первопроходцев. Также конкуренция способствует быстрому продвижению и распространению инноваций. Ведь в условиях конкуренции никто не может долго почивать на лаврах. Хороший продукт быстро находит подражателей и имитаторов. Преимущество, которого достигает предприниматель-новатор, как правило, бывает трудно долго сохранять. В принципе, это положительный момент, от этого все получают пользу: и сам предприниматель, и общество.

Вместе с тем рост скорости распространения инновации порождает определенные проблемы. В случае, когда новинки копируются очень быстро, новатор не успевает покрывать издержки, связанные с разработкой новшества, возникает риск финансовых потерь, что снижает стимулы к инновационной деятельности. Если инновации приносят убытки, их просто нецелесообразно внедрять. Избежать данной ситуации позволяют патенты, по крайней мере, на так называемые радикальные изобретения. Патенты особенно важны в фармацевтической промышленности, где, как правило, требуются годы для того, чтобы разработать и вывести на рынок новый препарат. Столь длительные сроки обусловлены, с одной

стороны, научной сложностью задач, а с другой – серьезнейшими требованиями к безопасности медицинских препаратов, которые предъявляет государство. Патентование разработок позволяет таким компаниям покрыть издержки долгосрочного внедрения. Патент обеспечивает инноватору сохранение права собственности на изобретение в течение определенного срока и тем самым получение дохода.

По мнению В. Ойкена, существует одна-единственная сфера, где конкуренция не нужна и оправдана монополия на национальном уровне – сфера денежного обращения. Ойкен решительно высказывается в пользу «предоставления Центральному банку исключительной привилегии на эмиссию денег» [5, с. 89].

Нобелевский лауреат по экономике Ф. Хайек [6] сформулировал концепцию, ядром которой является представление о рынке как особом информационном устройстве, осуществляющем выявление, использование и координацию знаний миллионов независимых друг от друга людей. Конкурентный рынок позволяет минимизировать неизбежную асимметрию этой информации, а также обеспечить синтез предельно конкретного знания (практические навыки и умения, мастерство, профессиональные приемы и привычки) с предельно абстрактным знанием. Опираясь на информационную функцию цены, каждый экономический агент получает оценку своих специфических знаний.

О. Шаем выделяются два вида инноваций: *инновации процессов* – разработка новых технологических процессов производства существующих товаров, т.е. поиск новых низкочастотных способов производства, по сути, снижения издержек, и *инновации продуктов* – исследования, направленные на появление и внедрение технологий производства новых товаров, т.е. появление совершенно нового рынка с совершенно новым спросом [7].

Также в современных исследованиях [8, 9] выделяются нерадикальные инновации, которые видоизменяют существующие средства для лучшего удовлетворения имеющихся потребностей, и радикальные инновации, открывающие принципиально новые практические средства для новых потребностей.

В случае нерадикальных инноваций инноватор либо будет сосуществовать на рынке с другими компаниями, что не приводит к монополизации структуры рынка, либо, если инноватор желает быть единственным продавцом, он должен устанавливать цену, ориентируясь на издержки своих конкурентов, которые инновации не осуществили. Нерадикальная инновация мо-

жет привести к снижению цены, если интенсивность конкуренции между компаниями до инновации была не очень высока. Но по сравнению с той ценой, которая устанавливалась бы на рынке, где продавцы конкурируют по Бертранию [7], цена снизится в лучшем случае на ε . На рынке, на котором коммерциализированы нерадикальные инновации, можно также ожидать перераспределения долей. Однако имеются меньшие основания ожидать появления монопольной структуры рынка. Нерадикальная инновация позволяет монополисту получить больший выигрыш в результате внедрения разработки, и монополист готов увеличивать расходы на инновационную деятельность. Монопольная власть повышает стимулы к инновациям.

Радикальная инновация приводит к снижению цены, новое значение которой зависит от масштаба снижения затрат. Внедрение радикальных инноваций, соответственно, приводит и к более радикальному изменению структуры рынка. Наличие у отдельной компании преимуществ в издержках приводит к формированию на рынке монополии. Стимулы к радикальной инновации имеет продавец с конкурентной структурой рынка.

Конкурентное предприятие, локально внедряя новшество, характеризуется тем, что оно ограничивается производством и потреблением новшества лишь той фирмой, которая его заказала. Само по себе это способствует росту инновационного потенциала конкурентного предприятия, однако не способствует коммерциализации нововведения и, следовательно, запуску самого инновационного процесса (создания, распространения и использования новшества), обеспечивающего воспроизводство инноваций.

Сопоставление финансовых результатов компаний, имеющих монопольное положение на рынке, владеющих значительной долей рынка, и компаний, функционирующих в условиях конкуренции, владеющих незначительной долей рынка, позволяет утверждать, что выгоды от внедрения инновации компания-монополист получает более длительный отрезок времени. Объясняется данный факт только монопольным статусом компании. Несмотря на то, что конкурентное предприятие внедряет инновацию с высокой скоростью в условиях высокого уровня расходов, общий размер его прибыли от инновации становится меньше размера прибыли монопольного предприятия от внедрения инновации. Следовательно, монополист имеет объективные причины и преимущества инновационной деятельности. Также монополист имеет возможность продавать свою продукцию через внешний

рынок, адресуя ее многим потребителям. Таким образом, рыночные механизмы работают, но ограничены наличием единственного производителя, который определяет рыночные цены и получает монопольную сверхприбыль.

Распространение инновации, когда производство новшества осваивается многими фирмами, способствует воспроизводству инновационной деятельности, цикл инновационного процесса становится полным. Рыночный механизм интегрирует акторов инновации и интенсифицирует инновационный процесс. Отсутствие данного механизма ограничивало развитие инновационного процесса в централизованно планируемой экономике, сосредоточивало его в отдельных секторах экономики.

В отраслях, где есть угроза прихода на рынок нового игрока, уже работающие на рынке компании стараются внедрить инновации, чтобы защитить свое положение. Они готовы купить патент, но не готовы производить продукцию. Поэтому инновации могут повлиять на изменение структуры рынка, но это не обязательный результат.

Модель, отражающая сегмент экономики, в котором две независимые фирмы, работающие на рынке, инвестируют в инновации, изображена на рис. 1 [7].

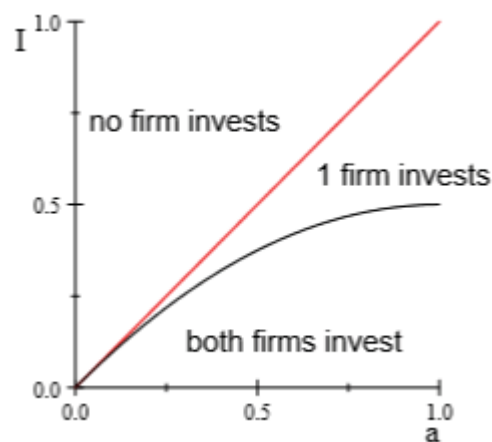

Рис. 1. Гонка инноваций

Fig. 1. Race of Innovation

В большинстве случаев фирма, первой совершившая открытие, получает преимущество в борьбе с конкурентами, и на то есть две причины. Во-первых, у такой фирмы есть право запатентовать свое изобретение и монопольно продавать его, получая соответствующую монопольную прибыль, по крайней мере, в течение нескольких лет. Во-вторых, потребители часто ассоциируют фирму, производящую инновационные товары, с высоким качеством продукции,

и поэтому они готовы переплачивать за бренд, выпущенный на рынок фирмой-инноватором.

В случае создания условий, когда в инновации вкладываются несколько участников рынка, возникает гонка патентов (рис. 2).

Область А на рисунке символизирует такое состояние рынка, при котором никто не инвестирует в инновации, так как низка вероятность успеха или высоки издержки (даже если фирма одна на рынке, т.е. монополия).

Область В символизирует такое состояние рынка, при котором инвестирует в инновации только одна фирма.

Область С символизирует состояние рынка в равновесии. присутствуют две фирмы, но инвестирует только одна, так как это оптимально с точки зрения социального оптимума, потому что слишком высоки издержки дублирования исследовательской деятельности.

Область D на рисунке символизирует ситуацию, в которой обе фирмы инвестируют, поскольку низкие издержки разработки и вывода на рынок инноваций.

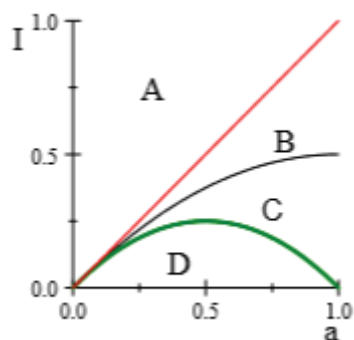

Рис. 2 Гонка инноваций двух фирм
Fig. 2. Race of Innovations of Two Firms

Если две фирмы участвуют в гонке, то каждая наталкивается на две важные неопределенности: первая – технологическая неопределенность, т.е. отсутствие уверенности в том, что открытие действительно будет сделано данной фирмой; вторая – рыночная неопределенность, заключающаяся в том, что открытие может быть сделано конкурентом.

Конкуренция снижает прибыль, и у монополиста увеличиваются стимулы оставаться монополистом и не пускать никого на рынок, т.е. нет стимулов превращаться в дуопольный рынок.

Получается, что «Гипотеза Шумпетера» в отношении инноваций подтверждается, а именно что на рынке совершенной конкуренции стимулы к инновациям ниже, чем на рынке монополии. Однако и в условиях монополии существуют

ограничения развития инновационной деятельности из-за высоких издержек и низкой вероятности открытий.

Эмпирический анализ

Инновационная деятельность включает в себя следующие составляющие:

- исследования;
- открытия;
- разработки;
- усовершенствования;
- приложения;
- коммерциализации нового продукта.

Отрасли с высокой долей затрат на инновации включают:

- аэрокосмическую промышленность (23%);
- производство офисной техники и компьютеров (18%);
- электронику (10%);
- производство медикаментов (9%).

Отрасли, в которых доля затрат на инновации не превышает 1%:

- производство продуктов питания;
- переработка нефти;
- типографские работы;
- мебельная промышленность;
- текстильная промышленность (OECD, данные 1980 г.).

На протяжении многих лет, в течение которых осуществляются технологические инновации, отчетливо видно лидерство такой отрасли, как добывающая. Здесь зафиксирован максимум инновационных затрат в расчете на одну организацию – 369 млн руб. А среднетехнологичные сектора – это химическая промышленность, металлургия, автомобильное производство и др. При этом стоит заметить, что в высокотехнологичных секторах затраты в расчете на одну организацию в 7 раз ниже.

В рамках существующего технологического уклада происходит развитие гибкой автоматизации производства, космических технологий, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, атомная промышленность, авиаперевозки. В этой связи стоит проанализировать два рейтинга – [10] и [11]. Один из них включает 50 технологических компаний России. Лидерами здесь являются в основном государственные компании (34 из 50), производящие технику военного назначения (табл. 1).

Таким образом, национальная инновационная система (НИС) России имеет те же признаки, что и в период Советского государства. Главный мотив создания инноваций – это административный ресурс, который максимально эффективен в военно-технической области.

Таблица 1/ Table 1

Крупнейшие технологические компании России
The Largest Technological Companies in Russia

Компания	Отрасль	Форма собственности	Известные продукты
1	2	3	4
«Сухой»	Авиационная промышленность	Государственная	Истребители Су-22М4, Су-22М3 и др.
«Яндекс»	IT	Частная	Яндекс
«Mail.Ru Group»	IT	Частная	Социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой Мир», почтовый сервис Mail.Ru, мессенджер ICQ
Корпорация «Иркут»	Авиационная промышленность	Государственная	Истребители Су-30СМ, Су-30МК, пассажирские самолеты МС-21, учебно-боевой самолет ЯН-130
Казанский вертолетный завод	Авиационная промышленность	Государственная	Вертолеты Ми-8, Ми-17, «Ансат»
Улан-Удэнский авиационный завод	Авиационная промышленность	Государственная	Вертолеты гражданские Ми-8АМТ, Ми-171, МИ-В/17, военные Ми-ВАМТШ, Ми-171Ш
Корпорация МИТ	Оборонная промышленность, машиностроение	Государственная	Ракета-носитель «Старт-1», баллистическая ракета Р-30 «Булава»
ГКНПЦ им. М. В. Хруничева	Машиностроение	Государственная	Ракеты-носители «Протон-М», «Рокот», «Космос-3М», разгонный блок «Бриз-М» и другие, модули МКС «Заря», «Звезда», космические аппараты
«Роствертол»	Авиационная промышленность	Государственная	Вертолеты гражданские Ми-26, военные Ми-35М, Ми-28Н «Ночной охотник»
Уфимское моторостроительное ПО	Авиационная промышленность	Государственная	Двигатели АЛ-31Ф, АЛ-41Ф-1С, газоперекачивающие агрегаты 16-Р «Уфа», 16-АЛ «Урал», газотурбинные приводы
«Севмаш»	Судостроение, нефтяное машиностроение	Государственная	Атомные подводные лодки, морская стационарная платформа «Приразломная»
Новочеркасский электро-возостроительный завод	Железнодорожное машиностроение	Частная	Пассажирские электровозы ЭП1М, ЭП1П и другие, грузовые электровозы 4ЭС5К, 3ЭС5К
Ульяновский автомобильный завод	Автомобильная промышленность	Частная	УАЗ
РКК «Энергия» им. С. П. Королева	Ракетно-космическая отрасль	Государственная	Космодром «Морской старт», ракета-носитель «Зенит», грузовой космический корабль «Прогресс», пилотируемый корабль «Союз», спутник связи «Ямал-200», электротрицикл
Завод им. Дегтярева	Оборонное производство, производство мототехники	Частная	Пулеметы КОРД, 6П60, Калашникова и другие, гранатометные комплексы и гранатометы, другое стрелковое вооружение, мототехника

Окончание таблицы 1/End of table 1

1	2	3	4
«Адмиралтейские верфи»	Судостроение	Государственная	Подводные лодки 636, «Амур 1650», глубоководный аппарат «Русь», моторные лодки «Мастер», арктические танкеры Р-70046, танкеры 15966, 05-55 и другие, ледокольный буксир
РКЦ «Прогресс»	Машиностроение	Государственная	Ракета-носитель «Союз-2» и другие, космический комплекс «Зенит» и другие, блоки выведения «Волга», «Икар», легкий двухмоторный самолет «Рысачок»
«Лаборатория Касперского»	IT	Частная	Антивирус Kaspersky
Центральное КБ морской техники «Рубин»	Судостроение	Государственная	Подводные крейсера проекта 955, подводные лодки проектов 949, 949А, 877

Практически никто из участников рейтинга не производит товары и услуги для населения.

В экономической теории существует дилемма в отношении государственной политики в отношении инноваций или стимулирования конкуренции. А именно государство в России осуществляет политику поддержки инноваций в связи с задачей перехода на инновационный путь развития. По крайней мере, государство стремится предпринимать гораздо более активные меры по стимулированию инноваций, чем это принято в большинстве зарубежных стран. В то же время в России стоит задача развития конкуренции на многих рынках, где она недостаточно развита.

Анализируя данные рейтинга, можно сделать вывод, что в РФ государство однозначно выбирает инновации, установив полный контроль над той сферой, где создается наибольшее количество инноваций, т.е. в отрасли Военно-промышленного комплекса (ВПК). И вопрос цены этих инноваций не так важен. Да и вопрос эффективности сложно поддается оценке.

И здесь прослеживается тренд, что для проведения инновационной политики все компании, которые подают надежды в этом отношении, собираются в крупные холдинги под идеей стимулирования международной конкурентоспособности и развития инноваций. Одновременно с этим исключается конкуренция на внутреннем рынке.

Однако все же технологические продукты «для людей» создаются российскими компаниями. Второй рейтинг включает 30 компаний, сфера интересов большинства которых лежит «в Сети»: 18 участников – это интернет-проекты, а другие 12 продуктов развиваются не только в онлайн (табл. 2).

Анализируя предложенные данные, можно сказать, что объемы рынков технологий военного

и двойного назначения и технологий «для людей» несопоставимы. В одном преобладают монопольные структуры, что мешает развитию инноваций, в другом конкуренция присутствует, близка к монополистической, но ограничителем развития инноваций выступают низкие доходы населения.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) в годовом выражении, в мае 2018 г. по сравнению с маем 2017 г. произошло резкое замедление роста реальных доходов россиян: они увеличились только на 0,3%. В первые месяцы 2018 г. реальные доходы россиян росли куда быстрее – на 5,7% в апреле, на 4,7% в марте и на 4,4% в феврале (основной вклад в этот рост внесли бюджетники накануне политических мероприятий в марте 2018 г.). Однако до этого на протяжении четырех лет в России фиксировался спад реальных доходов (в 2017 г. они сократились 1,7%, в 2016-м – на 5,8%, в 2015-м – на 3,2%, в 2014-м – на 0,7%), сменившийся ростом только в январе 2017 г., когда правительство решило выплатить пенсионерам 5 тыс. руб. в виде «отступных» за отказ от полноценной индексации пенсии в 2016 г. Рост доходов, зафиксированный в январе 2018 г., стал первым случаем повышения доходов после 26 месяцев падения.

Можно говорить, что в основном в структуре инноваций в нашей стране присутствуют инновации процессов. Если говорить о радикальных или нерадикальных инновациях, то радикальность инноваций процесса определяется тем, какова была бы цена монополиста, установленная после снижения издержек в результате инноваций. А поскольку в технологических секторах России преобладает монополия структура и снижения цен в этих секторах не происходит, можно заключить, что здесь преобладают нерадикальные инновации процесса.

Таблица 2/ Table 2

Технологические продукты «для людей», сделанные в России
Technological Products “for People” Made in Russia

Продукт	Описание	Показатель
Cut the Rope	Мобильная игра (игра-головоломка для мобильных платформ. Задача игроков – кормить монстрика АмНяма)	450 млн скачиваний
LADA Granta	Легковой автомобиль (бюджетный автомобиль)	520 тыс. шт. продано
ECG Dongle	Кардиофлэшка (небольшая флешка весом 9 г для измерения частоты сердечных сокращений)	40,6 млн руб. выручки с начала продаж
Telegram	Мессенджер	180 млн пользователей было в феврале 2018 г.
Gardenscapes	Мобильная игра (по сюжету пользователь должен создать идеальный сад, решая головоломки)	40 млн игроков
Paradise Island	Мобильная игра (игрок управляет небольшим курортом)	100 млн игроков
Ivi.ru	Онлайн-кинотеатр	33 млн уникальных пользователей в месяц
YotaPhone 2	Смартфон	46,2 млн долл. заплатил фонд REXGlobal за 30% компании
Coub	Сервис зацикленных видео (сервис, позволяющий создавать короткие зацикленные видеоролики из сюжетов, размещенных на YouTube и подобных ему хостингах)	52 млн активных пользователей в месяц
БризерТion	Приточная вентиляция (высокотехнологичная система вентиляции воздуха для дома или офиса)	30 тыс. устройств продано
Prisma	Приложение для обработки фото	100 млн скачиваний на январь 2018 г.
«Яндекс.Такси»	Сервис вызова такси	2,2 млн уникальных пользователей в месяц
Dr.Web для Android	Антивирус	100 млн пользователей
Domofond.ru	Сервис поиска недвижимости	4,3 млн уникальных пользователей в месяц
«Фоксфорд»	Онлайн-уроки (онлайн-платформа, которую используют в основном ученики 5–11-х классов для подготовки к государственным экзаменам ЕГЭ и ГИА)	1 млн зарегистрированных пользователей
Planeta.ru	Краудфандинговая платформа (крупнейшая в России краудфандинговая платформа, которая помогает привлечь финансирование для разного рода продуктов и мероприятий)	593 тыс. зарегистрированных пользователей
WarThunder	Компьютерная игра (бесплатная онлайн-игра, посвященная боевой технике времен Второй мировой и холодной войн)	20 млн игроков
Облако Mail.Ru	Облачное хранилище	8,3 млн зарегистрированных аккаунтов
Ponominalu.ru	Сервис покупки билетов (компания занимается продажей билетов на культурные мероприятия)	1 млн уникальных покупателей
ДОТ-тест	Генетический тест	6 тыс. тестов проведено

В интенсификации инновационных процессов отводится роль и компаниям малого бизнеса. Они обычно отличаются инициативностью, гибкостью, способностью быстро приспосабливаться к новым требованиям и в условиях растущей диверсификации и индивидуализации производства могли бы обеспечивать более результативное освоение и выпуск мелкосерийной инновационной продукции. В России в отсутствие плодотворной среды для малого бизнеса (неадекватная налоговая политика, отсутствие гарантий ликвидности инвестиций, низкая компетентность предпринимателей, крайне дифференцированные доходы населения) и при недостаточно развитой инфраструктуре его поддержки малые фирмы пока не могут оказать существенного влияния на повышение инновационной активности.

Результаты

Настоящее исследование обосновывает наличие ограничений коммерциализации инноваций как составляющей инновационного развития в российской экономике.

1. Организационная структура рынка инноваций, которая тормозит переход к предпринимательским механизмам обеспечения конкурентных преимуществ фирм.

2. Монополизированность рынков. А монополия – неоднозначное явление в инновационном развитии. С одной стороны они создают радикальные инновации в таких отраслях, как фармацевтика, и защищаются патентом, который на определенное время закрепляет за фирмой-монополистом получение монопольной прибыли. С другой стороны, усовершенствования, которые снижают цену продукции, не мотивируют монополии производить инновации. И ожидания общества от монополии в той или иной отрасли выше, чем монополия на самом деле их продуцирует.

3. Низкие доходы населения, которое сильно дифференцировано по доходам и в условиях понижающего тренда уровня реальных располагаемых доходов в течение последних четырех лет ограничивает свое потребление дорогих инновационных продуктов.

Список литературы

1. Челнокова О. Ю. Вертикальная интеграция как необходимое условие экономического роста в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 33–38.
2. Шлякова О. А. Актуальность теории человеческого капитала в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 39–44.
3. Гаунова М. А. Особенности системы финансирования инновационной деятельности // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13, № 24. С. 83–90.
4. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. 862 с.
5. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995. 496 с.
6. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости; Catallaxu, 1992. 304 с.
7. Шай О. Организация отраслевых рынков. Теория и ее применение: учебник / пер. с англ. Н. В. Шиловой; под науч. ред. М. И. Левина. М.: ИД ВШЭ, 2014. 504 с.
8. Перес К. Технологические революции и финансовой капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011. 232 с.
9. Авдашева С. Б., Шаститко А. Е. Конкурентная политика: состав, структура, система // Современная конкуренция. 2010. № 1. С. 5–20.
10. Рейтинг РБК: 50 крупнейших технологических компаний России. URL: <https://www.rbc.ru/ratings/business/04/06/2015/55674b3d9a7947eee1956ff0> (дата обращения: 11.07.2018).
11. Ренкинг РБК: 30 сделанных в России технологических продуктов «для людей». URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2017/05/58f5f15f9a7947773c8a8346> (дата обращения: 11.07.2018).

Образец для цитирования:

Шлякова О. А. Ограничения коммерциализации инноваций в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 377–385. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-377-385>

Constraints of Commercialization of Innovations in Russia

O. A. Shlyakova

Olga A. Shlyakova, <https://orcid.org/0000-0002-0899-5271>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, engovatova@list.ru

Introduction. The nature of Russia's current economic development encounters restrictions on the commercialization of innovations in the economy, the identification of which was the purpose of the study. In the presented research, the inconsistency of the quality of the structure of the industrial markets of the Russian economy, forming its innovative segment, and the intensity of innovation spread in Russia is presented as the main problem of innovative development. **Theoretical analysis.** The article considers neoclassical approaches

confirming that in the market of perfect competition incentives for innovation are lower than in the monopoly market. However, in the conditions of monopoly, there are limitations to the development of innovation activity due to high costs and low probability of discovery. **Empirical analysis** is based on the analysis of the data on the 50 largest technology companies in Russia and 30 technological products “for people” made in Russia. **Results.** The conducted research made it possible to reveal the presence of restrictions on the commercialization of innovations related to the organizational structure of the innovation market, the monopolization of markets and low income of the population.

Key words: commercialization of innovations, organizational structure of the market, monopoly, income of population.

References

1. Chelnokova O.Yu. Vertical Integration as a Necessary Condition of the Economic Growth in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2010, vol. 10, iss. 2, pp. 33–38 (in Russian).
2. Shlyakova O.A. Urgency of the Human Capital Theory in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2010, vol. 10, iss. 2, pp. 39–44 (in Russian).
3. Gaunova M. A. Features of the Financing of Innovation Activity. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2012, vol. 13, no. 24, pp. 83–90 (in Russian).
4. Schumpeter J. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Theory of Economic Development. Capitalism, socialism and democracy]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 862 p. (in Russian).
5. Eucken W. *Osnovnye printsipy ekonomicheskoi politiki* [Basic principles of economic policy]. Moscow, Progress Publ., 1995. 496 p. (in Russian).
6. Hayek F. A. *Pagubnaia samonadeiannost'. Oshibki sotsializma* [Harmful self-confidence. Socialism errors]. Moscow, Novosti Publ., Catallaxy, 1992. 304 p. (in Russian).
7. Shay Oz. *Organizatsiya otraslevykh rynkov. Teoriya i eio primeneniye* [Organization of industrial markets. Theory and its application. Textbook / trans. with Engl. N. V. Shilova; sci. ed. by M. I. Levin]. Moscow, Publ. House of HSE, 2014. 504 p. (in Russian).
8. Perez K. *Tekhnologicheskie revoliutsii I finansovyi kapital. Dinamika puzyrei I periodov protsvetaniya* [Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity]. Moscow, Delo Publ., 2011. 232 p. (in Russian).
9. Avdasheva S. B., Shastitko A. E. Competitive policy: composition, structure, system. *Sovremennaiia konkurentsitsiya* [Contemporary competition], 2010, no. 1, pp. 5–20 (in Russian).
10. Reiting RBK: 50 krupneishikh tekhnologicheskikh kompaniy Rossii (RBC rating: 50 largest technology companies in Russia). Available at: <https://www.rbc.ru/ratings/business/04/06/2015/55674b3d9a7947eee1956ff0> (accessed 11 July 2018) (in Russian).
11. Renking RBK: 30 sdekannykh v Rossii tekhnologicheskikh produktov “dlia liudei” (Ranking: 30 technological products made in Russia “for people”). Available at: <https://www.rbc.ru/magazine/2017/05/58f5f15f9a7947773c8a8346> (accessed 11 July 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Shlyakova O. A. Constraints of Commercialization of Innovations in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 377–385 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-377-385>

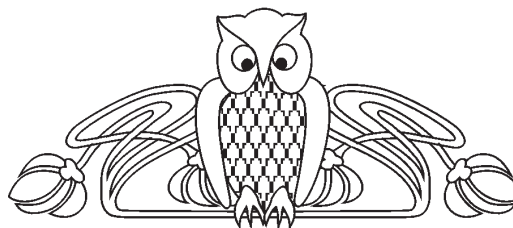

УДК 331.52

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

О. В. Сенокосова

Сенокосова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Senoolga@yandex.ru

Введение. Развитие цифровой экономики неоднозначно сказывается на развитии отдельных сфер экономики. Технологические инновации, внедряемые в производственные и непромышленные сферы, предполагают кадровые изменения и применение высококвалифицированного труда. Однако системное взаимодействие отраслей, рынков, сфер в настоящее время проявляется слабо, возникают дисфункции, особенно между подготовкой трудовых ресурсов и их реальным применением в процессе производства. Решением проблемы отчасти является кластеризация, формирующаяся в различных сферах и отраслях народного хозяйства. Учитывая технологические, информационные изменения, а также новые качественные характеристики рабочей силы, не создан полноценный механизм формирования качественной рабочей силы в современной экономике в условиях кластеризации. **Теоретический анализ.** Кластеризация рассматривается отдельно по экономическим отраслям, недостаточно четко прописан механизм взаимодействия системы подготовки кадров и производства. Существующие подходы к системе кластерного взаимодействия носят обобщенный характер. Научные труды, затрагивающие проблемы взаимодействия рынка труда и образования, акцентируют внимание на проблемах, функциях, дисфункциях такого взаимодействия и не учитывают разновидности кластеров, их цели и трансформацию системы образования в России. **Результаты.** Эволюционные основы применения кластеризации в советской экономике дают возможность более эффективного применения кластеров во взаимосвязи образования с производством в современной России. Представлены модели развития кластеров СССР и в условиях развития цифровой экономики. Показаны связи кластерного взаимодействия с системой подготовки кадров по уровням современной системы образования в России. **Ключевые слова:** подготовка кадров, кластеризация, образовательный кластер, промышленный кластер, модель кластера в образовании.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-386-393>

Введение

В условиях перехода к цифровой экономике обостряется проблема дисбаланса на рынке труда, возникающего в связи со структурными преобразованиями в двух сферах: подготовки кадров и их занятостью.

Современное состояние рынка труда ориентировано на усиление интенсивности информационных процессов производительных сил общества, активное применение информационных ресурсов и необходимость их применения в

современной экономике. Несоответствие структуры профессионального образования актуальным и перспективным потребностям рынка труда по квалификационному уровню и профессиональной структуре привело к нехватке квалифицированных кадров по ряду профессий и специальностей и избытку других рабочих кадров. С одной стороны, спрос на рынке труда возрастает на специалистов, непосредственно связанных с элементами и трудовыми функциями цифровой экономики, с другой стороны, спрос не сокращается на специальности рабочих профессий. Обеспечение трудовыми кадрами экономики и эффективной занятости является результатом функционирования и развития сферы образования и подготовки трудовых ресурсов, которая постепенно приближается к системе рыночной структуры и которую все чаще в научных публикациях можно встретить под названием «рынок образовательных услуг». Система подготовки кадров трансформировалась во времени, но образовательные функции непосредственно формируют квалифицированную рабочую силу на любом этапе развития экономики в России.

Учитывая современные изменения: технологические, информационные и новые качественные характеристики рабочей силы, необходимо создать полноценный механизм формирования качественной рабочей силы в современной экономике [1, с. 28]. Как совершенно справедливо отмечают ученые, специализирующиеся на данной проблематике, рынок образовательных услуг довольно специфичен и его развитие в виде рынка, на наш взгляд, будет лишь усиливать дисфункции между ним и рынком труда. Рынок образовательных услуг в условиях рынка ориентирован не на приоритетность развития отраслей в экономике РФ, а на множество других факторов, таких как престижность, доходность, статусность и т.д. Стоит согласиться также и с мнением С. В. Климовой [2] о том, что в России существует несколько главных пробелов при взаимодействии рынков: низкая социально-экономическая оценка профессионализма и профессионального труда; отсутствие мотивации со стороны работ-

ника в связи с низкой оплатой труда; невыраженность гибкой занятости и свободы формы труда, свойственных информационному обществу.

Институциональные факторы, связанные с рынком образовательных услуг, рассматриваются Н. В. Латовой [3], среди них особое место отводится факторам предложения образовательных услуг для молодежи, факторам информированности молодежи о рынке образовательных услуг, факторам государственных преференций, факторам дифференциации рынков образования для молодежи по регионам и другим общекультурным и гендерным стереотипам. В работе П. Г. Кравцова, В. Н. Михелькевича [4] подготовку специалистов (инженеров и профессиональных рабочих) для развиваемых направлений экономики в связке с инновационными разработками предлагается осуществлять в инновационной форме в виде кластера, и в этом также есть отчасти разумное зерно, но предложение связано с рыночной структурой, в которой необходимо учесть выгоды всех участников.

Кластеризацию сегодня рассматривают как инновационный, довольно эффективный механизм использования ресурсов экономики, в том числе трудовых, интеллектуальных, информационных. Кластерный подход рассматривается отдельно в различных пространствах системы хозяйствующего механизма, в том числе производства и промышленности, образования и науки.

Кластеризация формируется и в сфере образовательных услуг, создавая образовательный кластер. Такой подход предполагает использование информатизации и внедрение инновационных методов преподавания, определение цифровых компетенций обучающихся, тесную взаимосвязь с производственным процессом.

Так, Т. Л. Проскурина [5], определяя цели создания кластера в системе образования, совершенно верно отмечает необходимость такого процесса для повышения качества подготовки специалистов, увеличения мобильности и конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда, обеспечения инновационного характера развития образовательной, научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности профессиональных учебных заведений, предприятий и организаций региона, интеграции образования, науки и производства.

П. Г. Кравцов и В. Н. Михелькевич [4] совершенно четко определяют понятие образовательного кластера, рассматривая его как совокупность взаимосвязанных учреждений профессионального образования различного уровня, объединенных по отраслевому признаку друг с другом и связанными партнерскими отношениями с предприятиями отрасли.

Принципы функционирования образовательного кластера – это единый учебный, научный и инновационный процесс во взаимосвязи с экономической и социальной сферой; непрерывность образовательного процесса и взаимосвязь образовательных программ различных уровней; организационное, учебно-методическое, научное и информационное взаимодействие между всеми субъектами кластера.

Кластеризация, с одной стороны, может напоминать нам систему подготовки кадров СССР как механизм внедрения обучающихся на предприятие в виде производственных практик и наставничества.

Определяя кластерное взаимодействие, мы обращаемся к опыту СССР, когда часть функций в образовании выполняли производства, предоставляя площадку для инноваций, разработанных в научной сфере. Механизм взаимодействия производства и сферы образования был довольно прост: образовательные учреждения разрабатывали новые методы, механизмы, технологии, все, что сегодня называем инновацией, а промышленность ждала выпускников с целью разработки и последующего внедрения инноваций в процесс производства высококвалифицированными кадрами. Сегмент взаимодействия двух сфер небольшой, при котором активным элементом подготовки кадров и трансформации сферы производства являлась сфера образования. С учетом применения подхода кластеризации можно утверждать, что зародыши функций взаимодействия и создание кластерных отношений были заложены еще в период развития сферы образования в СССР.

Теоретический анализ

Выделим несколько подходов кластеризации образования в эволюции системы подготовки кадров.

1. Подход, основанный на системе подготовки и управления квалифицированными кадрами, применяемый в СССР. Централизованное распределение рабочей силы по рабочим местам после получения образования и отслеживание выпускников по рабочим местам отчасти может применяться и в современном обществе. Но следует отметить, что в советское время отрасли народного хозяйства (кроме железнодорожной) не имели планового количества работников, особенно высококвалифицированных, поэтому, обращаясь к опыту подготовки кадров в СССР, не стоит ссылаться на централизованное планирование численности трудовых квалифицированных специалистов. Изучив систему управления кадрами и их подготовку в СССР, можно смоделировать взаимодействие «рынка труда» и системы образования и выявить формирование кластера (рис. 1).

Рис. 1. Формирование кластера в системе подготовки кадров и трудоустройства в СССР
Fig. 1. Formation of a Cluster in the System of Training and Employment in the USSR

Согласно такой схеме, координирующий орган принимал решение о подготовке кадров на основании квартальных и годовых отчетов по потребности в кадрах предприятиями на опережение в численности обучающихся по видам экономической деятельности. По данным статистики, в СССР в середине 1970-х гг. существовало более 800 вузов, содержащих 22 группы специальностей: инженерные, сельскохозяйственные и т.д., сами же вузы делились на профили по отраслевому признаку. Около 500 специальностей имели сузу. Предусмотрена система повышения квалификации (более 30 институтов повышения квалификации) и более 500 курсов проводились на самих производствах. Выпускники четко знали особенности отрасли, имели представление не только об использованном оборудовании на производствах, но и могли выработать новую технологию или усовершенствовать старую применительно к развитию производства в перспективе. Доминировал подход «готовим высококвалифицированные кадры, способствующие развитию нашего производства в будущем».

2. В условиях развития современной экономики подготовка кадров должна ориентироваться уже на модернизацию производства, изменение скорости применения новых технологий на производствах. Расширение применения наукоемких технологий в процессе производства и их развитие отражаются и на процессе подготовки кадров.

Рассматривая подход применения информационных технологий в производстве и усиливающийся процесс цифровизации, скорость изменения технологий и их применение в производственной и непроизводственной сферах, наблюдается существенный разрыв в системе взаимодействия рынков труда и образования. Считается, что система подготовки кадров должна подстраиваться под производственную сферу и как механизм подготовки трудовых ресурсов четко следовать инновационным путем, прогнозируя и опережая производства в их развитии.

Однако в современных условиях следует также учесть экзогенные факторы [6, р. 9] – государственное регулирование системы образования и ученичества, конкуренцию на рынке труда и товаров. А также эндогенные факторы – структуру трудовых затрат на предприятии, вклад учеников в производственную деятельность фирмы, опираясь на опыт использования западной модели обучения.

При построении «идеальной» модели подготовки кадров следует учитывать, что кластеризация формируется и в производственном секторе. Кластеризация в промышленности предполагает применение труда высококвалифицированного работника, ориентированного на гибкость, высокую мобильность, широту связанных между собой профессиональных навыков и профессиональных компетенций. Кластер промышленного типа заранее диктует образовательным учреждениям, какой тип работника ему нужен, тогда в таком виде высококвалифицированный работник может полу-

читься только при совместном участии нескольких субъектов подобных отношений. В связи с этим необходимо выделить образовательный кластер как самостоятельное звено, промышленный кластер, промышленно-образовательный кластер.

Создавая перекрестные кластеры в промышленности, возможно определить четкий механизм формирования новых производственных фондов в промышленности, образовательных площадок, новых рабочих мест, высококвалифицированных кадров в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 10.02.2014 № 92 «Об утверждении правил участия объединений работодателей в мониторинге и прогнозировании потребностей экономики в квалифицированных кадрах, в реализации государственной политики в области среднего профессионального образования и высшего образования» [7].

Создание кластеров в промышленности предполагает гибкую сетевую структуру, включающую группы взаимосвязанных объектов (образовательные учреждения, общественные и политические организации, научные школы, вузы, исследовательские организации, бизнес-структуры и т.д.), объединенные вокруг ядра инновационной

деятельности для решения определенных задач и достижения конкретного результата (инновации).

Большинство крупных компаний понимают актуальность данного вопроса и уже взаимодействуют с вузами в деле подготовки молодых специалистов. Наиболее массовой моделью взаимодействия является целевая подготовка специалистов, которая финансируется самим будущим работодателем. В некоторых случаях работодатели и вузы совместно разрабатывают программы, нацеленные непременно на удовлетворение потребностей конкретного предприятия.

В современных условиях считается, что профессиональное образование не должно слепо следовать за спросом текущего рынка труда, оно должно развиваться по формуле опережающей потребности.

В процессе подготовки кадров в условиях кластеризации следует учитывать изменение в системе образования, согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [8]. Кластеризация с промышленностью должна затронуть большинство образовательных уровней (рис. 2).

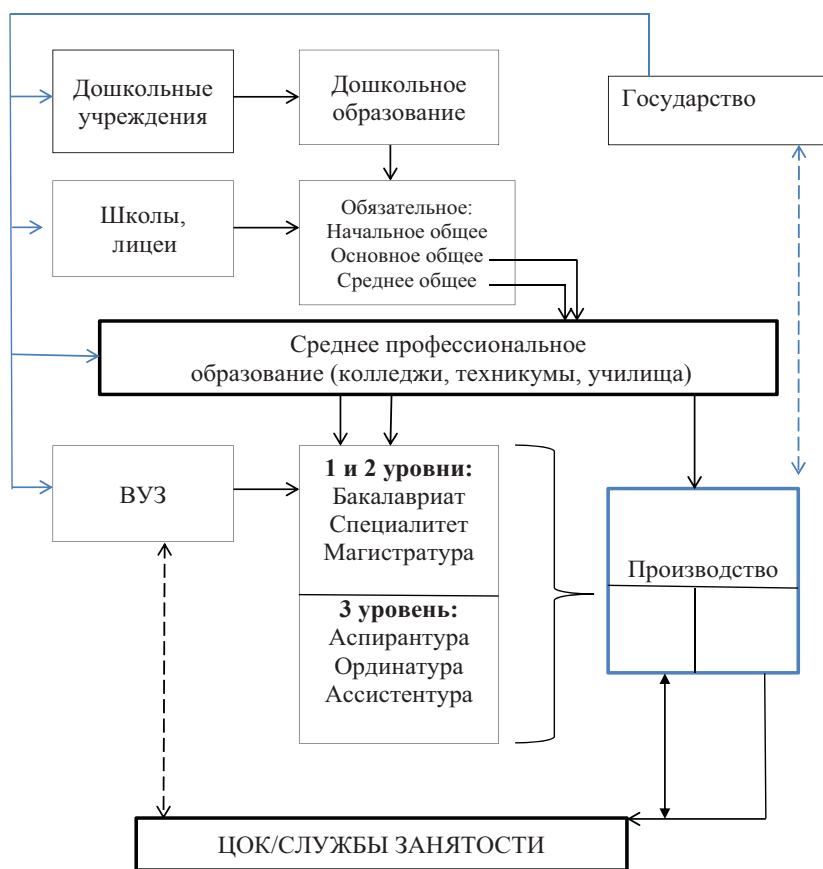

Рис. 2. Уровни общего и профессионального образования и взаимосвязи их с рынком труда в России в современный период

Fig. 2. Levels of General and Professional Education and Their Relationship to the Labor Market in Russia in the Modern Period

Современный подход, основанный на единстве процесса обучения и труда на производстве практикуется в Германии и Нидерландах. При дуальной системе профессионального образования и повышения профессиональной квалификации как обучаемых, так и обучающих образовательный процесс должен быть неразрывным по его уровням и непрерывным во времени.

Кластеризация выступает как процесс трансформации всех отраслей экономики в инновационную организационную форму, основанную на информационных технологиях. Поэтому, анализируя процесс кластеризации в отдельных секторах экономики, можно схематично представить взаимосвязи рынков труда и образования в современных условиях (рис. 3).

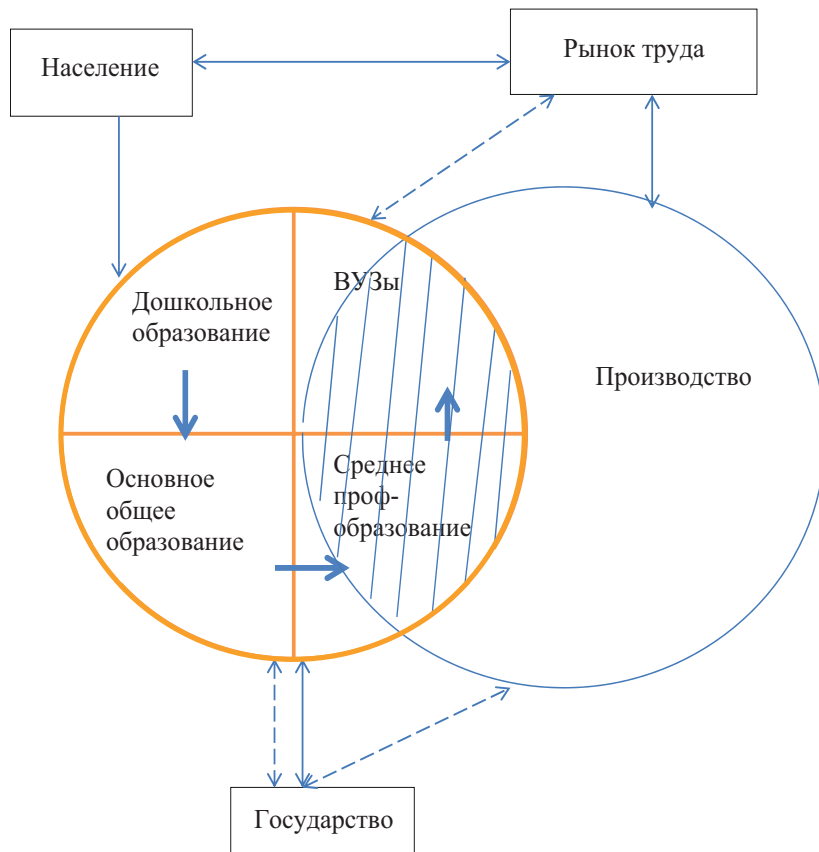

Рис. 3. Модель образования кластера в современной экономике
Fig. 3. Model of Cluster Formation in the Modern Economy

Кластеризация образования и производства (на рис. 3 – заштрихованная область) позволит уменьшить дисбаланс на рынке труда, повысить качество подготовки, усилит взаимосвязи между заказчиками высококвалифицированных кадров и их производителями. В условиях кластеризации предполагается появление новых акторов, в связи с чем возрастает информационное содержание в пределах агломерации и устанавливаются новые (более выгодные) связи взаимодействия между участниками. Это важно, потому что для обретения конкурентоспособности кластер должен обладать инновационной компонентой, а это зависит и от выгодного расположения участников, и от их научно-технического и информационного потенциала, и

от степени доверия между участниками. Характер указанных связей напрямую связан с таким свойством, как «конъюгированность», т.е. способность к внутреннему обмену и объединению качеств элементов и организаций. Положительный эффект подобных взаимоотношений заключается в обеспечении постоянной обратной связи между кластерными агентами (образовательным сообществом, бизнес-партнерами и государством). Взаимоотношения в кластере могут носить характер различной векторной направленности.

Отдельные уровни взаимосвязи внутри кластера (внутри заштрихованной области) логично показали П. Г. Кравцов и В. Н. Михелькевич в своей работе [4] (рис. 4).

Рис. 4. Уровни организационно-методических связей университета с потребителями образовательных услуг [4]
 Fig. 4. Levels of Organizational and Methodological Relations of the University with Consumers of Educational Services [4]

Результаты

В современных условиях экономики следует уделить внимание и связям «государство – образование» и «государство – производство», так как подготовка в высшей школе регулируется федеральным министерством образования исходя из возможностей бюджетного финансирования, запросы же рынка носят стихийный характер и недостаточно изучены.

В IT-сфере наблюдается катастрофическая нехватка кадров. Большинство работников данной сферы являлись какое-то время самоучками или их квалификация оставляет желать лучшего из-за того, что отечественная система образования не адаптирована под современные требования сферы IT-технологий и не успевает за ее стремительным развитием. Вследствие этого подготовка специалистов осуществляется по устаревшим системам, программам. Кластеризация же имеет возможность устранить подобные дисфункции.

Если использовать подход цифровой трансформации промышленности, предложенный В. А. Ефимушкиным [9], то подготовка кадров должна осуществляться по каждому звену производственной цепочки, состоящей из пяти звеньев (или несколькими звеньями сразу): разработка,

производство, логистика, продажа, сервис, используя инструменты цифровой трансформации промышленности в виде сети трансфера технологий и сети промышленной кооперации и субконтракции.

У такой модели взаимодействия несколько преимуществ:

1) вся система, объединяясь в более упорядоченную систему (кластер и связи с кластером), является точкой роста, к которой могут присоединиться другие организации (а это один из успешных вариантов в условиях цифровизации);

2) объединяясь в такую систему, рыночный механизм образует положительные эффекты в виде обратных связей, когда одна или несколько наиболее перспективных структур распространяют свое положительное влияние на ближнее окружение;

3) снижение неполной информации или асимметрии информации между участниками связей. Происходит свободный обмен информацией и быстрое распространение новшеств по различным каналам для всех участников кластера;

4) развитие кластера обуславливают *диверсифицированность и инновационность*, основанные на связях кластера с научно-исследовательскими организациями;

5) эффективное использование ресурсов (особенно внутри кластера) – материальных, трудовых, информационных и т.д.;

6) кластер обеспечивает приток инвестиций в образовательную систему;

7) обеспечение рынка труда высококвалифицированными кадрами без отрыва знаний от требований производства.

Однако кластеры не являются панацеей для экономики, так как помимо преимуществ они имеют ряд недостатков [10], а именно:

– излишняя концентрация предприятий на внутренних связях и игнорирование среды за пределами кластера могут привести к устареванию технологий и снижению их конкурентоспособности;

– отсутствие конкурентов в рамках отдельного кластера «уничтожает» необходимость постоянного совершенствования производственного и сбытового процессов;

– зависимость результатов работы всего кластера от эффективности деятельности каждого из его участников.

Список литературы

1. *Сенокосова О. В.* Изменения в структуре занятости в условиях трансформации экономики России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 26–33.
2. *Климова С. В.* Модель труда информационного общества : проблема внедрения в современной России // Вестн. СГСЭУ. 2012. № 2 (41). С. 164–167.
3. *Латова Н. В.* Структурно-профессиональные диспропорции в современной России // Terra Economicus. 2014. Т. 12, № 3. С. 131–151.
4. *Кравцов П. Г., Михелькевич В. Н.* Организационно-методические основы функционально-ориентированной подготовки специалистов в структуре регионального образовательного кластера // Вестн. СамГТУ. Сер. Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). С. 99–107.
5. *Проскурина Т. Л.* Образовательный кластер как региональная инновационная стратегия // Образовательные технологии. 2011. № 3. С. 53–63.
6. *Muehlemann S., Wolter S. C.* Return on Investment of Apprenticeship Systems for Enterprises : Evidence from Costbenefit Analysis // IZA Journal Labor Policy (December 2014). URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/2193-9004-3-25> (дата обращения: 22.01.2018).
7. Об утверждении Правил участия объединений работодателей в мониторинге и прогнозировании потребностей экономики в квалифицированных кадрах, в реализации государственной политики в области среднего профессионального образования и высшего образования : постановление Правительства РФ от 10.02.2014 № 92. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. *Ефимушкин В. А.* Круглый стол «Цифровая трансформация бизнеса на основе технологий связи следующего поколения» 28 марта 2017 г., НИУ ВШЭ. URL: <https://bi.hse.ru> (дата обращения: 09.05.2018).
10. *Никулина О. В.* Стратегические ориентиры инновационного развития экономики. Краснодар, 2010. 190 с.

Образец для цитирования:

Сенокосова О. В. Кластеризация в системе подготовки кадров // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 386–393. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-386-393>

Clustering in the Training System

O. V. Senokosova

Olga V. Senokosova, <https://orcid.org/0000-0002-3201-0903>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Senoolga@yandex.ru

Introduction. The development of the digital economy has a mixed impact on the development of individual spheres of the economy. Technological innovations introduced into production and non-production spheres involve personnel changes and the use of highly skilled labor. However, the system interaction of industries, markets, and spheres in the present time is shown poorly, dysfunctions arise, especially between the training of labor resources and their actual application in the production process. The solution to the problem is partly clusterization, which is formed in various spheres and branches of the national economy. Consider-

ing technological, information changes, as well as new qualitative characteristics of the workforce, a full-fledged mechanism for the formation of qualitative labor force in the modern economy under clustering conditions has not been created. **Theoretical analysis.** Clustering is considered separately for economic sectors, the mechanism of interaction between the system of training and production combined into clusters is not clearly defined. Existing approaches to the cluster interaction system are generalized. Scientific works touching on the problems of interaction between the labor market and education focus on the problems, functions, dysfunctions of such interaction and do not take into account the types of clusters, their goals and the transformation of the education system in Russia. **Results.** The evolutionary foundations of the application of clusterization in the Soviet economy make it possible to use clusters more effectively in the relationship between education and production in modern Russia. The models for the development of clusters of the USSR and in the conditions of the development of the digital economy are shown. The connections of

cluster interaction with the system of personnel training according to the levels of the modern education system in Russia are shown.

Key words: personnel training, clustering, educational cluster, industrial cluster, cluster model in education.

References

1. Senokosova O. V. Changes in the Structure of Employment in the Context of the Transformation of the Russian Economy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2010, vol. 10, iss. 1, pp. 26–33 (in Russian).
2. Klimova S. V. Model of Information Society Labor: The Problem of Implementation in Modern Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University], 2012, no. 2 (41), pp. 164–167 (in Russian).
3. Latova N. V. Structural and Professional Disproportions in Modern Russia. *Terra Economicus*, 2014, vol. 12, no. 3, pp. 131–151 (in Russian).
4. Kravtsov P. G., Mikhelkevich V. N. Organizational-Methodical Bases of the Functionally-Oriented Training of Specialists in the Structure of Regional Educational Cluster. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Samara State Technical University. Ser. Psychological and pedagogical sciences], 2015, no. 2 (26), pp. 99–107 (in Russian).
5. Proskurina T. L. Educational Cluster as a Regional Innovation Strategy. *Obrazovatel'nye tekhnologii* [Educational Technologies], 2011, no. 3, pp. 53–63 (in Russian).
6. Muehlemann S., Wolter S. C. Return on Investment of Apprenticeship Systems for Enterprises: Evidence from costbenefit analysis. *IZA Journal Labor Policy* (December 2014). Available at: <https://link.springer.com/article/10.1186/2193-9004-3-25> (accessed 22 January 2018).
7. About the Approval of Rules of Participation of Associations of Employers in Monitoring and Forecasting of Needs of Economy for Qualified Personnel, in Realization of State Policy in the Field of Secondary Professional Education and the Higher Education. Decree of the Government of the Russian Federation of 10.02.2014 no. 92. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
8. On Education in the Russian Federation. Federal Law of 29.12.2012 no. 273-FZ. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
9. Efimushkin V. A. *Kruglyi stol "Tsifrovaia transformatsiya biznesa na osnove tekhnologiy svyazi sleduiushego pokoleniya"* 28 Marta 2017 g. (Round table "Digital business transformation based on next-generation communication technologies" 28 March 2017). Available at: <https://bi.hse.ru> (accessed 9 May 2018) (in Russian).
10. Nikulina O. V. *Strategicheskie orientiry innovatsionnogo razvitiya ekonomiki* [Strategic guidelines for innovative development of the economy]. Krasnodar, 2010. 190 p. (in Russian).

Cite this article as:

Senokosova O. V. Clustering in the Training System. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 386–393 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-386-393>

УДК 330.065

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

И. В. Манахова, И. А. Земскова

Манахова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической безопасности, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, manakhovaiv@mail.ru

Земскова Ирина Анатольевна, старший преподаватель кафедры таможенного дела, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, zemskova.iren@mail.ru

Введение. В статье рассматривается процесс миграции государственных услуг в интернет-пространство, принимая во внимание особенности развития новых технологий информации и коммуникации. **Теоретический анализ.** Изучен процесс взаимодействия пользователей единого портала государственных услуг с государственными органами, оказывающими эти услуги. Проводится анализ влияния потребителей на перевод государственных услуг в электронную форму с целью повышения их качества, обозначены основные направления подобного влияния, исследуется влияние цифровизации процесса оказания государственных услуг на поведенческие шаблоны потребителей. Подчеркивается, что в современных инновационных условиях развития гражданского общества только персональный подход и эмоциональные инвестиции в потребителя могут стать конкурентным преимуществом и рациональным ответом ценовому демпингу в государственном сервисе будущего. **Эмпирический анализ.** Рассмотрена динамика регистрации граждан в единой системе идентификации и аутентификации. Обозначены тенденции потребительского влияния на процесс оказания государственных услуг. Обозначены основные положения, подтверждающие то, что миграция процессов оказания государственных и муниципальных услуг в цифровое пространство также влияет на поведенческие шаблоны потребителей. **Результаты.** Сделан вывод о том, что в современных условиях государственного управления человек становится главным ориентиром и весь процесс оказания государственных услуг направлен на удовлетворение его потребностей.

Ключевые слова: государственные услуги, качество государственных услуг, цифровизация, электронные государственные услуги, потребители государственных услуг.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-394-400>

Введение

Перевод государственных услуг в электронный формат осуществляется как в развитых, так и в развивающихся странах и является необходимой составляющей электронного правительства. С целью реализации этой задачи был принят Федеральный закон Российской Федерации от

27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», определяющий принципы, процедуру предоставления государственных (муниципальных) услуг, условия и порядок их оплаты, а также права заявителей и обязанности органов власти. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», программа «Цифровая экономика Российской Федерации» 2017 г., а также другие региональные и ведомственные программы существенно повлияли на уровень использования информационно-коммуникационных технологий в нашей стране и привели к существенным результатам.

Основными направлениями деятельности Министерства связи и массовых коммуникаций России, направленными на повышение качества электронных государственных услуг, являются:

- обеспечение межведомственного электронного взаимодействия;
- возможность получения госуслуг по принципу «одного окна»;
- повышение открытости госорганов и возможности участия граждан в принятии решений государственными органами («Открытое правительство»);
- повышение эффективности расходования бюджетных средств на ИКТ в госорганах.

Теоретический анализ

Для перехода к оказанию электронных государственных и муниципальных услуг гражданам и органам государственной власти был предоставлен инструмент для безопасной и удобной онлайн-идентификации. Таким инструментом является Единая система идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА). Ее цель – централизовать и упорядочить процессы регистрации, авторизации, идентификации, аутентификации пользователей, т.е. обеспечить интеграцию различных каналов доступа к электронному правительству.

ЕСИА входит в инфраструктуру, которая обеспечивает информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для оказания государственных и

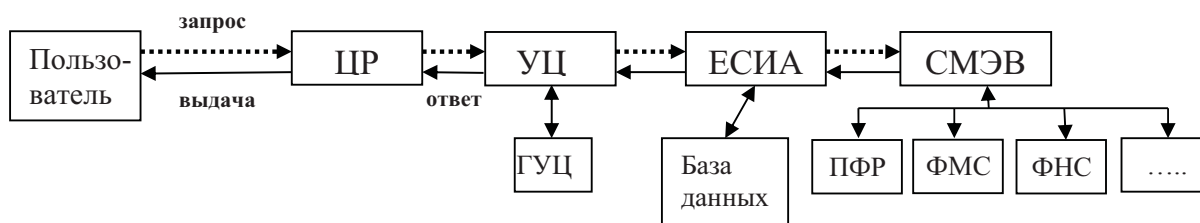

муниципальных услуг в электронной форме. К данной инфраструктуре также относятся:

- портал госуслуг, который обеспечивает доступ граждан к услугам в электронном виде;
- система межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ), с помощью которой осуществляется обмен информацией и сведениями, необходимыми для оказания госуслуг.

Система не только обеспечивает доступ физических и юридических лиц к электронному правительству, но также может быть использована работниками государственных органов в процессе обмена сведениями, информационными системами при обмене в автоматическом режиме.

Взаимодействие в ЕСИА представлено на рисунке.

ЦР – центры регистрации пользователей ЕСИА

УЦ – удостоверяющие центры

ЕСИА – Система идентификации и аутентификации

СМЭВ – Система межведомственного электронного взаимодействия

Взаимодействие в ЕСИА

Interaction in the USIA

Все потребители электронных государственных услуг можно поделить на группы: государственные структуры (G2G), государственные служащие (G2E), представители бизнеса (G2B), некоммерческие организации (G2N), граждане (G2C). Безусловно, с точки зрения анализа влияния на миграцию государственных органов в цифровое пространство представляет наибольший интерес изучение воздействия граждан и представителей бизнеса.

Информация, получаемая от пользователей государственных услуг в электронной форме, весьма значима с точки зрения определения разрывов между существующим и желаемым положением вещей в анализируемой области. Но в то же время изучение самих государственных структур (исследование направлений развития государственных услуг в электронной форме, ориентированных на внутреннее взаимодействие) также необходимо. Детекция внутренних проблем цифровизации способна во многом объяснить структуру существующих на данный момент государственных услуг в электронной форме, которые ориентированы на внешнего потребителя, а также определить внутренние факторы, сдерживающие развитие этих услуг.

В современном мире потребители государственных услуг становятся все более занятыми и более информированными, могут сами выбирать необходимые услуги, используют опыт других потребителей. Потребительское влияние прово-

цирует изменения в процессе оказания государственных услуг, основные направления которых считаем целесообразным рассмотреть.

1. «Разворот» к потребителю и его запросам стал первым шагом к цифровизации деятельности государственных органов. Если раньше государственные услуги оказывались в первую очередь как реализация государственного заказа, то теперь на первый план выходит клиент. Все действия государственных органов направлены на удовлетворение запросов потребителей. В случае неудовлетворения или же некачественного удовлетворения потребностей клиентов никакая локация государственного органа не поможет, и один отрицательный пост в социальной сети может вызвать больше реакций в виде просмотров и обсуждений, чем тщательно спланированная рекламная акция.

Таким образом, первоочередным ответом на миграцию государственных органов в цифровое пространство являются не суперинновации, а качественный клиентоориентированный подход. К примеру, в государственных органах он выражается в удобных услугах, простых процессах, оперативном решении клиентских запросов. Можно говорить о появлении новой философии деятельности государственных органов, которая заключается в ориентации на качественное удовлетворение запросов потребителей. Однако, несмотря на эту новую философию оказания государственных услуг, в деятельности государ-

ственных органов жестко регламентированы все процессы: миллионы заявителей, миллиарды операций разного рода, и высока цена ошибки. В этой связи необходима консолидация четких процессов и клиентоориентированности.

Данное утверждение в большей степени актуально для крупных государственных органов, которые предлагают значительный ассортимент услуг для различных клиентских сегментов. Для подобных органов инвестиции в своих сотрудников являются правильным направлением трансформации. Компетентный и высококвалифицированный персонал «правильно» изменит четко регламентированные процессы внутри организации и оптимизирует их под интересы потребителя государственных услуг.

В современных условиях на государственные должности необходимо нанимать людей, разделяющих ценности работодателя – государства, профессионально обучать их с тем, чтобы они персонифицированно подходили к каждому потребителю. Это является единственным путем к качественному обслуживанию и правильной эмоциональной наполненности деятельности.

Процессы цифровизации требуют качественно новых работников государственных органов. Укрепление кадрового потенциала и формирование профессионального кадрового состава государственных органов является основой обеспечения предоставления качественных государственных услуг [1].

2. *Применение новейших информационных технологий* также является одним из элементов качественного предоставления государственных услуг. Применение информационных технологий стимулирует интерактивность и эффективность взаимодействия с заявителями через официальные сайты государственных органов, обеспечивает больше возможностей для доступа к государственным услугам, что, в свою очередь, снижает затраты на их получение.

Но, «несмотря на очевидные достоинства внедрения в процесс производства и потребления, проявляются существенные недостатки реализации информационных технологий, многие из которых имеют рискованный характер» [2, с. 178].

Самым необходимым требованием цифровой трансформации является качественное улучшение удаленных сервисов. Современное обслуживание государственных органов должно стать многоканальным, т. е. быть доступным для клиента в том месте и времени, где ему это будет удобно. Эту возможность предоставляют современные технологии. Качественный государственный сервис должен быть доступен во всех современных форматах: офис, call-центр, элек-

тронная почта, Instagram, Facebook, Telegram, Viber, WhatsApp, чат и в других сервисах, которые пользователи используют массово.

Реалии сегодняшнего дня подтверждают, что запрос через мессенджер и ответ в течение нескольких минут становится нормой. Темпы жизни растут в геометрической прогрессии, у потребителей с высокой занятостью нет возможности тратить время на решение простых вопросов. Однако здесь существует опасность «перенаправления» клиентов из канала в канал, заставляя клиента повторять одно и то же. Для того чтобы избежать такую проблему, необходимо опять же укомплектовать штат опытными квалифицированными сотрудниками.

3. Чтобы быть в тренде цифровизации, государственным органам необходимо *четко отслеживать потраченное потребителем время* и, привлекая новейшие цифровые технологии, максимально его экономить. Население хочет убрать из своей жизни рутину, не хочет тратить время на процессы, не создающие ценности. Одними из первых банки стали монетизировать желания людей, исключая рутину из их жизни: они предлагают автоплатежи, сервисы для оплаты налогов, штрафов и коммунальных платежей и т. д. Такие же тенденции существуют и в других сервисных компаниях.

В отношении предоставления государственных услуг можно отметить, что уже существуют предложения об изменении подхода и перехода от заявительного характера государственных услуг к уведомительному. Идея в том, чтобы государственные услуги предоставлялись в автоматическом режиме. Будущее системы оказания государственных услуг может охарактеризовать такой пример. Есть карточка беременной, затем по базе данных она перешла в роддом, оттуда информация ушла в ЗАГС и другие органы по выплате пособий, и женщине не надо самой никуда обращаться, денежные средства автоматически должны прийти ей на карту, без участия непосредственно человека.

Цифровизация процесса оказания государственных услуг направлена на экономию материальных, физических и психологических ресурсов потребителей. Все, что направлено на удовлетворение запросов потребителей, «должно стать либо совсем “effortless”, то есть не требующим никаких усилий, либо эмоционально наполненным» [3].

Однако сохраняются те услуги, которые человек захочет получить у реального сотрудника. В государственных органах – это сложные услуги, такие как начисление и оформление пенсии, управление пенсионными отчислениями и т. д. Перед сотрудниками государственных органов в процессе оказания услуг уже сейчас поставлена

главная задача, которая заключается в персонализированном подходе, в том числе и для того, чтобы иметь возможность рассказать обо всех тех функциях, которые клиенты могут получить удаленно. Ведь чем более продвинуто онлайн-обслуживание и чем больше функций, тем больше времени необходимо потратить на то, чтобы помочь потребителям с ним разобраться.

В качестве примера можно привести магазины бытовой техники, одежды и книжные магазины. В этих областях наблюдается активнейший рост электронной коммерции, в то же время в стандартных магазинах доля продаж все равно достаточно велика. В каких-то областях баланс электронного и стандартного сервиса уже найден, а в других еще будет увеличиваться доля электронного бизнеса. Это произойдет и в государственных структурах. В ближайшее время львиная доля оказания простых государственных услуг перейдет в каналы самообслуживания – просто из-за того, что клиентам это будет удобнее. Количество потребителей, интересующихся этим, постоянно возрастает. Опыт развитых рынков подтверждает то, что доля электронных государственных услуг может достичь 80%.

В условиях всеобщей автоматизации и цифровизации сервиса государственных органов роль сотрудников этих органов становится еще более важной. Технологичные решения выравнивают всех субъектов по уровню качества, скорости, ассортимента услуг и цен. В таких условиях только персональный подход, эмоциональные инвестиции в потребителя и глубокая экспертиза могут стать конкурентным преимуществом и рациональным ответом ценовому демпингу в государственном сервисе будущего.

Эмпирический анализ

По данным Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, за 2017 г. через единый портал государственных услуг было произведено более 25 млн платежей на общую сумму 30,3 млрд рублей. Объем платежей, совершаемых пользователями портала госуслуг, ежегодно увеличивается в три раза с 2014 г. По сравнению с 2016 г. объем платежей вырос более чем в три с половиной раза. Так, в 2014 г. совершено платежей на общую сумму 780 млн руб., годом позднее – на 2,9 млрд руб., а в 2016 г. – уже на 8,1 млрд руб. [4].

Согласно подсчетам Минкомсвязи, на начало 2018 г. в восьми регионах доля граждан, зарегистрированных в ЕСИА, превысила 70%; в 24 регионах – 60% [5]. Лучше всех с задачей справились Республика Тыва (91,1%), Ненецкий АО (87,4%), Ханты-Мансийский АО – Югра (83,5%), Чукотский АО (80,9%), Ямало-Ненецкий АО (79,6%), Курская область (75,2%), Тульская область (73,3%) и Республика Дагестан (71,2%).

Самый низкий показатель – 17,0% – у Республики Ингушетия; среди регионов, завершающих год с показателем менее 40,0%, Брянская и Ленинградская области, Республика Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкессия, Чеченская Республика, Крым.

В 2017 г. на сайте Единого портала государственных услуг (ЕПГУ) проходят регистрацию более 1,5 млн новых пользователей ежемесячно. По итогам 2016 г., общее количество пользователей ЕПГУ составило 40 млн человек. По итогам 2015 г. в ЕСИА было зарегистрировано 22,5 млн человек, в 2014 г. – 13 млн, в 2013 г. – 6,9 млн человек. Динамика регистрирования в ЕСИА представлена в таблице.

Динамика регистрирования в ЕСИА
Dynamics of Registration in the USIA

Год	Количество зарегистрированных пользователей, млн	Количество вновь заведенных аккаунтов, млн	Регионы-лидеры по количеству зарегистрированных пользователей
2017	65	25	Республика Тыва (91,1%), Ненецкий АО (87,4%), ХМАО (83,5%)
2016	40	17,5	Республика Тыва (61,1%), Тульская область (59%), Курская область (54,8%)
2015	22,5	9,5	Приморский край (47,25%), ХМАО (41,32%), Тюменская область (39,17%)
2014	14,2	6,1	–
2013	6,9	3,3	–
2012	3,6	2,2	–
2011	1,4	–	–

За одну минуту с помощью ЕСИА около трех тысяч пользователей входят на федеральный и региональные порталы госуслуг, сайты «Российской общественной инициативы» (РОИ), Федеральной налоговой службы, Пенсионного фонда, Росреестра, подключаются к Wi-Fi в московском метро. Если в начале 2014 г. к ЕСИА было подключено около 170 информационных систем, в 2016 г. – около 1000 участников, а по итогам 2017 г. – уже порядка 2000.

В 2017 г. появилась идея о возможности внедрения авторизации пользователей при получении информации из государственных информационных систем исключительно через ЕСИА. Речь идет о такой информации, как, например, запросы сведений о штрафах ГИБДД через официальный сайт Госавтоинспекции МВД России и результатах единого государственного экзамена через соответствующие официальные сайты в Интернете.

Тогда же появилась инициатива о подключении операторов подвижной радиотелефонной связи к ЕСИА и СМЭВ, благодаря чему операторы сотовой связи смогут исполнить требования законодательства и оперативно удалить из своих баз абонентов анонимных пользователей. Помимо этого, подключение к ЕСИА будет стимулировать операторов к развитию дистанционного взаимодействия со своими абонентами.

Необходимо подчеркнуть, что «использование информационных технологий повышает интерактивность и эффективность общения с заявителями через официальные сайты госорганов, обеспечивает более широкий доступ к государственным услугам и в конечном счете снижает затраты на их получение» [6, с. 49].

Целесообразно отметить, что миграция процессов оказания государственных и муниципальных услуг в цифровое пространство также оказывает влияние на поведенческие шаблоны потребителей. Данное влияние достаточно весомо и может быть выражено следующими положениями:

– высокоскоростной доступ к информации. Большинство людей, имеющих современные мобильные телефоны, могут оперативно найти различные сведения, а потом моментально ими поделиться с большим количеством других пользователей;

– новейшие каналы и инструменты взаимодействия: текстовые сообщения, лайки, репосты, видеоконтенты. Данная среда формирует повседневный опыт потребителя, его стиль общения, привычки. Представление о качестве обслуживания и скорости у потребителей складывается на основе опыта в онлайн-среде.

Потребители также хотят общаться и с государственными и муниципальными органами;

– применение подобных технологий сильно ускоряет все жизненные процессы, что, в свою очередь, ведет к уменьшению свободного времени. В этом и состоит парадокс цифровизации: чем легче и быстрее мы получаем доступ к различным сведениям, тем меньше остается у нас времени.

Результаты

Таким образом, среди ключевых тенденций развития цифрового или электронного правительства на современном этапе необходимо выделить следующие.

Во-первых, все юридически значимые операции, которые выполняются при помощи бумаги и бумажных документов, были бы юридически значимы и в электронном виде. С этой целью разработана и внедрена единая государственная система идентификации и аутентификации (ФГИС ЕСИА), со временем трансформирующаяся в идентификационную платформу, поддерживающую всевозможные способы идентификации – использование пароля, биометрии, любых носителей электронной информации. Например, в 2018 г. планировался запуск биометрической идентификации, при помощи которой можно будет открывать банковские счета, ни разу не появившись в офисе банка. Однако данный проект пока не реализован, и технология биометрической идентификации еще не внедрена в деятельность банковских организаций.

Во-вторых, трансформация такого понятия, как «государственные услуги». В рамках этого направления развития государство начинает открывать интерфейсы для внешних партнеров, встраивать государственные услуги в финансовые и прочие сервисы с тем, чтобы переходить на проактивное предоставление сервисов. Например, если начинает истекать срок действия водительского удостоверения, гражданину отправляется напоминание о необходимости его перевыпустить и одновременно запускается процедура перевыпуска, еще до обращения гражданина.

В-третьих, еще один важный аспект деятельности государства – обеспечение interoperабельности данных, интеграция ИС между собой, вовлечение хранимых государством данных в экономический оборот как дополнительного источника добавленной стоимости. Это направление деятельности будет активно развиваться, несмотря на то, что данные имеют персональный характер. Современные технологии позволяют организовать систему управления разрешениями таким образом, чтобы была возможность с

разрешения самого гражданина раскрывать персональные данные конкретным организациям.

Новый технологический уклад многократно повышает цену и ценность интеллектуального капитала, а человеческий потенциал – знание и творчество, а также качество государственного управления – приобретает все большее значение в глобальной конкуренции [7].

В этих условиях именно человек становится главной ценностью и главным ориентиром при принятии управленческих решений, в том числе в процессе оказания государственных услуг. В России это происходит при разработке любых программ развития. Как известно, конец прошлого века был эпохой high-tech, т. е. периодом развития высоких технологий в промышленности, в сельском хозяйстве. А сейчас эта эпоха сопрягается с эпохой high-hume, т. е. высоких гуманитарных технологий, которые направлены на максимальное развитие и эффективное использование индивидуальных и коллективных возможностей людей.

Список литературы

1. Все о... Business is digital Now! Лови момент! URL: <http://rutlib2.com/book/16575/p/31> (дата обращения: 17.10.2017).
2. Манахова И. В., Кудайкулов М. К. Глобальные вызовы и риски экономической безопасности // Экономическая безопасность России : вызовы XXI века : сб. тр. по материалам междунар. конф. / отв. ред. И. А. Сушкова. Саратов, 2016. С. 162–182.
3. Капустин А. Диджитализация : как требовательные клиенты делают банки лучше. URL: <http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/347429-didzhitalizaciya-kak-trebovatelnye-klienty-delayut-banki-luchshe> (дата обращения: 17.10.2017).
4. Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре электронного правительства РФ (ЕСИА). URL: <http://tadviser.ru/a/119311> (дата обращения: 23.11.2017).
5. Восемь регионов преодолели 70-процентную отметку по доле граждан, зарегистрированных в ЕСИА. URL: <http://d-russia.ru/vosem-regionov-preodoleli-70-protsentnuyu-otmetku-po-dole-grazhdan-zaregistrirovannyh-v-esia.html> (дата обращения: 05.02.2018).
6. Земскова И. А. Факторный анализ качества государственных услуг // Казан. социально-гуманитарный вестн. 2016. № 6. С. 48–51.
7. Медведев Д. Выступление на IX Гайдаровском форуме 2018 года «Россия и мир : цели и ценности». URL: <https://glasnarod.ru/vlast/149717--vystuplenie-dmitriya-medvedeva-na-plenarnom-zasedanii-ix-gajdarovskogo-foruma> (дата обращения: 13.04.2018).

Образец для цитирования:

Манахова И. В., Земскова И. А. Влияние потребителей на повышение качества электронных государственных услуг // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 394–400. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-394-400>

Influence of Consumers on Improving the Quality of Electronic State Services

I. V. Manakhova, I. A. Zemskova

Irina V. Manakhova, <https://orcid.org/0000-0003-3103-4943>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89, Radischeva Str., Saratov, 410003, Russia, ManakhovaIV@mail.ru

Irina A. Zemskova, <https://orcid.org/0000-0002-3471-6256>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89, Radischeva Str., Saratov, 410003, Russia, zemskova.iren@mail.ru

Introduction. The article examines the process of migration of public services to the Internet space, taking into account the development of new information and communication technologies.

Theoretical analysis. The process of interaction between users of a single portal of public services with government agencies providing these services has been studied. The analysis of the

influence of consumers on the transfer of public services to the electronic form with the purpose of improving their quality is analyzed, the main directions of such influence are identified, the influence of digitalization of the process of rendering public services on behavioral patterns of consumers is investigated. It is emphasized that in modern innovative conditions of the development of civil society, only a personal approach and emotional investment in the consumer can become a competitive advantage and a rational response to price dumping in the public service of the future. **Empirical analysis.** The dynamics of registration of citizens in a single system of identification and authentication is considered. The trends of consumer influence on the process of rendering public services are indicated. The main provisions are confirmed that migration of the processes of rendering state and municipal services to the digital space also influences the behavior patterns of consumers. **Results.** The conclusion is made that in modern conditions of public administration a person becomes the main reference point and the entire process of rendering public services is aimed at satisfying his/her needs.

Key words: public services, quality of public services, digitalization, electronic public services, consumers of public services.

References

1. *Vse o... Business is digital Now! Lovi moment!* (All about ... Business is digital Now! Catch the moment!). Available at: <http://rutlib2.com/book/16575/p/31> (accessed 17 October 2017) (in Russian).
2. Manakhova I. V., Kudaykulov M. K. Global Challenges and Risks of Economic Security. In: *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: vyzovy XXI veka* [Economic Security of Russia: Challenges of the 21st Century. Collected works on the materials of Int. conf. Ans. ed. I. A. Sushkov]. Saratov, 2016, pp. 162–182 (in Russian).
3. Kapustin A. *Didzhitalizatsiya: kak trebovatel'nyye klienty delaiut banki luchshe* (Digitalization: as demanding customers make banks better). Available at: <http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/347429-didzhitalizatsiya-kak-trebovatelnye-klienty-delayut-banki-luchshe> (accessed 17 October 2017) (in Russian).
4. Edinaya sistema identifikatsii i autentifikatsii v infrastrukture elektronnoogo pravitelstva RF (ESIA) (Unified System of Identification and Authentication in the infrastructure of the electronic government of the Russian Federation (USIA)). Available at: <http://tadviser.ru/a/119311> (accessed 23 November 2017) (in Russian).
5. Vosem' regionov preodoleli 70-protsentnuiu otmetku po dole grazhdan, zaregistrovannykh v ESIA (Eight regions overcame the 70% mark on the proportion of citizens registered with the USIA). Available at: <http://d-russia.ru/vosem-regionov-preodoleli-70-protsentnuyu-otmetku-po-dole-grazhdan-zaregistrovannykh-v-esia.html> (accessed 5 February 2018) (in Russian).
6. Zemskova I. A. Factor Analysis of Quality State Services. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyi vestnik* [The Kazan Socio-Humanitarian Bulletin], 2016, no. 6, pp. 48–51 (in Russian).
7. Medvedev D. *Vystupleniye na IX Gaidarovskom forume 2018 goda «Rossiia i mir: tseli i tsennosti»* (Speech at the 9th Gaidar Forum in 2018 “Russia and the World: Goals and Values”). Available at: <https://glasnarod.ru/vlast/149717--vystuplenie-dmitriya-medvedeva-naplenarnom-zasedanii-ix-gajdarovskogo-foruma> (accessed 13 April 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Manakhova I. V., Zemskova I. A. Influence of Consumers on Improving the Quality of Electronic State Services. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 394–400 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-394-400>

УПРАВЛЕНИЕ

УДК 331.101.3

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ РАБОТНИКОВ

Л. Н. Депутатова, Ж. А. Мингалева, Ю. В. Старков

Депутатова Людмила Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления промышленным производством, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, milade@mail.ru

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления промышленным производством, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, mingal1@pstu.ru

Старков Юрий Валентинович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления промышленным производством, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, starkov@pstu.ru

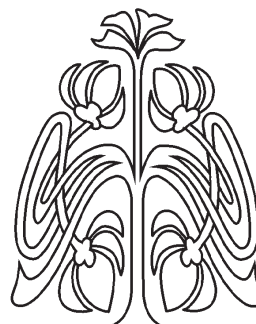
Введение. Система мотивации работников, опирающаяся на систему управления персоналом и организационную культуру, должна обеспечивать вовлечение кадрового потенциала предприятий в решение ключевых проблем развития экономики и общества. В условиях модернизации производства и необходимости расширения практики внедрения инновационных проектов повышается важность создания налаженного механизма формирования трудовой мотивации работников на предприятиях. **Теоретический анализ.** Цель статьи – выявить факторы, в наибольшей степени влияющие на трудовую мотивацию работников в современных условиях. Для исследования механизма формирования трудовой мотивации был применен факторный анализ, который позволил определить взаимосвязь и взаимозависимость элементов системы управления персоналом и системы управления бизнесом с точки зрения более полного вовлечения работников предприятия в производственный процесс. **Результаты.** В статье представлен механизм формирования трудовой мотивации работников предприятия как фактор повышения конкурентоспособности предприятия. Двойственность восприятия системы мотивации работников проявляется в разном отношении к мотивам и стимулам труда, оценке и результату труда, ценностям организационной культуры. Использование в практической деятельности предприятия предложенного механизма формирования трудовой мотивации позволит повысить производительность труда и вовлеченность персонала в решение задач совершенствования бизнес-процессов.

Ключевые слова: система мотивации работников, система стимулирования труда, организационная культура, система управления персоналом.

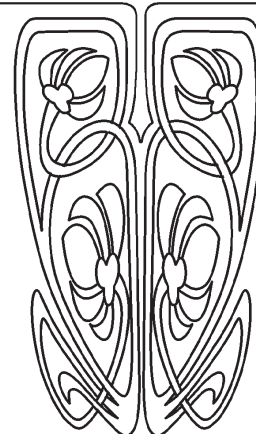
DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-401-406>

Введение

В новых условиях формирования инновационной экономики в Российской Федерации возрастает значение человеческого фактора во всех сферах производства, а цена ошибки человека при изготовлении продукции существенно повышается. Также повышается и роль работника в оптимизации процесса производства. Формирование определенного отношения людей к трудовой дисциплине и качеству работы способствует выявлению ошибок и узких мест в технологическом процессе непосредственно на самих рабочих местах. Это позволяет совершенствовать производство и рационально использовать все ресурсы предприятия (материальные, финансовые, энергетиче-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ские, человеческие, информационные) и успешно внедрять принципы бережливого производства.

Возрастающее влияние человеческого фактора на развитие экономики широко проявляется через понятие качества интеллектуального капитала персонала предприятий. В современных условиях реализация ценностей развития, поддержание и сохранение интеллектуального потенциала выступают ключевыми факторами повышения конкурентоспособности предприятий и их устойчивого функционирования во все более усложняющемся мире. В свою очередь, конкурентоспособность и устойчивость компаний определяется степенью вовлеченности и заинтересованности в качественном эффективном труде работников предприятия.

Теоретический анализ

Большинство теорий мотивации можно разделить на две группы: содержательные (теории потребностей) и процессуальные. Среди авторов содержательных концепций в первую очередь следует назвать А. Маслоу, Д. Макклелланда, Ф. Герцберга, Б. М. Генкина и др. [1–4]. К сторонникам процессуальных теорий относятся В. Врум, Дж. С. Адамс, Л. Портер и Э. Лоулер и др. [5–7].

Новые концепции мотивации привносят принципиально новое понимание в механизмы формирования труда. Особенностью этих теорий является опора на мотивы к трудовой деятельности. Таким образом, современные теории мотивации ориентированы на использование мотивов работника к труду и учитывают психологические особенности личности. Модель «мотивационного комплекса трудовой деятельности» А. А. Литвинюк содержит пять групп мотивов: приобретения, удовлетворения, безопасности, подчинения, энергосбережения [8]. В. И. Герчиков в своих работах также основывается на мотивах работника к труду и выделяет пять мотивационных типов персонала: инструментальный, профессиональный, патристический, хозяйский, избегательный [9].

Однако нужно разделять мотив и мотивацию. Мотив побуждает человека к действию и определяет, как будет осуществлено это действие. Мотивы относятся к внутренней среде человека, являются осознанными и индивидуальными. Мотивация – это внутренний процесс сознательного и самостоятельного выбора самим человеком той или иной модели поведения, определяемой комплексным воздействием внешних (стимулов) и внутренних (мотивов) факторов для удовлетворения своих потребностей [10].

На мотивы оказывают влияние индивидуально-психологические (характер, способности,

темперамент и др.), мотивационные (ценности, цели, потребности, интересы, идеалы, роли и др.) и социально-демографические (возраст, пол, семейное положение, образование, стаж работы и др.) характеристики личности. Поведение людей в конкретной ситуации обычно определяется совокупностью мотивов и их приоритетом для человека [8]. Данная совокупность составляет мотивационную структуру поведения человека.

Применяемые на предприятии стимулы труда работников должны соотноситься с имеющимися у работников мотивами. Таким образом, система стимулирования должна соотноситься с системой мотивации работников. Так как характеристики личности могут изменяться во времени, то и система мотивации работников тоже меняется. Таким образом, для эффективного функционирования системы стимулирования персонала важно соблюдение следующих условий: во-первых, важно обеспечить подбор персонала в соответствии с существующим на предприятии набором мотивов, направленных на его развитие; во-вторых, следует выбирать такие стимулы, которые способны дать наибольший результат и которые наиболее сильно влияют на мотивы работников; в-третьих, система стимулирования должна быть гибкой для успешной адаптации к изменениям мотивации работника.

Основным методом исследования трудовой мотивации послужил факторный анализ. Данный метод позволил определить взаимосвязь и взаимозависимость элементов системы управления персоналом и системы управления производством на предприятии с точки зрения более полного вовлечения работников в решение задачи оптимизации трудовой деятельности и повышения конкурентоспособности производства, ускорения внедрения инноваций.

Результаты

На основе анализа различных подходов к определению и построению системы мотивации персонала промышленных предприятий была разработана авторская схема взаимодействия элементов системы мотивации работников (организационно-мотивационного механизма предприятия), включающая в качестве трех базовых подсистем управления организационную культуру, систему управления персоналом и систему стимулирования (рис. 1). Эти подсистемы имеют единую цель – повышение отдачи от интеллектуального потенциала персонала, а главной задачей организационной культуры предприятия становится учет ценностей предприятия и персонала для формирования эффективной системы мотивации и стимулирования труда работников.

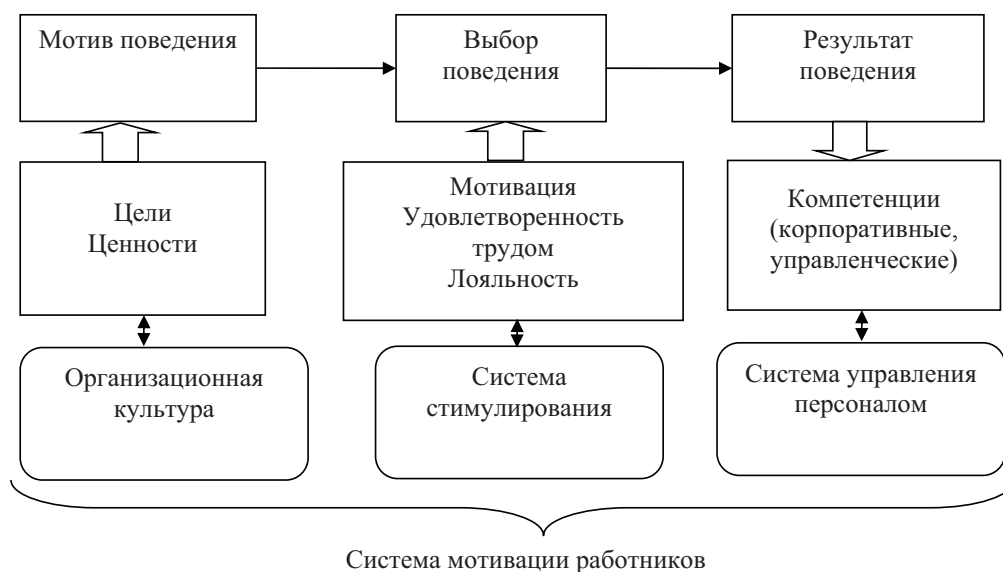

Рис. 1. Элементы организационно-мотивационного механизма

Fig. 1. Elements of the Organizational-Motivational Mechanism

Оценка степени развития корпоративных и управленческих компетенций позволяет определить особенности системы управления персоналом предприятия и результат сформированного опыта работников. Оценка мотивации работников к труду, уровня лояльности персонала и удовлетворенности трудом позволяет определить особенности системы стимулирования труда и степень заинтересованности конкретного поведения. Оценка ценностных приоритетов работника позволяет определить эффективность организационной (корпоративной) культуры предприятия и степень соответствия ценностных установок персонала ценностным установкам предприятия. Все три представленные системы (система управления персоналом, система стимулирования труда и организационная культура) являются ключевыми факторами усиления степени вовлеченности персонала в достижение коллективных целей и повышение производительности труда.

Уже давно установлено, и современные исследования в области мотивации подтверждают этот факт, что денежное стимулирование воспринимается работниками как гигиенический фактор. Для действительно эффективного воздействия денежное стимулирование должно иметь прямую зависимость от результатов труда работника, а также обеспечивать достижение двух базовых целей предприятия, связанных с активизацией трудовой мотивации работников: бесперебойное функционирование существующих бизнес-процессов и повышение производительности труда, создание нового знания, инновации. Организация подбирает необходимые стимулы

для активизации мотивов работника, которые условно можно разделить на две категории: мотив вознаграждения за труд («хочу и могу получить вознаграждение за труд») и мотив к труду («хочу и могу работать») [11]. Мотив к труду как раз обеспечивает активизацию творческого потенциала работников предприятия, мотив вознаграждения за труд – бесперебойное функционирование бизнес-процессов предприятия.

Мотив вознаграждения за труд, являющийся преобладающим на большинстве как отечественных, так и зарубежных предприятий, предполагает получение справедливой оценки труда и соответствующее вознаграждение за результаты труда (денежная заработная плата, натуральная заработная плата, плата за участие в управлении). Мотив труда предполагает получение возможности самореализации, самоактуализации, саморазвития. В условиях конвейерного производства эта группа мотивов была слабо выражена, однако в современных условиях ее значимость существенно возрастает. Существующая двойственность мотивов работников закономерно предполагает и двойственность механизма трудовой мотивации персонала (рис. 2).

Зная структуру связей между мотивами разного типа и разной основы в мотивационном комплексе трудовой деятельности персонала, можно прогнозировать изменения в трудовом поведении работников после конкретных изменений в системе мотивации их труда.

Современные предприятия применяют различные виды стимулирования мотивации работников, направленные на обеспечение по-

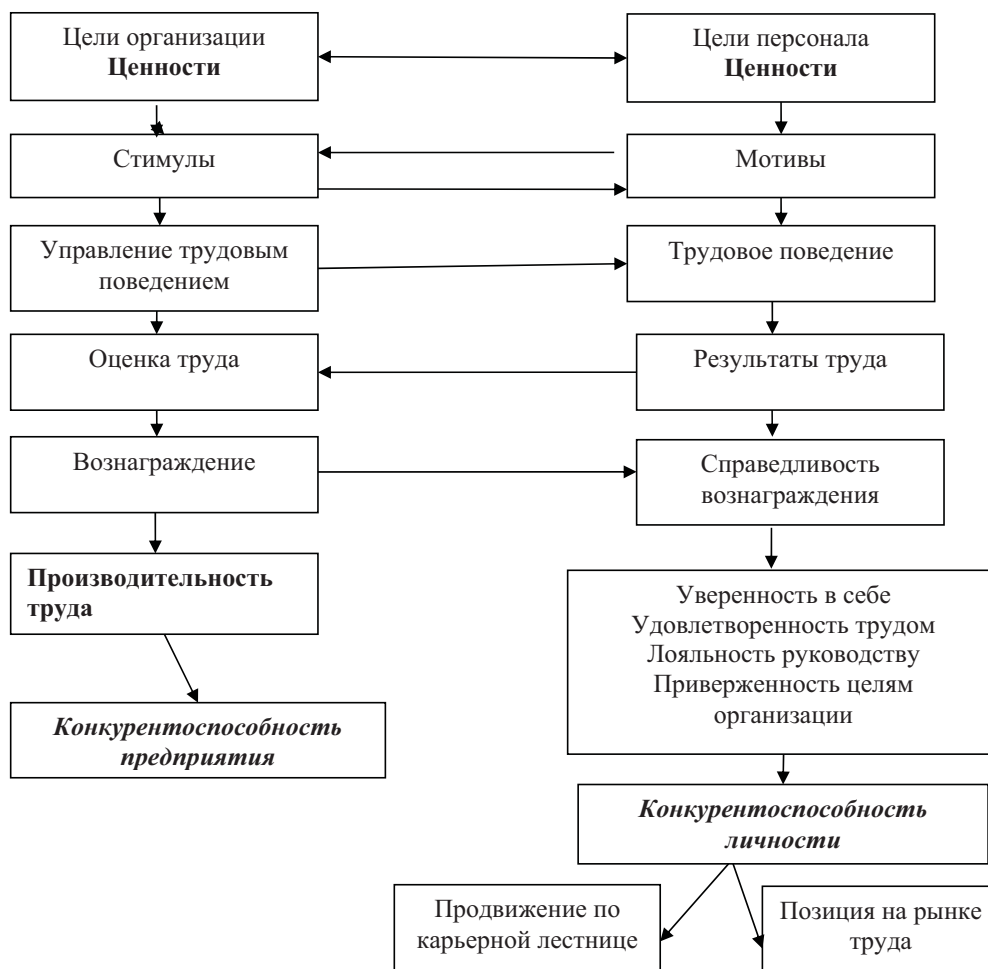

Рис. 2. Механизм формирования трудовой мотивации
Fig. 2. The Mechanism of Formation of Labor Motivation

ставленных целей [12]. В настоящее время на предприятиях наиболее часто используют следующие виды стимулирования: моральные, патернализм, организационные, карьера и развитие. Важным аспектом в механизме формирования мотивации является управление трудовым поведением работников на основе справедливой и адекватной оценки результатов труда.

На успех реализации политики управления персоналом предприятия оказывает влияние и согласование ценностей организации и ценностей персонала. Ценности организации влияют на формирование стимулов и ожидаемое поведение работника, ценности работника – на формирование мотивов и ожидаемый результат труда [13]. Соответствие ценностей предприятия ценностям самого работника влияет на характеристики труда. Такие ценности, как справедливость и доверие, являются базовыми для всех сотрудников и любого вида трудовой деятельности и должны максимально полно реализовываться в системах

управления персоналом на всех предприятиях.

Интеллектуальный труд, масштабы и актуальность которого возрастают в современных реалиях экономики, предполагает вовлеченность работников в проекты и самостоятельное выполнение все большего количества функций и поручений. В результате ключевыми ценностями сотрудников становятся самостоятельность, ответственность и команда, а актуальными навыками и умениями – коммуникабельность, работа в команде, выполнение проектов, выбор ресурсов и средств, оценка полученных результатов. За выполнение данных обязанностей работник получает вознаграждение за групповой и личный результат труда. Работник, стремящийся к успеху, будет проявлять инициативу, искать возможности улучшения производственного, технологического, организационного процесса, предлагать мероприятия по такому улучшению. Отождествление работником себя с результатами индивидуального и коллективного труда фор-

мирует мышление профессионала. Основными ценностями профессионала являются саморазвитие и самореализация. Основным стимулом для профессионала – признание его достижений.

Поскольку личность имеет индивидуально-психологические (способность, темперамент, характер, воля), мотивационные (ценности, установки, потребности), социально-демографические характеристики (пол, возраст, семейное положение, образование), постольку ценностные ориентиры людей могут меняться с течением времени. А поскольку бизнес-процессы и организация производственной деятельности на предприятиях подвержены постоянным изменениям внешней и внутренней среды, то ценностные ориентиры предприятия тоже могут меняться. В этом случае важно отслеживать соответствие друг другу ценностей организации (предприятия) и ценностей работников в течение времени и, соответственно, корректировать систему стимулирования труда.

Заключение

Эффективное функционирование механизма трудовой мотивации приводит к росту производительности труда и повышению уровня конкурентоспособности предприятия. Современный механизм формирования трудовой мотивации должен обеспечивать связь между мотивами и стимулами, исходя из целей и ценностей предприятия и работников. Их совместное развитие позволяет повысить конкурентоспособность предприятия и производительность труда.

Интеллектуальный капитал сотрудников в настоящее время формирует конкурентное преимущество динамично развивающихся компаний. Современное общество требует от предприятий концептуальных изменений в системе мотивации работников и управления трудом, особенно интеллектуальным. Это предполагает создание специального механизма изменения поведения работников (на основе мотивации и стимулов) для более полной реализации всех их способностей в повседневной практической деятельности организации. Поскольку мотивация труда работника зависит, главным образом, от мотива к труду и мотива вознаграждения за труд, то соотношение двух этих мотивов формирует в конечном счете результативность деятельности работников с точки зрения достижения базовых целей предприятия. При этом именно мотив человека к труду определяет его включенность в текущую деятельность предприятия и перспективы его развития. Мотив вознаграждения за труд, в свою очередь, позволяет обеспечивать более высокую степень управляемости персоналом и устанавливает на предприятии стандарты качества.

На эффективно действующих предприятиях система стимулирования труда в рамках единой системы управления персоналом основывается на организационно-мотивационном механизме, который состоит из следующих элементов: организационная культура, система управления знаниями и управление персоналом. Взаимодействие организационно-мотивационного механизма и системы стимулирования обеспечивает удовлетворенность сотрудников трудом, что влияет на инновационное развитие предприятия.

Благодарности

Исследование проведено на основе задания на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России ФГБОУ ВО ПНИПУ (тема «Устойчивое развитие урбанизированных территорий и улучшение среды обитания человека» № 26.6884.2017/8.9).

Список литературы

1. Генкин Б. М. Экономика и социология труда : учебник для вузов. М. : Норма, 2003. 416 с.
2. Херцберг Ф., Моснер Б., Снейдерман Б. Б. Мотивация к работе / пер. с англ. Д. А. Куликова. М. : Вершина, 2007. 240 с.
3. Maslow A. H. Motivation and Personality. 3rd ed. N.Y. : Addison-Wesley, 1987. 336 p.
4. Макклеланд Д. Мотивация человека. СПб. : Питер, 2007. 672 с. (Мастера психологии).
5. Lawler E. E., Suttle J. L. Expectancy Theory and Job Behavior // Organizational Behavior and Human Performance. 1973. № 9. P. 482–503.
6. Vroom V. H. Motivation in Management. N. Y. : American Foundation for Management Research, 1964. 79 p.
7. Vroom V. H. Work and Motivation. N. Y. : Wiley, 1964. 331 p.
8. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. Теория и практика : учебник для бакалавров / А. А. Литвинюк, С. Ж. Гончаров, В. В. Данилочкина [и др.]. М. : Юрайт, 2015. 398 с.
9. Герчиков В. И. Управление персоналом : работник – самый эффективный ресурс компании : учеб. пособие М. : ИНФРА-М, 2008. 282 с.
10. Цветков А. Н. Менеджмент. СПб. : Питер, 2010. 256 с.
11. Депутатова Л. Н., Мингалева Ж. А. Двойственность мотивации интеллектуального труда работников // Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 209–220.
12. Мингалева Ж. А., Депутатова Л. Н. Стимулирование интеллектуального труда как основа инновационного развития. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2015. 314 с.
13. Мухина Е. Р., Депутатова Л. Н. Особенности системы управления интеллектуальным трудом // Экономика и предпринимательство. 2016. № 2–1 (67–1). С. 839–841.

Образец для цитирования:

Депутатова Л. Н., Мингалева Ж. А., Старков Ю. В. Механизм формирования трудовой мотивации работников // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 401–406. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-401-406>

The Mechanism of Formation of Labor Motivation of Employees

L. N. Deputatova, Zh. A. Mingaleva, Yu. V. Starkov

Lyudmila N. Deputatova, <https://orcid.org/0000-0003-0880-8373>, Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomol'skii Ave., Perm, 614990, Russia, milade@mail.ru

Zhanna A. Mingaleva, <https://orcid.org/0000-0001-7674-7846>, Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomol'skii Ave., Perm, 614990, Russia, mingal1@pstu.ru

Yurii V. Starkov, <https://orcid.org/0000-0002-4955-400X>, Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomol'skii Ave., Perm, 614990, Russia, starkov@pstu.ru

Introduction. The system of motivation of employees, based on the system of personnel management and organizational culture needs to involve personnel potential of the enterprises in the decision of key problems of development of economy and society. In the context of modernization of production and the need to expand the practice of innovative projects increases the importance of creating an established mechanism of formation of labor motivation of workers in enterprises. **Theoretical analysis.** The purpose of the paper is the identification of the factors that affect the labor motivation of workers in modern conditions most. In the study of the formation of labor motivation factor analysis was applied. Factor analysis as a method of research allows to determine the relationship and interdependence of the elements of the personnel management system with the production management system in the enterprise in terms of more complete involvement of employees. **Result.** The article presents the mechanism of formation of labor motivation of employees of the enterprise as a factor of increase of competitiveness of the enterprise. The duality of perception of the motivation system by the employee and the enterprise is manifested in different attitudes to the motives and incentives of work, evaluation and results of work, values of organizational culture. The duality of perception is taken into account in the author's mechanism of formation of labor motivation of personnel. **Conclusion.** Joint development allows to increase the competitiveness of the enterprise and labor productivity.

Key words: employee motivation system, incentive system, organizational culture, personnel management system.

Acknowledgements: *The study was conducted on the basis of the task to perform public works in the field of scientific activity within the framework of the basic part of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia in PNRPU (theme*

“Sustainable development of urban areas and improvement of human habitat” no. 26.6884.2017/8.9).

References

1. Genkin B. M. *Ekonomika i sotsiologiya truda* [Economics and sociology of labor]. Moscow, Norma Publ., 2003. 416 p. (in Russian).
2. Hertsberg F., Mosner B., Snyderman B. B. *Motivatsiya k rabote* [The motivation to work. Transl. of Engl. D. A. Kulikov]. Moscow, Vershina Publ., 2007. 240 p. (in Russian).
3. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. 3rd ed. New York, Addison-Wesley, 1987. 336 p.
4. Makkleland D. *Motivatsiya cheloveka* [Motivation person]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. 672 p. (in Russian).
5. Lawler E. E., Suttle J. L. Expectancy Theory and Job Behavior. *Organizational Behavior and Human Performance*, 1973, no. 9. pp. 482–503.
6. Vroom V. H. *Motivation in Management*. New York, American Foundation for Management Research, 1964. 79 p.
7. Vroom V. H. *Work and Motivation*. New York, Wiley, 1964. 331 p.
8. *Motivatsiya i stimulirovanie trudovoi deiatel'nosti. Teoriya i praktika* [Motivation and stimulation of labor activity. Theory and practice / A. A. Litvinyuk, S. Zh. Goncharov, V. V. Danilochkina et al.]. Moscow, Yurayt Publ., 2015. 398 p. (in Russian).
9. Gerchikov V. I. *Upravlenie personalom: rabotnik – samyi effektivnyi resurs kompanii* [Human resource management: an employee is the most effective resource of a company]. Moscow, INFRA-M Publ., 2008. 282 p. (in Russian).
10. Tsvetkov A. N. *Menedzhment* [Management]. St. Petersburg, Piter Publ., 2010. 256 p. (in Russian).
11. Deputatova L. N., Mingaleva Zh. A. The duality of the motivation of the intellectual labor of workers. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2016, no. 2, pp. 209–220 (in Russian).
12. Mingaleva Zh. A., Deputatova L. N. *Stimulirovanie intellektual'nogo truda kak osnova innovatsionnogo razvitiya* [Stimulation of intellectual work as the basis of innovative development: a monograph]. Perm, PNRPU Publ., 2015. 314 p. (in Russian).
13. Mukhina E. R., Deputatova L. N. The features conyrol system intellectual work. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2016, no. 2–1 (67–1), pp. 839–841 (in Russian).

Cite this article as:

Deputatova L. N., Mingaleva Zh. A., Starkov Yu. V. The Mechanism of Formation of Labor Motivation of Employees. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 401–406 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-401-406>

УДК 330.341:330.43

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ НА ВВП ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

А. П. Цыпин

Цыпин Александр Павлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики, Самарский государственный экономический университет, zipin@yandex.ru

Введение. Процессы, протекающие в турбулентной экономике, требуют непрерывного мониторинга и анализа, к таковым можно смело отнести формирование валового внутреннего продукта в постсоветских странах. На формирование этого показателя оказывает влияние множество внешних и внутренних факторов, измерить данное влияние возможно, прибегнув к эконометрическим методам. **Теоретический анализ.** В качестве метода выявления и измерения зависимости между переменными используются корреляционно-регрессионный анализ, а также табличный и графический методы. Информационной базой исследования послужили сведения Статистического отдела ООН и Всемирного банка. **Эмпирический анализ.** Проведенный анализ реакции ВВП на политические и социально-экономические факторы позволяет нам сделать ряд выводов: во-первых, можно констатировать совпадающую реакцию экономики рассматриваемых стран на кризисные ситуации, вызванные политическими решениями (распад СССР) или экономическими факторами (мировые кризисы 1998 г. и 2009 г.); во-вторых, наблюдается дрейф набора факторов, оказывающих влияние на ВВП (на душу населения) постсоветских стран; в-третьих, чем больше времени проходит от начала рыночных реформ, тем сильнее отличаются значения макроэкономических показателей стран, вступивших в Евросоюз, от остальных постсоветских стран; в-четвертых, во всех четырех временных срезах сельское хозяйство оказывает сдерживающее воздействие на экономический рост, и чем дальше от 1991 г., тем сильнее проявляется влияние такого фактора, как индекс человеческого потенциала, что косвенно указывает на подготовку к переходу к цифровой экономике. **Выводы.** Эконометрическое моделирование сложных экономических систем в условиях турбулентной экономики – достаточно сложная задача, и подходить к ней необходимо с особой осторожностью, учитывая все особенности постсоветских стран. Мы в своем исследовании предприняли попытку построения таких эконометрических моделей, полученные результаты могут послужить отправной точкой в дальнейших исследованиях, а выявленные закономерности вносят определенный вклад в теорию переходных экономик.

Ключевые слова: статистика, эконометрика, зависимость, валовой внутренний продукт, постсоветские страны.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-407-412>

Введение

С момента распада Советского Союза прошло более двадцати пяти лет, экономика стран экс-членов Союза претерпела множество преобразований, элементы плановой экономики были замещены на рыночные, внутрисоюзные

связи заменены на внешнеэкономические и внешнеполитические. Зародились дезинтеграционные процессы и часть стран сменила «центр притяжения», но реалии мировой экономики показали, что выстраивать эффективную экономику в одиночку трудно, в результате начали образовываться союзы (т.е. запущен механизм интеграции стран), такие как СНГ, Таможенный союз, ЕАЭС, БРИКС и ряд других.

Логично предположить, что факторы, оказывающие влияние на развитие экономики, в течение всего этого времени неоднократно менялись, что делает необходимым изучение данного процесса. Для этого наилучшим образом подойдут статистические и эконометрические методы, которые позволяют выявить и измерить закономерности с количественной стороны. В этой связи считаем, что выбранная тема исследования является актуальной и дает возможность оценить схожесть (различия) процессов, протекающих в 15 постсоветских странах.

Теоретический анализ

Теоретико-методологический анализ предметной области показал, что анализ влияния социально-экономических факторов на ВВП России освещен достаточно хорошо, среди авторов, занимавшихся данной проблематикой, можно назвать Ф. С. Картаева [1], В. С. Лисина [2], Т. Г. Мансурову [3], И. В. Филимоненко [4], Е. В. Шабельникову [5]. В свою очередь, такие авторы, как С. А. Айвазян [6] и М. М. Новиков [7], рассматривали взаимосвязи ВВП и факторов в таких постсоветских странах, как Армения и Беларусь. Относительно объекта нашего исследования можно утверждать, что в отечественной литературе совокупность постсоветских стран в полном объеме в контексте зависимости ВВП от макропоказателей не рассматривалась. Так, В. Б. Гисин [8] и Д. А. Хлопин [9] в своих исследованиях рассматривали ВВП государств-членов ЕАЭС, а Д. Б. Побегаяева [10] – ВВП стран-членов БРИКС. Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что тема развития экономики постсоветских стран актуальна и требует разработки.

В качестве метода выявления и измерения влияния факторов на развитие экономики постсоветских стран возьмем корреляционно-регрессионный анализ. Также при построении

эконометрической модели протестируем гипотезу о наличии значительных отличий стран, вступивших в Евросоюз, от прочих республик бывшего СССР, для этого введем в оборот фиктивную переменную – $D=1$ для Латвии, Литвы и Эстонии, для всех остальных – $D=0$. Статистическая значимость коэффициента при этой переменной будет свидетельствовать об отличиях выделенных республик от прочих.

Для формирования наборов данных, характеризующих совокупность постсоветских стран, можно использовать ряд источников информации, начиная от национальных статистических служб и заканчивая информацией международных учреждений. В нашем случае остановимся на данных Статистического отдела ООН и Всемирного банка, этот выбор объясняется единой методологией сбора информации, а значит, данные по разным странам сопоставимы.

Так как с момента распада СССР прошло более четверти века, то логичным было бы предположить наличие дрейфа состава факторов, оказывавших влияние на развитие экономики рассматриваемой совокупности стран, для учета этих изменений построим 4 модели за разные

годы, в качестве временных маркеров остановимся на 1991 г., 1999 г., 2009 г. и 2015 г. Наш выбор обосновывается следующими соображениями: первая точка будет характеризовать начальное состояние экономики, соответственно, последняя – текущее положение дел (2015 г. в качестве отчетного периода выбран по причине наличия обнародованной информации по всем странам и всем переменным за этот год), а также будет показывать реакцию экономик на события 2014 г. (экономический кризис в России, санкции против РФ, «украинский вопрос» и т.д.). Два оставшихся года (1998 и 2008 гг.) будут косвенно отражать влияние на экономику кризисов.

Эмпирический анализ

После распада Советского Союза страны экс-члены вступили в полосу рыночных преобразований путем шоковой терапии (75% постсоветских стран) или градуалистского перехода (26% постсоветских стран) [11]. Этот процесс вылился в трансформационный спад и негативным образом отразился на всех социально-экономических процессах. Для характеристики процесса перехода обратимся к данным, представленным в табл. 1.

Таблица 1/ Table 1

Характеристики трансформационного спада в постсоветских странах
Characteristics of Transformational Recession in the Post-Soviet Countries

Страны	Количество лет падения	Период трансформационного спада, годы	Минимальное значение темпа снижения	
			%	год
RUS	12	1991–2003	-65,7	1999
UKR	14	1991–2005	-65,4	2000
BLR	11	1992–2003	-44,8	2000
UZB	13	1992–2005	-36,7	2001
KAZ	11	1991–2002	-43,2	1999
GEO	15	1991–2006	-69,4	1994
AZE	10	1992–2002	-52,8	1995
LTU	6	1991–1997	-38,0	1994
MDA	15	1991–2006	-70,5	1999
LVA	11	1991–2002	-46,2	1993
KGZ	14	1991–2005	-52,2	1999
TJK	15	1991–2006	-69,7	1997
ARM	10	1991–2001	-49,2	1993
TKM	7	1991–1998	-28,8	1995
EST	7	1991–1998	-26,0	1994

Примечание. Сост. по [12]. Предварительно были рассчитаны темпы роста (снижения) ВВП текущего периода относительно предшествующего.

Как видим, из информации, представленной в табл. 1, все 15 постсоветских стран пережили трансформационный кризис, который начался

сразу после распада Советского Союза (в трех странах – с 1992 г.) и закончился у большинства стран лишь в середине 2000-х гг. Исключением

являются Литва, Эстония и Туркменистан. Глубина падения значительна, так, самое большое значение темпа снижения показывает Молдавия, у которой в 1999 г. уровень упал до -70,5%. Также стоит отметить, что в России, Казахстане, Кыргызстане, Молдове и отчасти Украине, Белоруссии и Узбекистане минимальные значения фиксировались после кризиса 1998 г., что еще раз доказывает правильность выбора нами маркерных лет.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать совпадающую реакцию экономики рассматриваемых стран на кризисные ситуации, вызванные политическими решениями (распад СССР) или экономическими факторами (мировые кризисы 1998 г. и 2009 г.).

При формировании набора данных для успешного проведения эконометрического моделирования необходимо учитывать два фактора:

– соизмерение стран возможно лишь при использовании стоимостных показателей, но, учитывая различный уровень инфляции и котировки национальных валют, необходимо пере-

считывать все макропоказатели в одну валюту, таковой в нашем случае является доллар США; – различия в размерах экономик сопоставляемых стран могут привести к эффекту масштаба, поэтому все абсолютные показатели необходимо пересчитать в относительные.

Учитывая вышесказанное, а также опираясь на более раннюю нашу работу ([13], применялся усеченный набор факторов), для эконометрического моделирования используем следующие макроэкономические показатели: Y – ВВП на душу населения, долл. США на человека; X1 – доля промышленности (разделы С-Е) в ВВП, %; X2 – доля сельского хозяйства (разделы А-В) в ВВП, %; X3 – доля услуг в ВВП, %; X4 – доля экспорта во внешнеторговом обороте, %; X5 – валовое накопление основного капитала, % к ВВП; X6 – коэффициент рабочей силы, %; X7 – уровень безработицы, %; X8 – индекс человеческого потенциала, %.

На первом этапе, для выявления влияния факторов рассчитаем парный линейный коэффициент корреляции Пирсона (табл. 2).

Таблица 2/Table 2

Коэффициенты корреляции между ВВП и макроэкономическими показателями
Correlation Coefficients between GDP and Macroeconomic Indicators

Показатели	1991	1999	2009	2015
X1	0,05	-0,07	-0,04	0,05
X2	-0,86*	-0,78*	-0,76*	-0,82*
X3	0,28	0,79*	0,39	0,57
X4	-0,32	0,18	0,33	0,68
X5	-0,24	0,15	-0,19	-0,30
X6	0,35	-0,46	0,11	0,12
X7	0,04	0,19	0,27	-0,18
X8	0,83*	0,87*	0,87*	0,86*
D	0,68	0,95*	0,86*	0,84*

Примечание. Сост. по [12]. Рассчитано в пакете STATISTICA; * выделены коэффициенты, статистически значимые на 5%-ном уровне значимости.

Представленные в табл. 2 результаты показывают, что сельскохозяйственное производство по всех четырех временных срезах оказывает сдерживающее воздействие на экономику (отрицательное значение коэффициента). С одной стороны, выявленная закономерность носит общемировой характер вследствие международной специализации и высоких страновых издержек производства, с другой стороны, снижение доли сельского хозяйства может спровоцировать ухудшение продовольственной безопасности в стране.

Знаменательно изменение влияния доли услуг на ВВП (на душу населения); так, в отправной точке этот фактор не оказывал влияния, но уже в 1999 г. проявил сильное воздействие, это обусловлено как зарождением рынка услуг посредством возникновения новых видов услуг (отсутствующих в плановой экономике), так и выделением части услуг из отраслей материального производства. Далее сила влияния снижается, что говорит об истощении (насыщении) внутреннего спроса на услуги и максимизации удельного веса услуг (исчерпан предел роста доли услуг).

Еще один фактор, который оказывает стабильное высокое положительное влияние на зависимую переменную, это Х8 – индекс человеческого развития, который измеряет достиже-

ния страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода ее граждан (методика расчета показателя представлена на рисунке) [14].

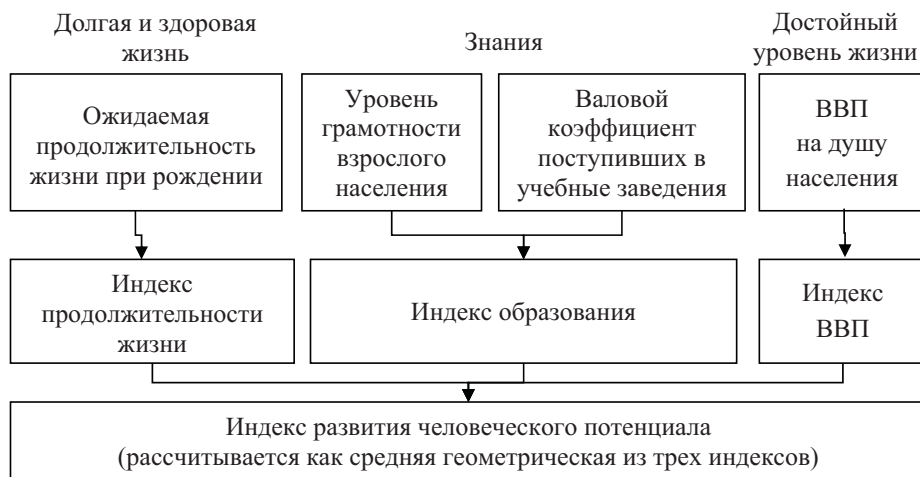

Схема формирования индекса развития человеческого потенциала
Scheme of Formation of the Index of Human Development

Полученное сильное влияние переменной Х8 не противоречит логике; так, на момент распада СССР республики обладали высококлассными специалистами в различных областях, которые успешно трудились до середины 2000-х гг. (и продолжают трудиться), далее намечился структурный сдвиг в образовании и продолжительности жизни, в первом направлении доминирует ориентация на цифровые технологии, во втором – наблюдается повсеместный рост продолжительности жизни населения.

Фиктивная переменная D не оказывает влияния лишь в первом периоде, далее проявляется

ее воздействие на результивную переменную, что говорит о значительном расхождении между показателями стран, вступивших в Евросоюз, и остальными постсоветскими республиками.

Учитывая результаты корреляционного анализа, перейдем к построению эконометрических моделей, при этом будем учитывать мультиколлинеарность факторов (это накладывает ограничения на количество независимых переменных в модели), результаты моделирования представим в табл. 3.

Интерпретация полученных результатов для модели 1991 г. следующая: при росте доли валовой добавленной стоимости сельского хозяй-

Таблица 3/Table 3

Характеристики эконометрических моделей влияния факторов на ВВП на душу населения постсоветских стран

Characteristics of Econometric Models of Influence of Factors on GDP per capita Post-Soviet Countries

Показатели	1991 г.		1999 г.		2009 г.		2015 г.	
	коэф.	t-стат.	коэф.	t-стат.	коэф.	t-стат.	коэф.	t-стат.
Свободный член уравнения	4317,4	9,2	-4089,5	-4,5	-19853,6	-3,2	-26133,6	-3,1
X2	-99,4	-6,0	–	–	–	–	–	–
X8	–	–	7558,4	5,3	33139,6	3,8	41665,1	3,6
D	–	–	1934,4	9,0	5505,9	3,7	5882,1	3,1
R ²	0,74		0,98		0,88		0,86	
F-стат.	36,43		181,47		45,10		36,12	

Примечание. Сост. по [12]. Рассчитано в пакете STATISTICA; все параметры и коэффициенты, представленные в модели, статистически значимы на 5%-ном уровне значимости.

ства на 1% ВВП на душ населения снизится на 99,4 долл. США на душу населения.

Три остальные модели показывают влияние на зависимую переменную индекса развития человеческого потенциала, при этом чем больше времени проходит, тем более заметен эффект от этого воздействия, что объясняется все большей ролью в экономике высокообразованных людей и постепенным переходом к цифровой экономике.

Параметр при фиктивной переменной для моделей 1999 г., 2009 г. и 2015 г. получен статистически значим, а его положительное значение указывает на значительное отличие экономик стран-членов ЕС от остальных рассматриваемых республик.

Выводы

Проведенный анализ влияния социально-экономических факторов на ВВП (на душу населения) постсоветских стран позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Все без исключения 15 республик экс-членов СССР, вступив в полосу рыночных преобразований, ощутили на своей экономике разрушительное воздействие трансформационного спада, который в среднем по совокупности стран продлился 11 лет, и все эти годы наблюдалась убыль ВВП новых республик. Лишь в середине 2000-х гг. наметился тренд на рост экономики.

2. Развитие рыночных отношений и дезинтеграционные процессы (впоследствии интеграционные процессы) привели к дифференциации набора факторов, оказывающих влияние на ВВП (на душу населения), доминирующие позиции стал занимать индекс человеческого потенциала, что косвенно свидетельствует о готовящемся переходе к цифровой экономике.

3. Введение в уравнение фиктивной переменной, характеризующей отличие стран-членов Евросоюза от остальных исследуемых республик, показало статистическую значимость коэффициента перед этой переменной, таким образом, доказано наличие расслоения в изучаемой совокупности, т.е. интеграция в еврозону положительным образом сказалась на странах-участницах.

Считаем, что полученные в ходе выполнения исследования результаты будут полезны при проведении структурно-динамического анализа широкому кругу специалистов, занимающихся изучением макроэкономической динамики постсоветских стран.

Список литературы

1. Картаев Ф. С. Эконометрическое моделирование взаимосвязи курса рубля и динамики ВВП // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2009. № 2. С. 57–67.
2. Лисин В. С. Проблемы моделирования воспроизводства ВВП России. М.: ТЕИС, 2004. 232 с.
3. Мансурова Т. Г. Моделирование зависимости роста ВВП от доходов, получаемых от экспорта углеводородов // Наука, технологии и коммуникации в современном обществе: материалы Респ. науч.-практ. конф. Набережные Челны, 2008. С. 124–127.
4. Филимоненко И. В. Моделирование зависимости роста ВВП от изменения структуры занятости в экономике РФ // Вестн. НГУ. Сер. Социально-экономические науки. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 16–25.
5. Шабельникова Е. В. Использование эконометрического моделирования для исследования зависимости величины ВВП от величины налогов на производство и импорт // Международный студенческий научный вестн. 2017. № 4–7. С. 1111–1113.
6. Айвазян С. А., Бродский Б. Е., Сандоян Э. М., Восканян М. А., Манукян Д. Э. Макроэконометрическое моделирование экономик России и Армении // Прикладная эконометрика. 2013. № 3 (31). С. 7–31.
7. Новиков М. М. Статистическое моделирование и анализ тенденций макроэкономической динамики (на примере ВВП Республики Беларусь) // Бухгалтерский учет и анализ. 2016. № 8 (236). С. 26–35.
8. Гисин В. Б., Джагитян Э. П. Сценарное моделирование влияния норматива достаточности капитала на отношение совокупных активов банковских секторов к ВВП государств-членов ЕАЭС // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 4, № 3. С. 59–63.
9. Хлопин Д. А. Исследование ВВП стран-участниц ЕАЭС методами эконометрического моделирования // Науч. зап. молодых исследователей. 2014. № 3. С. 27–30.
10. Побегаева Д. Б. Эконометрическое моделирование динамики ВВП на душу населения стран-членов БРИКС // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 5. С. 43–46.
11. Цыпин А. П. Статистический анализ трансформации экономики России: дис. ... канд. экон. наук. Оренбург, 2005. 199 с.
12. World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 12.09.2018).
13. Цыпин А. П., Фаизова Л. Р. Статистическое исследование влияния факторов на динамику макроэкономических показателей экс-членов Советского Союза // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 259–263.
14. Сомов В. Л., Толмачев М. Н. Методы определения коэффициентов весомости динамических интегральных показателей // Вопр. статистики. 2017. № 6. С. 74–79.

Образец для цитирования:

Цыпин А. П. Эконометрическое моделирование влияния факторов на ВВП постсоветских стран // Изв. Саратовского государственного университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 407–412. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-407-412>

Econometric Modelling of Influence of Factors on GDP of the Post-Soviet Countries

A. P. Tsylin

Alexander P. Tsylin, <https://orcid.org/0000-0003-1914-0719>, Samara State Economic University, 141, Soviet army Str., Samara, 443090, Russia, zipin@yandex.ru

Introduction. The processes proceeding in turbulent economy demand continuous monitoring and the analysis, it is possible to refer to those safely formation of gross domestic product in the Post-Soviet countries. A set of external and internal factors exert impact on this formation of this indicator, it is possible to measure this influence perhaps having resorted to econometric methods.

Theoretical analysis. As a method of identification and measurement of dependence between variables the correlation and regression analysis is used, also in the course of the research we addressed tabular and graphic methods. **Empirical analysis.** The carried-out analysis of reaction of GDP on political and socio-economic factors, allows us to draw a number of conclusions: first, it is possible to state coinciding reaction of economy of the considered countries, on the crisis situations caused by political decisions (collapse of the USSR) or economic factors (world crises of 1998 and 2009); secondly, drift of set of factors of the Post-Soviet countries exerting impact on GDP (per capita) is observed; thirdly, the more time passes from the beginning of market reforms, the values of macroeconomic indicators of the countries which entered the European Union differ from other Post-Soviet countries stronger; fourthly, in all four time slices, agriculture makes the constraining impact on economic growth, and the farther from 1991, the influence of such factor as the index of human potential is shown stronger that indirectly indicates preparation for transition to digital economy. **Results.** Econometric modeling of difficult economic systems, in the conditions of turbulent economy is rather difficult task and it is necessary to approach it with extra care, considering all features of the Post-Soviet countries. In the research we made an attempt to create such econometric models, the received results can serve as a starting point in further researches, and the revealed regularities make a certain contribution to the theory of transitional economies.

Key words: statistics, econometrics, dependence, gross internal product, Post-Soviet countries.

References

1. Kartayev F. S. Econometric Simulation of the Correlation between Rouble Exchange Rate and Russian GDP Dynamics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika* [The Moscow University Herald. Ser. 6. Economics], 2009, no. 2, pp. 57–67 (in Russian).
2. Lisin V. S. *Problemy modelirovaniya vosпроизводства VVP Rossii* [Problems of modeling of reproduction of GDP of Russia]. Moscow, TEIS Publ., 2004. 232 p. (in Russian).
3. Mansurova T. G. Modeling of Dependence of GDP Growth on Income Gained from Export of Hydrocarbons. In: *Nauka, tekhnologii i kommunikacii v sovremenom obshchestve* [Science, technologies and communications in modern society. Materials of the Republ. sci. and pract. conf.]. Naberezhnye Chelny, 2008, pp. 124–127 (in Russian).
4. Filimonenko I. V. The Modeling of the Relationship between GDP Growth and Structural Change of Employment in the Economy of Russia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. Social and economic sciences], 2011, vol. 11, iss. 1, pp. 16–25 (in Russian).
5. Shabelnikova E. V. Econometric Modeling as a Mean of the Dependence of GDP Value from the Size of Taxes on Production and Imports. *Mezhdunarodnyi studentcheskii nauchnyi vestnik* [International Student's Scientific Bulletin], 2017, no. 4–7, pp. 1111–1113 (in Russian).
6. Ayvazyan S. A., Brodskiy B. E., Sandoian E. M., Voskanyan M. A., Manukian D. E. Macroeconometric Modeling of Economies of Russia and Armenia. *Applied Econometrics*, 2013, no. 3 (31), pp. 7–31 (in Russian).
7. Novikov M. M. Statistical Modeling and the Analysis of Tendencies of Macroeconomic Dynamics (on the example of GDP of Republic of Belarus). *Bukhgalterskiy uchet i analiz* [Accounting and the analysis], 2016, no. 8 (236), pp. 26–35 (in Russian).
8. Gisin V. B., Dzhagitian E. P. Scenario Modeling of Influence of Capital Adequacy Ratio on the Relation of Total Assets of the Banking Sectors to GDP of Member States of EEU. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economy and management: problems, decisions], 2017, vol. 4, no. 3, pp. 59–63 (in Russian).
9. Hlopin D. A. Research GDP of Member Countries of EEU by Methods of Econometric Modeling. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei* [Scientific notes of young researchers], 2014, no. 3, pp. 27–30 (in Russian).
10. Pobegayeva D. B. Econometric Modeling GDP Loudspeakers per capita BRICS Member Countries. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intelligence. Innovations. Investments], 2016, no. 5, pp. 43–46 (in Russian).
11. Tsylin A. P. *Statisticheskii analiz transformatsii ekonomiki Rossii* [Statistical analysis of transformation of economy of Russia]. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Orenburg, 2005. 199 p. (in Russian).
12. World Bank Open Data. Available at: <https://data.worldbank.org> (accessed 12 September 2018).
13. Tsylin A. P., Faizova L. R. Statistical Research of Influence of Factors on Dynamics of Macroeconomic Indicators of Ex-member of the Soviet Union. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of scientific research: economy and management], 2017, vol. 6, no. 4 (21), pp. 259–263 (in Russian).
14. Somov V. L., Tolmachev M. N. Methods for Determining the Coefficients of Weight of Dynamic Integral Indicators. *Voprosy statistiki*, 2017, no. 6, pp. 74–79 (in Russian).

Cite this article as:

Tsylin A. P. Econometric Modelling of Influence of Factors on GDP of the Post-Soviet Countries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 407–412 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-407-412>

УДК 311:378

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИЙ ПРИ РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. В. Харламов, Ю. В. Лысункина

Харламов Александр Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры основ математики и информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, harlamovav@info.sgu.ru

Лысункина Юлия Владимировна, ассистент кафедры математической теории упругости и биомеханики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, lysunkina@yandex.ru

Введение. В статье приводятся некоторые результаты совместной работы базовой кафедры основ математики и информатики Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского и базовой организации – Лицей математики и информатики по выработке управленческих решений для повышения эффективности подготовки специалистов-математиков. **Теоретический анализ.** Предполагается, что образовательные проблемы, возникающие у студентов-первокурсников, связаны с отсутствием преемственности между уровнями образования. Это может быть вызвано как индивидуальными особенностями учащихся, так и спецификой школьной подготовки. **Эмпирический анализ.** Для определения наличия проблемы «нарушения преемственности» образования статистическому анализу были подвергнуты результаты вступительных испытаний и трех сессий студентов на первом и втором курсах. Для выявления ее причин статистическому анализу подвергли результаты анкетирования студентов первого курса механико-математического факультета Саратовского государственного университета и учащихся выпускных классов Лицея математики и информатики в целях выявления проблем адаптации студентов-первокурсников. **Результаты.** Приводятся управленческие решения и организационные меры, принятые для устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: обоснованность управленческих решений, инновации в образовании, проблемы высшей школы, адаптация студентов.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-413-420>

Введение

Базовые кафедры предприятий в вузе являются одной из приоритетных форм взаимодействия вузов и предприятий. При этом «предприятием» может быть как исследовательский институт, так и коммерческая структура, заинтересованные во взаимовыгодном сотрудничестве, более качественной подготовке молодых специалистов и научных работников.

Достаточно новой формой является организация соответствующей кафедры на базе образо-

вательного учреждения, что стало возможным благодаря новой трактовке ст. 72 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1]. Согласно п. 5 этой статьи, в 2013 г. на базе Муниципального автономного образовательного учреждения «Лицей математики и информатики» (ЛМИ) была создана кафедра основ математики и информатики механико-математического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (СГУ).

Работа кафедры на базе учреждения среднего образования является «пилотным» проектом. Приказом ФГАУ «Федеральный институт развития образования» № 100 от 17.06.2015 МАОУ ЛМИ присвоен статус сетевой экспериментальной площадки ФГАУ ФИРО по теме «Развитие связи науки и образования. Базовая кафедра вуза в школе как инновация в современном образовании» [2].

Основное направление деятельности кафедры в рамках сотрудничества с базовой организацией предполагает реализацию Концепции развития математического образования в Российской Федерации [3] и построение процесса непрерывного математического образования в системе «школа – вуз», что достаточно подробно изложено в [4].

Главная идея Концепции заключается в том, что «качественное математическое образование ... обеспечит потребности (страны) в квалифицированных специалистах для наукоемкого и высокотехнологичного производства» [3], а подготовка специалистов высокого уровня является основой роста экономики страны.

Проведенное статистическое исследование направлено на выяснение причин проблем, возникающих в ходе подготовке будущих математиков, и выработке эффективных управленческих решений для их преодоления.

Теоретический анализ

Одна из проблем построения непрерывного математического образования заключается в имеющемся на сегодняшний момент разрыве в целях, задачах и подходах в системах среднего и высшего образования. С одной стороны, у этого есть

объективные причины – различающиеся цели и задачи. Если среднее образование воспитывает и обучает молодежь в широком смысле, то высшее образование уже предполагает получение профессии и, соответственно, предъявляет иные требования к учащемуся. Кстати, из личного опыта авторов можно сделать вывод, что данный аспект практически полностью игнорируется учащимися. С другой стороны, имеет место различие в методах и подходах подачи учебного материала и контроля его усвоения. И в силу этого у студентов-первокурсников возникают проблемы адаптации к системе вузовского образования. Проблемам адаптации разных категорий учащихся посвящена достаточно обширная литература. Так, в [5] анализируются языковые барьеры, в [6, 7] рассмотрены проблемы социального расщепления, в [8] исследуются проблемы людей с ограниченными физическими возможностями. Надо заметить, что для решения данной проблемы прилагается много усилий как вузами, так и государством в целом.

Выпускники так называемых элитных школ – гимназий, лицеев, колледжей – более мотивированы для получения качественного образования, но также сталкиваются со специфическими проблемами адаптации в высшей школе. Преодоление этих проблем позволит более эффективно выстраивать непрерывную линию математической подготовки специалистов на этапе «школа – вуз».

Эмпирический анализ

Решение сформулированной задачи проводилось в два этапа. На первом этапе работы была выявлена сама проблема. Для этого были исследованы данные по оценкам Единого государственного экзамена (ЕГЭ), представленные абитуриентами для поступления на механико-математический факультет СГУ в 2013 г., а также результаты четырех экзаменационных сессий у тех же студентов (первый и второй курсы). Данные обрабатывались в обезличенной форме. При обработке данных применялись методы описательной статистики, корреляционного и дисперсионного анализа, статистической проверки гипотез. Частично результаты этого этапа были представлены в [9].

Предполагается, что успехи школьной подготовки нашли свое отражение в результатах ЕГЭ. На механико-математическом факультете в качестве вступительных испытаний учитываются результаты ЕГЭ по математике, русскому языку и, в зависимости от направления, физике или обществознанию. На первый курс поступили

170 человек. Средние значения полученных баллов по предметам: математика – 64,19; русский язык – 73,38; физика – 57,07; обществознание – 71,83. Удивительно, но самый высокий балл оказался по русскому языку, а по физике самый низкий. Средние баллы по русскому языку и обществознанию статистически не различаются, а вот по физике, математике и гуманитарным предметам имеют существенные различия.

Оценки по математике имеют значимую корреляцию с другими предметами, но не очень высокую. Парный коэффициент корреляции между математикой и русским языком 0,473, между математикой и физикой 0,551, между математикой и обществознанием 0,464.

Причем частные коэффициенты корреляции имеют еще меньшее значение, но также являются статистически значимыми (на пятипроцентном уровне значимости). Соответствующие значения равны 0,245; 0,453 и 0,344

В случае с физикой значение коэффициента уменьшилось, но не сильно, а вот в случае с гуманитарными предметами он сократился почти вдвое. Это можно рассматривать как подтверждение тезиса о разделении людей на «гуманитариев» и «технарей». Первоначальный статистический анализ баллов ЕГЭ показал, что результаты экзамена по математике имеют нормальное распределение, но это не подтвердилось для баллов по русскому языку, физике и естествознанию. Можно по-разному относиться к системе ЕГЭ, но нормальное распределение показывает, что по математике этот экзамен составлен сбалансированно и отвечает задаче дифференциации абитуриентов, что подтверждается отсутствием замечаний к школьной математической подготовке у методической комиссии [10]. Поэтому для дальнейшего анализа использовались результаты ЕГЭ по математике и суммарный балл как индикатор качества успеваемости в школе. Отметим, что суммарный балл по ЕГЭ положительно коррелирует с усредненной оценкой за первую сессию, соответствующий коэффициент равен 0,7, что можно объяснить общим стремлением учащихся к получению знаний. Значение коэффициента корреляции между баллами ЕГЭ по математике и средним за сессию всего лишь 0,51, что можно попытаться объяснить различиями в обучении математике в школе и вузе.

Из 170 человек, поступивших на первый курс, с первой сессией не справились 13 человек. После первого курса факультет по разным причинам покинули еще 12 человек. Отчисление по направлениям представлено в табл. 1.

Таблица 1/Table 1

**Количество отчисленных студентов
Number of expelled students**

Направление подготовки	Количество человек	%
Прикладная математика и информатика	11	20
Математика и компьютерные науки	2	6
Механика	2	12
Прикладная информатика	2	7
Бизнес-информатика	3	12
Педагогика	5	33

Для выяснения причин отчисления были проанализированы данные ЕГЭ отчисленных и оставшихся студентов. Необходимо отметить, что статистически значимые различия в среднем балле по математике и сумме баллов ЕГЭ на направлениях с высоким процентом отчисления (Прикладная математика и информатика и Педагогика) и на направлениях со сравнительно низким процентом отчисления (все остальные) отсутствуют. Хотя изначально на престижные направления (Прикладная информатика и Бизнес-информатика) поступали учащиеся с баллами, значительно превышающими остальные. Средний балл по математике составил 68,3 против 62,3, а суммарный балл ЕГЭ – 212 против 192.

Средний балл ЕГЭ по математике и суммарный балл ЕГЭ у студентов, отчисленных после первой и второй сессий, статистически не различался: 59,2 и 57,2 соответственно (заметим, что у отчисленных ранее балл даже немного выше). Для суммы баллов ЕГЭ значения средних показателей равны 185,6 и 179,8, они также статистически неразличимы.

Анализ средних значений баллов по математике и сумме отчисленных и продолживших обучение студентов показал значимое различие (58,28 против 65,2 по математике и 182,8 против 200,8 по сумме). Это дает возможность предположить, что не успевают студенты со слабой школьной подготовкой как по математике, так и общей. При этом диапазон значений этих показателей показывает, что отчисляются не самые слабые (в смысле баллов ЕГЭ) абитуриенты (табл. 2).

Приведенные расчеты позволяют сделать вывод, что не только уровень школьной подготовки влияет на успешную учебу первокурсников в вузе. Большая часть студентов ушла из-за проблем с учебой – 22 человека имели оценки «удовлетворительно» по всем предметам. Средние баллы по первой сессии отчисленных

и продолживших обучение студентов статистически значимо различаются: 3,32 против 3,79 (на уровне значимости менее 1%). Та же картина наблюдается и по результатам второй сессии – средние баллы отчисленных и не отчисленных студентов также статистически значимо различаются: 3,22 против 3,82 (на уровне значимости менее 1%). При этом после третьей и четвертой сессий «потерь» уже не было.

Таблица 2/Table 2

**Размах вариации баллов по математике
и суммы баллов ЕГЭ**

**The range of variation in points for mathematics
and the sum of USE scores**

Студенты	Математика	Сумма
Отчисленные	36–85	129–225
Не отчисленные	32–96	131–284

Средние баллы за четыре сессии по всем предметам и по «математическим» дисциплинам представлены в табл. 3.

Таблица 3/Table 3

**Средние баллы студентов за сессию
Average student scores per session**

Предметы	Сессия			
	1-я	2-я	3-я	4-я
Математика	3,75	3,73	3,79	3,94
Все предметы	3,84	3,82	3,95	4,07

Критерий Пейджа показал статистически значимое увеличение среднего балла в обоих случаях (7,0% и 1,5% уровни значимости). Если баллы за первую и вторую сессии статистически неразличимы, то третья и четвертая демонстрируют рост. Здесь можно уже сделать вывод, что одного года хватает, чтобы студенты привыкли к требованиям обучения на механико-математическом факультете СГУ.

На втором этапе исследования были проанализированы причины выявленной проблемы. Для этого совместно с базовой организацией были разработаны анкеты с вопросами для учащихся выпускных классов ЛМИ и студентов первого курса мехмата (некоторые результаты представлены в [11]). За основу анкеты была взята разработка [12]. Для выяснения сложностей переходного периода студентам после первой сессии были розданы опросные листы, в которых были сформулированы девять *возможных проблем*, с которыми они столкнулись в первом семестре, а именно:

- 1) выполнение самостоятельной работы;
- 2) конспектирование первоисточников;
- 3) неумение одновременно записывать и слушать лекцию;
- 4) большой объем и сложное содержание материала;
- 5) новые формы контроля;
- 6) организация свободного времени;
- 7) отсутствие (недостаток) контактов с преподавателями;
- 8) отсутствие дружеского общения;
- 9) разлука со школьными товарищами.

Эти утверждения предлагалось расположить в порядке увеличения сложности проблемы (по мнению студента). В результате все сформулированные «сложности» были упорядочены и получили свой рейтинг от одного до девяти. Единица соответствовала менее значимой проблеме, девятка предполагала, что проблема представляет наивысшую сложность. Было обработано 114 листов. Статистический анализ результатов опроса показал, что настоящей проблемой для всех оказались «4) большой объем и сложность изучаемого материала». Практически 55% опрошенных поставили в этом случае 8 и 9 баллов.

Кластеризация ответов студентов дала следующий результат (рис. 1).

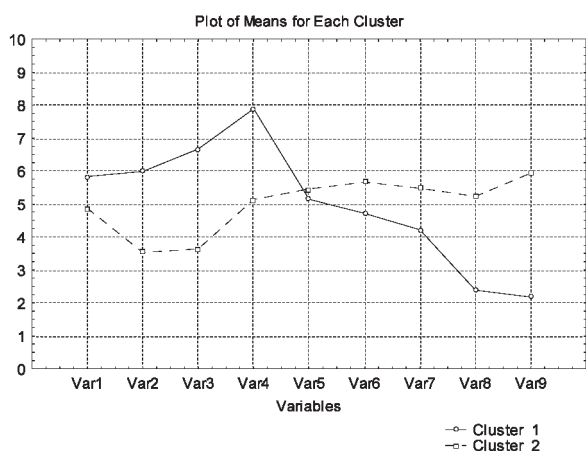

Рис. 1. Кластеризация ответов студентов по тесту «проблемы»

Fig. 1. Clustering of students' answers on the test of "problems"

Если по некоторым проблемам студенты значимо разделились на две группы, например, по девятой проблеме видна четкая поляризация в присвоении рейтинга, что можно отнести к индивидуальным характерным особенностям студентов, то по проблеме «5) новые формы контроля» практически все оказались единодушны.

Для выявления причин трудностей первокурсников, связанных со школьным образованием, в опросные листы студентов были включены вопросы, связанные с достоинствами и недостатками школьного образования. *Достоинством школьного образования* является то, что школа:

- 1) развивает чувства товарищества, сплоченности;
- 2) дает хорошую теоретическую подготовку по отдельным предметам;
- 3) прививает навыки творческой работы (сочинения на свободную тему, доклады на проблемных уроках, в кружках);
- 4) приучает к повседневной работе, систематическому выполнению заданий;
- 5) развивает индивидуальные интересы на факультативных занятиях, спецкурсах, кружках;
- 6) осуществляет индивидуальный подход в воспитательной работе;
- 7) дает навыки самостоятельной работы с информацией;
- 8) формирует навыки публичного выступления;
- 9) обучает приемам взаимодействия при работе в группе.

Соответственно, *недостатки школьного образования* определялись следующим образом:

- 1) школа не дает достаточных представлений об особенностях обучения в вузе;
- 2) слабо учит правильно распределять время;
- 3) недостаточно развивает навыки самостоятельной работы;
- 4) знания оказались недостаточно глубокими и прочными;
- 5) в школе мало используются элементы вузовской системы обучения;
- 6) знания в школе излагаются главным образом на фактологическом уровне («готовые знания»);
- 7) недостаточно высокие требования в обучении;
- 8) не сформированы навыки публичного выступления;
- 9) не сформированы навыки психологической саморегуляции во время зачетов и экзаменов.

Подавляющее большинство опрошенных считают, что школа «2) дает хорошую подготовку по отдельным предметам» (более 70% опрошенных поставили от 6 до 9 баллов), но при этом слабо «6) осуществляет индивидуальный подход в работе» (то же количество опрошенных – 70% поставили от 1 до 4 баллов), более 20% опрошенных считают, что «4) приучает к систематическому выполнению заданий» (поставлен высший балл), около 30% считают, что школа «7) дает навыки работы с информацией» (8 и 9 баллов), но при этом

в меньшей степени «5) развивает индивидуальные интересы» (почти 30% поставили 1 и 2 балла) и «8) формирует навыки публичных выступлений» (около 30% поставили от 1 до 3 баллов).

Кластеризация ответов студентов по «достоинствам» школьного образования представлена на рис. 2.

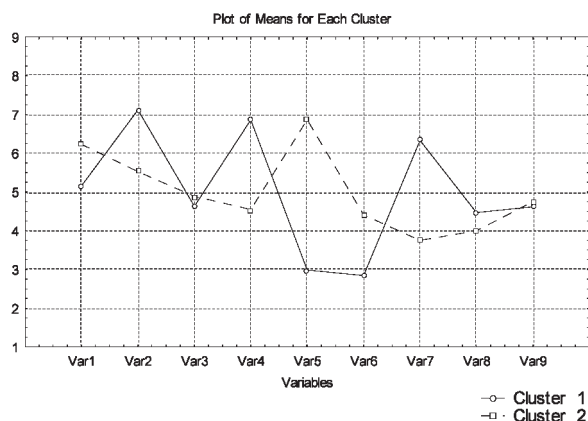

Рис. 2. Кластеризация ответов студентов по тесту «достоинства»

Fig. 2. Clustering of students' answers on the test of "merits"

Если по утверждениям, что школа «3) прививает навыки творческой работы», «8) формирует навыки публичных выступлений», «9) обучает приемам взаимодействия при работе в группе», среди студентов нет разночтений, то студенты, низко оценивающие, что школа «5) развивает индивидуальные интересы» и «6) осуществляет индивидуальный подход в работе», в большей степени ставят в заслугу «7) дает навыки работы с информацией».

Подавляющее большинство первокурсников считают основным недостатком то, что «1) школа не дает достаточных представлений об особенностях обучения в вузе». Максимальный балл в этом случае поставили более 30% опрошенных. При этом все остальные недостатки школьного образования можно отнести скорее к индивидуальным особенностям учащихся. Результаты кластеризации «недостатков» школьного образования представлены на рис. 3. Практически нет различий в оценках пунктов «2) неумение правильно распределять время» и «3) самостоятельно работать», разночтения в группах прослеживаются практически по всем остальным пунктам. Причем те, кто высоко оценивает позиции «8) слабые навыки публичных выступлений» и «9) не сформированы навыки психологической саморегуляции во время зачетов и экзаменов», ставят относительно низкий рейтинг «1) школа не дает достаточных представлений об особенностях обучения в вузе» и наоборот.

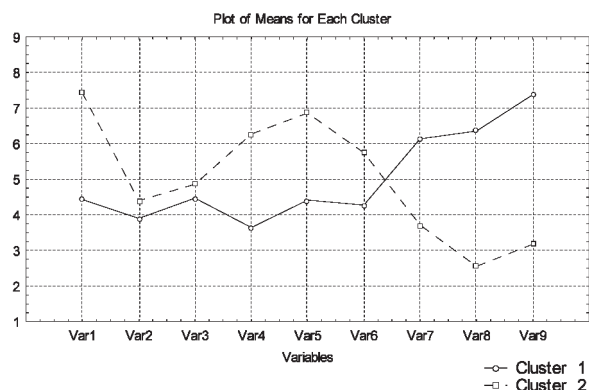

Рис. 3. Кластеризация ответов студентов по тесту «недостатки»

Fig. 3. Clustering of students' answers in the test of "shortcomings"

Таким образом, можно отметить, что явным достоинством школьного образования, с точки зрения студентов первого курса, является системное выполнение учебных заданий, недостатком – отсутствие достаточных представлений об особенностях обучения в вузе, а трудности для студента-первокурсника представляют большие объемы и сложное содержание изучаемого материала.

Заметим, что ответы на вопросы носят в большей степени субъективный характер и показывают индивидуальную трактовку студентами сформулированных проблем. Так, выборочный коэффициент корреляции, вычисленный для рейтингов позиций: «формирует навыки публичного выступления» как достоинства и «не сформированы навыки публичного выступления» как недостатка школьного образования, равен 0,01 и незначим, что говорит о несогласованности проставленных рангов. Если бы утверждение получило максимальный ранг, как «достоинство», то по логике вещей противоположное утверждение, как «недостаток», должно было бы получить минимальный ранг, а выборочный коэффициент – значение, близкое к -1. Если бы данный показатель был не очень существенен в качестве «достоинства» (среднее значение рейтинга), то также он должен был бы быть не важен, как «недостаток», а корреляция была бы близка к 1. Ответы по недостаткам и достоинствам школьного образования достаточно слабо коррелируют между собой, но интересно, что значение коэффициента -0,35 между «отсутствием дружеского общения» (из сложностей студента-первокурсника) и «приучением к систематической работе» (из достоинств школьного образования) можно объяснить тем, что время, потраченное на учебу, мешает общению с друзьями.

Результаты

По результатам проведенного исследования был предпринят ряд управленческих шагов для повышения эффективности процесса непрерывного математического образования в системе «школа – вуз». Кафедрой совместно с методическим объединением ЛМИ была разработана [13, 14] сквозная система (с 3-го по 11-й классы) факультативных занятий, спецкурсов и кружков, преподавание в которых ведется сотрудниками университета. Данный шаг позволит школьникам на ранней стадии познакомиться с методами подачи материала и требованиями отчетности вузовских преподавателей, а последним, в свою очередь, дает возможность познакомиться с уровнем подготовки и способностями восприятия материала будущими абитуриентами.

В тех же целях, для лучшего знакомства с «университетом и вузовским преподаванием», изучение наиболее сложных разделов математики в старших классах организовано в стенах факультета и также ведется сотрудниками механико-математического факультета.

Для повышения ответственности учащихся прием зачетов и экзаменов по ряду дисциплин осуществляется квалифицированными сотрудниками мехмата и проводится в стенах факультета. В этом случае учащиеся получают объективную оценку своих знаний, не говоря уже об опыте общения с вузовскими экзаменаторами.

На данном этапе совместная работа кафедры основ математики и информатики и базовой организации заключается в том числе в мониторинге образовательной деятельности по выбранным направлениям и подготовке более глубокого исследования с учетом выявленных недостатков. В частности, предполагается увеличить число участников, проследить их отношение к школьному и вузовскому образованию в течение ряда лет, повысить качество анкетирования.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.07.2013). URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> (дата обращения: 03.08.2017).
2. Федеральный институт развития образования : приказ ФГАУ ФИРО № 100 от 17.06.2015. URL: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2010/04/Pr_100_-17-06-2015.pdf (дата обращения: 03.08.2017).
3. Распоряжение Правительства России от 24 декабря 2013 года № 2506-р о Концепции развития математического образования в Российской Федерации от 23 января 2014 года. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3894> (дата обращения: 04.08.2017).
4. Злобина Э. В., Лысункина Ю. В., Харламов А. В. Роль базовой кафедры Основ математики и информатики в организации процесса непрерывного математического образования // Актуальные проблемы непрерывного математического образования : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 2014. С. 206–213.
5. Васильева Н. В., Меркель Е. В. Проблема языковой адаптации студентов-первокурсников в вузе // Проблемы учебного процесса высшего профессионального образования на рубеже XXI века : материалы науч.-метод. конф. Техн. ин-та (фил.) ЯГУ в г. Нерюнгри. Якутск : Якут. гос. ун-т, 2000. С. 13–15.
6. Буянова И. Б. Социокультурная адаптация выпускников сельских школ к условиям педагогического вуза : дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2005. 265 с.
7. Ключников С. В. Адаптация социально незащищенных детей как педагогическое явление // Интеграция образования. 2004. № 2 (35). С. 105–113.
8. Уляева Г. Г. Социально-психологическая адаптация студентов с последствиями детского церебрального паралича средствами адаптивной физической культуры : дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 194 с.
9. Лысункина Ю. В., Харламов А. В. Статистический анализ рисков адаптации студентов-первокурсников к системе образования в высшей школе // Математическое моделирование в экономике и управлении рисками : материалы III Междунар. молод. науч.-практ. конф. (Саратов, 5–8 ноября 2014 г.). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 2014. С. 139–145.
10. Методические рекомендации по некоторым аспектам совершенствования преподавания общеобразовательных предметов (на основе анализа ЕГЭ 2014). URL: <http://fipi.ru/ege-i-gve-11/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy> (дата обращения: 14.10.2014).
11. Лысункина Ю. В., Харламов А. В. Школа, вуз. Задача адаптации первокурсников // Учитель – ученик : проблемы, поиски, находки. Вып. 13 : Материалы Научной конференции сотрудников и аспирантов механико-математического факультета «Актуальные проблемы математики и механики» и Студенческой научной конференции «Математика. Механика. Информатика». Саратов : ИЦ «Наука», 2014. С. 44–52.
12. Основные концептуальные положения взаимодействия школьного и вузовского образования в России в современных условиях. URL: <http://www.school-vuz.narod.ru/Str17.htm>. (дата обращения: 16.05.2013).
13. Тюленева А. А., Харламов А. В. Базовая кафедра и базовая организация : формы сотрудничества // Учитель – ученик : проблемы, поиски, находки. Вып. 14 : Материалы Научной конференции сотрудников и аспирантов механико-математического факультета «Актуальные проблемы математики и механики» и Студенческой научной конференции «Математика. Механика. Информатика». Саратов : ИЦ «Наука». 2015. С. 73–77.
14. Злобина Э. В., Харламов А. В. Базовая кафедра в школе как инновация в образовательном процессе // Современное математическое образование : концептуальные подходы и стратегические пути развития : материалы XI Межрегион. науч.-метод. конф. (Саратов, 29 марта 2016 г.). Саратов : СОИРО, 2016. С. 53–59.

Образец для цитирования:

Харламов А. В., Лысункина Ю. В. Статистические обоснования управленческих решений в целях повышения эффективности инноваций при решении проблем высшего образования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 413–420. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-413-420>

Statistical Basis of Management Decisions for Improving Innovation Effectiveness in Solving Higher Education Problems

A. V. Harlamov, Ju. V. Lysunkina

Alexandr V. Harlamov, <https://orcid.org/0000-0002-1709-6518>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410002, Russia, harlamovav@info.sgu.ru

Juliy V. Lysunkina, <https://orcid.org/0000-0002-6633-0980>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410002, Russia, lysunkina@yandex.ru

Introduction. The article presents some results of the collaborate work of the basic chair of the fundamentals of mathematics and informatics of Saratov State University and the basic organization – the Lyceum of Mathematics and Computer studies for the development of administrative decisions for increasing of training efficiency of experts-mathematicians. **Theoretical analysis.** It is assumed that the educational problems arising with first-year students are related to the lack of continuity between the levels of education. This can be caused both by the individual characteristics of the students and by school background specifics. **Empirical analysis.** To determine the presence of the problem of education “discontinuities”, the results of entry examinations and three exam periods of the first and second year students were subjected to statistical analysis. To reveal its causes, the results of a questioning of the first-year students of the Faculty of Mechanics and Mathematics of Saratov State University and students of graduation classes of the Lyceum of Mathematics and Computer studies were analyzed by statistical analysis to identify the problems of adaptation of first-year students. **Results.** Management decisions and organizational measures taken to eliminate the identified problems associated with the problems of school background are given.

Key words: validity of management decisions, innovations in education, problems of higher education, adaptation of students.

References

1. About Education in the Russian Federation. Federal Law 29.12.2012 no. 273-FZ (edition of 23.07.2013). Available at: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> (accessed 3 August 2017) (in Russian).
2. Federal Institute for Educational Development. Order of FSII FIED no. 100 of 17.06.2015. Available at: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2010/04/Pr_100_-17-06-2015.pdf (accessed 3 August 2017) (in Russian).
3. Decree of the Government of Russia of December 24, 2013 no. 2506-r on the Concept for the Development of Mathematical Education in the Russian Federation of January 23, 2014. Available at: <http://минобрнауки.рф/документы/3894> (accessed 4 August 2017) (in Russian).
4. Zlobina Je. V., Lysunkina Ju. V., Harlamov A. V. The role of the basic department of Mathematics and Informatics in the organization of the process of continuous mathematical education. In: *Aktual'nye problemy nepreryvnogo matematicheskogo obrazovaniya* [Actual problems of continuous mathematics education]. Saratov, Saratov University Press, 2014, pp. 206–213 (in Russian).
5. Vasilyeva N. V., Merkel E. V. The problem of language adaptation of first-year students in the university. In: *Problemy uchebnogo protsessa vysshego professional'nogo obrazovaniya na rubezhe XXI veka* [Problems of the educational process of higher vocational education at the turn of the XXI century]. Yakutsk, Yakutsk State University, 2000, pp. 13–15 (in Russian).
6. Bujanova I. B. *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya vypusknikov sel'skikh shkol k usloviyam pedagogicheskogo vuza* [Social and cultural adaptation of graduates of rural schools to the conditions of a pedagogical university]. Diss. Cand. Sci. (Pedag.). Saransk, 2005. 265 p. (in Russian).
7. Kljuchnikov S. V. Adaptation of socially unprotected children as a pedagogical phenomenon. *Integratsiya obrazovaniya* [Intedration of Education], 2004, no. 2 (35), pp. 105–113 (in Russian).
8. Uljaeva G. G. *Sotsial'no-psikhologicheskaja adaptatsiya studentov s posledstviyami detskogo tserebral'nogo paralicha sredstvami adaptivnoi fizicheskoi kul'tury* [Social and psychological adaptation of students with the consequences of infantile cerebral palsy using adaptive physical training]. Diss. Cand. Sci. (Pedag.). Moscow, 2004. 194 p. (in Russian).
9. Lysunkina Ju. V., Harlamov A. V. Statistical analysis of the risks of adaptation first-year students to the system of education in higher education. *Matematicheskoe modelirovanie v ekonomike i upravlenii riskami* [Mathematical modeling in economics and risk management. Materials III Int. youth sci. and pract. conf.]. Saratov, Saratov University Press, 2014, pp. 139–145 (in Russian).
10. Methodical recommendations on some aspects of improving the teaching of general education subjects (based on the analysis of the EGE 2014). Available at: <http://fipi.ru/ege-i-gve-11/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy> (accessed 14 October 2014) (in Russian).
11. Lysunkina Ju. V., Harlamov A. V. School, high school. The problem of adaptation of first-year students. *Uchitel' – uchenik: problemy, poiski, nakhodki. Vypusk 13: Materialy Nauchnoi konferentsii sotrudnikov i aspirantov mekhaniko-matematicheskogo fakul'teta «Aktual'nye problemy matematiki i mekhaniki» i Studencheskoi nauchnoi konferentsii «Matematika.*

- Mekhanika. Informatika*» [Teacher – student: problems, searches, finds. Iss. 13: Materials of the Scientific Conference of the staff and graduate students of the Faculty of Mechanics and Mathematics “Actual problems of mathematics and mechanics” and the Student Scientific Conference “Mathematics. Mechanics. Computer science”]. Saratov, IC “Nauka”, 2014, pp. 44–51 (in Russian).
12. Osnovnye kontseptual’nye polozheniya vzaimodeistviya shkol’nogo i vuzovskogo obrazovaniya v Rossii v sovremennykh usloviyakh (The main conceptual provisions of the interaction of school and university education in Russia in modern conditions). Available at: <http://www.school-vuz.narod.ru/Str17.htm> (accessed 16 May 2013) (in Russian).
13. Tjuleneva A. A., Harlamov A. V. Basic department and basic organization: forms of cooperation. *Uchitel’ – uchenik: problemy, poiski, nakhodki. Vypusk 14: Materialy Nauchnoi konferentsii sotrudnikov i aspirantov mekhaniko-matematicheskogo fakul’teta «Aktual’nye problemy matematiki i mekhaniki» i Stencheskoi nauchnoi konferentsii «Matematika. Mekhanika. Informatika*» [Teacher – student: problems, searches, finds. Iss. 14: Materials of the Scientific Conference of the staff and graduate students of the Faculty of Mechanics and Mathematics “Actual problems of mathematics and mechanics” and the Student Scientific Conference “Mathematics. Mechanics. Computer science”]. Saratov, IC “Nauka”, 2015, pp. 73–77 (in Russian).
14. Zlobina Je. V., Harlamov A.V. Basic chair in the school as an innovation in the educational process. *Sovremennoe matematicheskoe obrazovanie: kontseptual’nye podkhody i strategicheskie puti razvitiya. Materialy XI Mezhhregional’noi nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Modern mathematics education: conceptual approaches and strategic ways of development: materials XI Inter-region. scientific-method. conf.]. Saratov, SOIRO, 2016, pp. 53–59 (in Russian).

Cite this article as:

Harlamov A. V., Lysunkina Ju. V. Statistical Basis of Management Decisions for Improving Innovation Effectiveness in Solving Higher Education Problems. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 413–420 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-413-420>

УДК 005.521

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОСТАВА И СТРУКТУРЫ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ В РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЯХ

Л. Н. Леванова

Леванова Лидия Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, levanovaln1@mail.ru

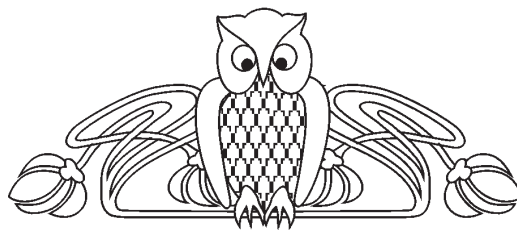
Введение. Долгое время совет директоров российских корпораций носил формальный характер, проявляющийся в слабых межличностных отношениях между членами совета и в формальном подходе к выполнению функций, предписанных законодательством Российской Федерации и Кодексом корпоративного управления. Причиной формализма стали сращивание собственности и управления в российском бизнесе, а именно формирование модели инсайдерского капитализма, а также общее непонимание собственниками функционала совета директоров. Данные процессы сказались на формировании советов директоров из представителей мажоритариев и представителей власти, что совершенно не соответствует требованиям международной передовой практики корпоративного управления. Необходимость эффективного управления, а также процессы выхода компаний на международный рынок стали факторами активизации советов директоров. **Теоретический анализ.** В ходе статьи анализируются состав и структура советов директоров отечественных компаний в динамике. Проводится анализ на предмет наличия независимых директоров в советах, их долевого соотношения. Также рассматриваются статистические данные, характеризующие динамику структуры советов, наличие в них соответствующих комитетов. Анализ проводится на соответствие современного состояния состава и структуры советов директоров российских компаний требованиям Кодекса корпоративного управления. Особое внимание уделяется данным характеристикам в непубличных компаниях. **Результаты.** Анализ позволил сделать выводы о соблюдении необходимых требований к составу и структуре советов директоров в российских компаниях. Но количественные и структурные характеристики данного института не являются достаточными для полноценного его функционала. Поэтому в статье даются рекомендации относительно количественного наполнения совета директоров, а также принципы формирования комитетов совета директоров исходя из необходимости решения тех или иных вопросов.

Ключевые слова: корпоративное управление, совет директоров, независимый директор.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-421-427>

Введение

Состав и структура совета директоров являются как количественными, так и качественными характеристиками не только самого совета директоров компании, но всей ее системы корпоративного управления. Данные характери-

стики берутся в рассмотрении рейтинговыми агентствами, формирующими рейтинг корпоративного управления, в частности Российским институтом директоров (РИД) при формировании национального рейтинга корпоративного управления (НРКУ). От наполнения совета директоров членами в соответствующем количестве и с определенными профессиональными и личностными компетенциями зависит эффективность выполнения советом предписанных корпоративными регуляторами функций. Так, в соответствии с п. 2.4.3. Кодекса корпоративного управления, независимые директора должны составлять не менее одной трети избранного совета директоров, хотя специалисты уже предполагают, что со временем их соотношение может увеличиться и до 50% [1, с. 44]. Но только в среднем 30% компаний выборки РИД соответствуют данному требованию.

Теоретический анализ

Необходимо отметить, что требования к составу и структуре совета директоров со стороны корпоративных регуляторов менялись стремительно. В начале 2000-х гг. понятие «независимый директор» для отечественного бизнес-сообщества было экзотикой, как и само понятие корпоративного управления. Кодекс корпоративного поведения, вышедший в 2002 г., был призван познакомить бизнесменов с существованием такой категории. А уже Кодекс 2014 г. потребовал наличия таких директоров в совете в объеме одной трети, и по прогнозам специалистов эта величина может достигнуть и 50% состава. Кроме того, необходимость в независимых директорах стали осуществлять сами компании. Так, в рамках проекта «Директор 360» международная сеть компаний «Делойт» провела опрос 317 председателей и членов совета директоров в 15 странах мира на тему эффективности работы советов. И 65% российских директоров ответили, что необходимо привлечь больше независимых директоров в совет, в том числе 26% ответили, что независимых директоров требуется значительно больше [2, с. 28].

И действительно, по оценкам РИД, динамика независимых директоров в российских компани-

ях имеет положительную тенденцию (табл. 1). Кроме того, в 2014 г. уже в 8% компаний совет директоров возглавляет независимый директор, а

в 4% организаций выбран старший независимый директор, рекомендованный Кодексом корпоративного управления [3, с. 59].

Таблица 1/ Table 1

Наличие в составе совета директоров независимых директоров, %
The presence of independent directors on the board of directors, %

Состав совета директоров	В целом по выборке			Компании, имеющие листинг		
	2014	2011	2008	2014	2011	2008
В состав совета директоров входит хотя бы один независимый директор, в том числе:	75	74	70	80	84	83
независимые директора составляют одну треть состава совета директоров и более*	27	35	38	33	42	53
независимые директора составляют менее одной трети состава совета директоров	48	39	32	47	42	30
В составе совета директоров нет независимых директоров	25	26	30	20	16	17

Примечание. * В соответствии с обновленной методикой с 2014 г. оценивается наличие в составе совета директоров не менее 1/3 независимых директоров, до 2014 г. – не менее 1/4.

Необходимость в присутствии независимых директоров в совете почувствовали даже собственники непубличных компаний. Оказалось, что такие компании, контролируемые в основном

одним собственником, активно внедряют разнообразные элементы лучшей практики корпоративного управления, в частности, независимых директоров (рис. 1) [4, с. 60].

Рис. 1. Состав совета директоров в непубличных компаниях в России
Fig. 1. Board of directors in non-public companies in Russia

Открытым остается вопрос о количественном составе совета директоров. В п. 3. ст. 66 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об акционерных обществах» определены минимальные размеры совета в зависимости от числа акционеров [5]. Но эти требования являются необходимыми, но не

достаточными, так как из 9 человек невозможно сформировать полноценную структуру совета, удовлетворяющую требованиям корпоративных регуляторов. Так, судя по исследованиям Odgers Berndtson, только в секторе «банки и финансы» имеется достаточное количество директоров (рис. 2) [6, с. 60].

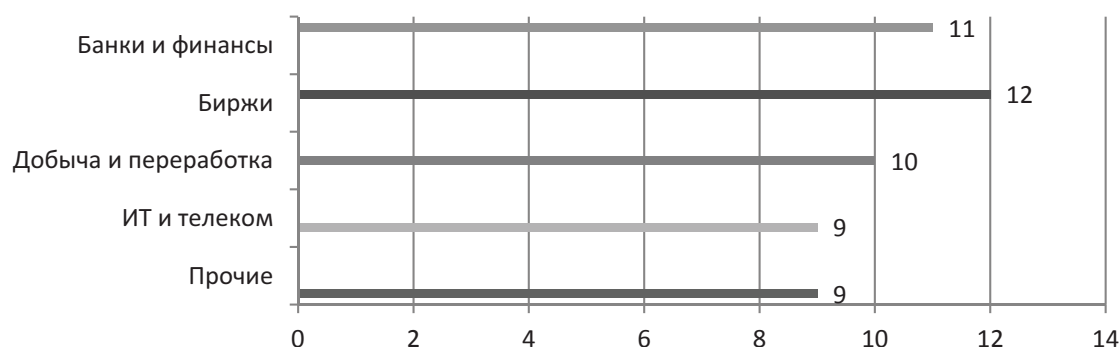

Рис. 2. Среднее число директоров

Fig. 2. Average number of directors

Что касается структуры комитетов в советах директоров, то она стала более разнообразной. Этому способствовало два обстоятельства:

- введение новых, более жестких требований к листингу акций компаний на Московской бирже;
- все большее понимание руководителей и собственников компаний того, как влияет качество корпоративного управления на конечную стоимость компании и инвестиционную привлекательность.

Анализ структуры советов в 22 ведущих публичных акционерных обществах (Газпром,

Роснефть, НОВАТЭК, Башнефть, Лукойл, Сбербанк, ВТБ, Норникель, Уралкалий, МТС, Мегафон, Полюсзолото, НЛМК, Русгидро, Магнит, Русал, Алроса, Северсталь, Фосагро, Интеррао, ФСК ЕС, Э.ОН) показал, что комитет по аудиту содержится во всех компаниях, комитет по кадрам и вознаграждениям – в 95%, а комитет по стратегиям создан в 15 компаниях. Кроме того, в зависимости от своей специфики организации образуют разнообразные комитеты в рамках советов директоров (табл. 2) [7, с. 62].

Таблица 2/ Table 2

Комитеты при советах директоров российских компаний, %
Committees under the boards of directors of Russian companies, %

Комитет	Доля компаний с соответствующим комитетом
По аудиту	100
По кадрам и вознаграждениям	95
По стратегии (стратегическому планированию)	68
По финансам	23
По рискам	9
По корпоративному поведению	14
По охране труда и промышленной безопасности, экологии	18
По корпоративной социальной ответственности	5
По инвестициям	9
По надежности, энергоэффективности и инновациям (Русгидро)	5
По экспертизе проектов (Башнефть)	5
Управляющий комитет по новому строительству (Э.ОН)	5
По надежности (Газпром)	5
Независимых директоров (МТС)	5

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, ни в одной из компаний не создан в совете директоров комитет по НИОКР, в отличие от иностранных корпораций. Так, например, комитет по науке, технологиям и устойчивому развитию

создан в Wal-Mart Stores, General Electric Company, Novartis AG и Johnson&Johnson. Основными функциями данного комитета являются: рассмотрение стратегии в области развития технологий в компании и результатов ее испол-

нения, рассмотрение вопросов приобретения новых технологий, патентов, предварительное согласование документов, регулирующих деятельность компании в области науки и технологии. Эту функцию в российских корпорациях

выполняет экспертный совет при президенте или правлении компании.

Заметим, что в непубличных компаниях также стали появляться комитеты в советах директоров, хотя доля их невелика (рис. 3) [4, с. 60].

Рис. 3. Комитеты совета директоров в непубличных компаниях

Fig. 3. Board committees in non-public companies

В современных условиях состав комитетов в российских компаниях оставляет желать лучшего. Мало того, что, по оценкам РИД, не во всех исследуемых компаниях присутствуют комитеты по аудиту и вознаграждениям (табл.

3) [3, с. 64], так лишь в половине их (в компаниях, имеющих листинг – 60 и 58%) в состав комитетов входят только независимые либо неисполнительные и независимые директора (табл. 4) [3, с. 65].

Таблица 3/Table 3

Наличие комитетов в составе совета директоров, %
Presence of committees in the board of directors, %

Структура совета директоров	В целом по выборке			Компании, имеющие листинг		
	2014	2011	2008	2014	2011	2008
В составе совета директоров создан комитет по аудиту	83	82	69	92	100	95
В составе совета директоров создан комитет по кадрам и вознаграждениям*	74	73	55	80	82	75

*В соответствии с п. 2.8.3 п.п. 185 в случае отсутствия возможности сформировать отдельный комитет по номинациям его функции могут быть переданы иному комитету совета директоров, например комитету по корпоративному управлению или комитету по вознаграждениям

Таблица 4/Table 4

Состав комитетов по аудиту и по кадрам и вознаграждениям, %
Composition of the Audit and Personnel and Remuneration Committees, %

В состав комитета входят только независимые либо неисполнительные и независимые директора	В целом по выборке			Компании, имеющие листинг		
	2014	2011	2008	2014	2011	2008
Комитет по аудиту	52	45	46	60	56	52
Комитет по кадрам и вознаграждениям	51	36	40	58	47	52

Результаты

При формировании состава совета директоров российским компаниям необходимо учитывать п. 2.5.1, 2.8.1, 2.8.2, 2.8.3, 2.8.4, 2.8.5, п.п. 197 и 201 Кодекса корпоративного управления [8]. В результате совет директоров должен включать не только необходимое, но и достаточное количество независимых директоров. Также следует учитывать, что, во-первых, независимые директора должны быть компетентны в вопросах, обсуждаемых в рамках комитетов, а, во-вторых, каждый комитет должен состоять не менее чем из трех членов совета, и что компания должна определить максимальное число комитетов, в работе которых может принимать участие член совета директоров.

По мнению специалистов, идеальный размер совета директоров – не более 10 человек, а точнее, 8–9 человек [9, с. 62]. Но если совет директоров состоит из 10 человек, из которых четверо являются независимыми для удовлетворения п. 2.4.3 Кодекса, то они должны обладать большим объемом компетенций, чтобы формировать комитеты по аудиту и вознаграждениям и частично – комитет по номинациям. Кроме того, каждый из них должен возглавлять и дополнительные комитеты, предусмотренные п. 2.8.4. Таким образом, нагрузка на независимых директоров в таком количественном составе и при условии учета всех рекомендаций Кодекса становится неимоверно высокой. Поэтому,

следуя западным практикам, можно увеличить количество независимых директоров в совете и ограничить количество инсайдеров до трех.

С одной стороны, большие советы директоров позволяют лучше распределить нагрузку между его членами и сконцентрировать директоров на решении определенных вопросов. С другой стороны, может не удастся вовлечь в содержательную работу каждого директора, что повлечет снижение их ответственности.

При формировании структуры совета можно воспользоваться практикой европейских компаний, в большинстве которых состав совета, исходя из результатов исследования Heidrick & Struggles, превосходит 10 человек, а в Германии достигает в среднем 17 человек [10, с. 5].

Проектирование структуры совета директоров с точки зрения его комитетов необходимо осуществлять с позиции как требования бирж, так и реальной необходимости компании рассматривать те или иные вопросы более подробно в процессе сессий совета директоров. Работа каждого комитета должна быть реальной и положительно отражаться как на качестве корпоративного управления, так и на инвестиционной привлекательности компании.

Для построения оптимальной структуры совета директоров с точки зрения комитетов можно воспользоваться рекомендациями О. А. Жукова для распределения вопросов, решаемых советом директоров, по следующим комитетам (табл. 5) [7, с. 66].

Таблица 5/Table 5

Необходимые комитеты в совете директоров
The required committees on the board of directors

Комитет	Компетенции комитета
Комитет по аудиту и рискам	Аудит, риск-менеджмент и страхование
Комитет по назначениям (кадрам) и вознаграждениям	Персонал, KPI, корпоративные мероприятия и программы
Комитет по корпоративному управлению	Корпоративное управление, GR, IR, PR
Комитет по охране труда, промышленной безопасности и социальной ответственности	Охрана труда, промышленная безопасность, благотворительность и социальная ответственность
Комитет по финансам и бюджету	Финансы и бюджетирование
Комитет по стратегии	Разработка стратегии, НИОКР

Необходимо заметить, что состав вопросов для каждой из компаний может варьироваться, так как этот набор определяется спецификой бизнеса, отраслевой спецификой, уровнем корпоративного управления в компании. Исходя из необходимых проблем, компании могут определять, какие комитеты им необходимо создать

в рамках совета директоров. Самое главное в формировании комитетов – это их реальная работа на очных заседаниях, эффективные заседания и нужные практические рекомендации для совета директоров с целью принятия правильного и продуманного решения уже на его заседании.

Список литературы

1. Розанов И. Е. Независимый директор // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2014. № 7. С. 44–49.
2. Швырков О. Г. Тенденции и проблемы в работе советов директоров российских и зарубежных компаний // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2014. № 12. С. 28–40.
3. Исследование практики корпоративного управления в России : сравнительный анализ по итогам 2004–2014 гг. URL: http://rid.ru/wp-content/uploads/2016/05/2015_И-РИД-2004-2014-итог.pdf (дата обращения: 05.02.2018).
4. Вербицкий В. К. Корпоративное управление в средних российских непубличных компаниях : иное корпоративное управление // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2016. № 12. С. 56–64.
5. Об акционерных обществах : федер. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 07.03.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Ракитин А. А., Зондриков Е. И., Каменский А. М. Практика вознаграждения членов совета директоров в России и за рубежом в 2015 году // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2016. № 4. С. 58–68.
7. Жуков О. А. Практика распределения компетенции комитетов при совете директоров компании // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2015. № 4. С. 60–67.
8. Письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Беликов И. В., Родионов И. И. Направления оценки работы совета директоров с учетом лучшей мировой практики // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2013. № 6. С. 60–65.
10. Швырков О. Г. Корпоративное управление как инструмент роста инвестиционной привлекательности компаний // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2013. № 10. С. 4–9.

Образец для цитирования:

Леванова Л. Н. Совершенствование состава и структуры совета директоров в российских корпорациях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 421–427. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-421-427>

Improvement of the Composition and Structure of the Board of Directors in Russian Corporations

L. N. Levanova

Lidiya N. Levanova, <https://orcid.org/0000-0001-9736-3083>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, levanova1@mail.ru

Introduction. For a long time, the board of directors of Russian corporations had a formal character, manifested in weak interpersonal relations between council members and in a formal approach to performing functions prescribed by Russian law and the Corporate Governance Code. The cause of formalism was the merging of property and management in Russian business, namely, the formation of a model of insider capitalism, as well as the general misunderstanding by the owners of the functional of the board of directors. These processes affected the formation of boards of directors from representatives of majority shareholders and government officials, which does not meet the requirements of the International best practices of corporate governance. The need for effective management, as well as the processes for companies to enter the international market, have become factors in the activation of boards of directors. **Theoretical analysis.** In the course of the article, the composition and structure of the boards of directors of domestic companies are analyzed in the dynamics. An analysis is carried out for the presence of independent directors in the boards, their share ratio. The statistical data characterizing the dynamics of the structure of the soviets are also considered: the presence

of appropriate committees in them. The analysis is conducted on the correspondence of the current state of the composition and structure of the boards of directors of Russian companies to the requirements of the Corporate Governance Code. Special attention is paid to these characteristics in non-public companies. **Results.** The analysis made it possible to draw conclusions about compliance with the necessary requirements for the composition and structure of boards of directors in Russian companies. But the quantitative and structural characteristics of this institution are not sufficient for its full functional. Therefore, the article provides recommendations on the quantitative content of the board of directors, as well as the principles for the formation of committees of the board of directors, based on the need to address certain issues.

Key words: corporate governance, board of directors, independent director.

References

1. Rozanov I. E. Independent Director. *Aksionernoe obshchestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2014, no. 7, pp. 44–49 (in Russian).
2. Shvyrkov O. G. Tendencies and problems in the work of the Boards of Directors of Russian and foreign companies. *Aksionernoe obshchestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2014, no.12, pp. 28–40 (in Russian).
3. Issledovanie praktiki korporativnogo upravleniya v Rossii: sravnitel'nyi analiz po itogam 2004–2014 gg.

- (Corporate Governance Practices in Russia: Comparative Analysis for the results of 2004–2014). Available at: http://rid.ru/wp-content/uploads/2016/05/2015_ИРИД-2004-2014-итог.pdf (accessed 5 February 2018) (in Russian).
4. Verbickij V. K. Corporate governance in medium-sized Russian non-public companies: other corporate governance. *Aksionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2016, no. 12, pp. 56–64 (in Russian).
 5. On Joint Stock Companies. Federal Law of 26.12.1995 no. 208-FZ (an edition of 07.03.2018). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 6. Rakitin A. A. Zondrikov E. I. Kamenskij A. M. The practice of remuneration of members of the board of directors in Russia and abroad in 2015. *Aksionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2016, no. 4, pp. 58–68 (in Russian).
 7. Zhukov O. A. The practice of distributing the competence of committees under the company's board of directors. *Aksionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2015, no. 4, pp. 60–67 (in Russian).
 8. Letter of the Bank of Russia of April 10, 2014 no. 06-52/2463. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 9. Belikov I. V., Rodionov I. I. Directions for evaluating the work of the Board of Directors taking into account the best world practice. *Aksionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2013, no. 6, pp. 60–65 (in Russian).
 10. Shvyrkov O. G. Corporate governance as a tool for increasing the investment attractiveness of companies. *Aksionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniia* [Joint stock company: corporate governance issues], 2013, no. 10, pp. 4–9 (in Russian).

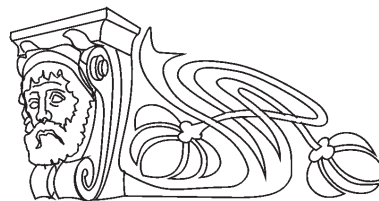
Cite this article as:

Levanova L. N. Improvement of the Composition and Structure of the Board of Directors in Russian Corporations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 421–427 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-421-427>

УДК 336.22(470.44)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПОСТУПЛЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ

М. В. Голубниченко

Голубниченко Мария Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mvl04@mail.ru

Введение. Планирование налоговых поступлений в бюджеты всех уровней необходимо для эффективного управления экономикой страны. Для рационального планирования поступлений в бюджет субъекта РФ важно определить налоговый потенциал региона. **Теоретический анализ.** Доходы региональных бюджетов складываются из налоговых и неналоговых поступлений. В структуре доходов бюджета Саратовской области на протяжении последних пяти лет преобладают налоговые доходы, в которых основную долю составляют налог на доходы физических лиц, налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций, акцизы, единый налог, взимаемый при упрощенной системе налогообложения. На основе анализа формирования налоговых доходов Саратовской области возможен расчет налогового потенциала региона. Данный показатель отражает совокупный объем налогооблагаемых ресурсов региона и важен при планировании доходной части бюджета, особенно безвозмездных поступлений. **Эмпирический анализ.** Для получения обоснованного показателя налогового потенциала Саратовской области произведен расчет его значения за 2013–2017 гг. методом фактических поступлений и методом репрезентативной налоговой системы. Результаты расчета различными методами отличаются между собой незначительно. Налоговый потенциал в области используется в максимальном объеме. При этом снижение задолженности по налогам и уменьшение региональных льгот содействуют росту уровня налогового потенциала. **Результаты.** С учетом имеющейся информационной базы оптимальными для расчета налогового потенциала Саратовской области являются метод фактических поступлений и метод репрезентативной налоговой системы. Увеличение объема поступающих налогов и сборов в бюджет региона возможно за счет расширения перечня налогов, закрепленных за регионами и муниципальными образованиями.

Ключевые слова: налоговое планирование, налоговый потенциал, региональный бюджет.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-428-434>

Введение

Для поддержания экономической стабильности и роста основных экономических показателей страны и регионов в частности необходима система планирования налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. Без планирования невозможно эффективное управление национальной экономикой, а также ее отдельными субъектами.

Налоговые и финансовые органы в пределах своих полномочий проводят планирование налоговых поступлений в региональную бюджетную систему. При этом достоверность прогноза влияет на финансирование приоритетных программ социально-экономического развития. Налоговое планирование дает возможность реализовывать принципы стабильности налоговой системы.

При разработке налоговой и бюджетной региональной политики на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды большое значение имеет налоговое планирование доходной части бюджета, которую нельзя определить без анализа налогового потенциала региона. Этот показатель применяется при расчете размера предоставляемых дотаций, субсидий из федерального бюджета в бюджет субъекта Российской Федерации, при формировании механизма управления налоговыми ресурсами.

Теоретический анализ

Региональные бюджеты находятся на втором уровне иерархической бюджетной системы. Они имеют самостоятельные источники формирования доходов, направления расходования средств, также получают помощь из федерального бюджета и сами оказывают финансовое содействие местным бюджетам.

Доходная часть региональных бюджетов формируется из налоговых и неналоговых доходов. В соответствии со ст. 56 Бюджетного кодекса РФ [1], к налогам, зачисляемым в областной бюджет и бюджеты муниципальных образований, находящихся на территории региона, относятся следующие налоги в полном или частичном объеме:

- налог на имущество организаций;
- налог на игорный бизнес;
- транспортный налог;
- налог на прибыль организаций по ставке, установленной для зачисления указанного налога в бюджеты субъектов Российской Федерации;
- налог на доходы физических лиц;
- акцизы;
- налог на добычу полезных ископаемых;
- сбор за пользование объектами водных биологических ресурсов;

- сбор за пользование объектами животного мира;
- налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения;
- государственная пошлина.

В структуре доходов бюджета Саратовской

области наблюдается совсем незначительная динамика за последние 5 лет (рис. 1), и преобладают налоговые доходы, которые, например, в 2017 г. составили 70,6%, при этом доля безвозмездных поступлений – 27,6%, а неналоговых доходов – 1,8%.

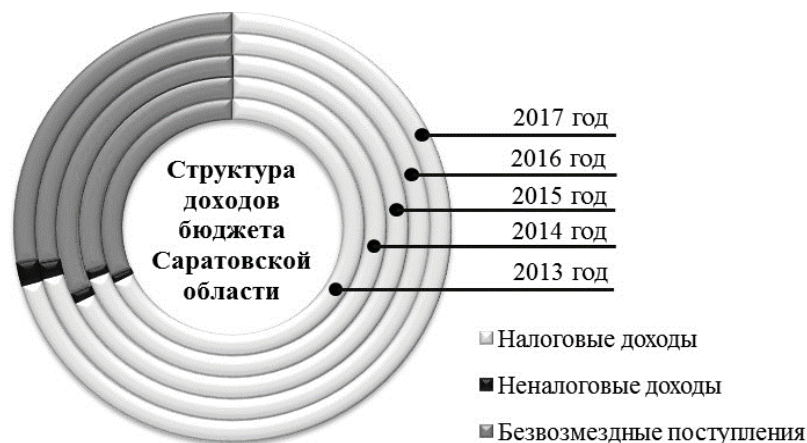

Рис. 1. Динамика и структура доходов бюджета Саратовской области за 2013–2017 гг., % (сост. по: [2])

Fig. 1. Dynamics and structure of revenues of the Saratov region budget for 2013–2017, % (compiled on: [2])

Анализируя виды налоговых поступлений в разрезе видов экономической деятельности, можно отметить, что наибольшую долю налоговых поступлений в областной бюджет составили в 2017 г. отрасли обрабатывающей промышленности, оптовая и розничная торговля, операции с недвижимостью, производство и распространение электроэнергии, газа, воды. К бюджетообразующим налоговым доходам Саратовской области относятся налог на доходы физических лиц (НДФЛ), налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций, акцизы, единый налог, взимаемый при применении упрощенной системы налогообложения (рис. 2). То есть основную часть поступлений составляют прямые налоги, из косвенных налогов в бюджет региона зачисляются только акцизы [3, с. 531].

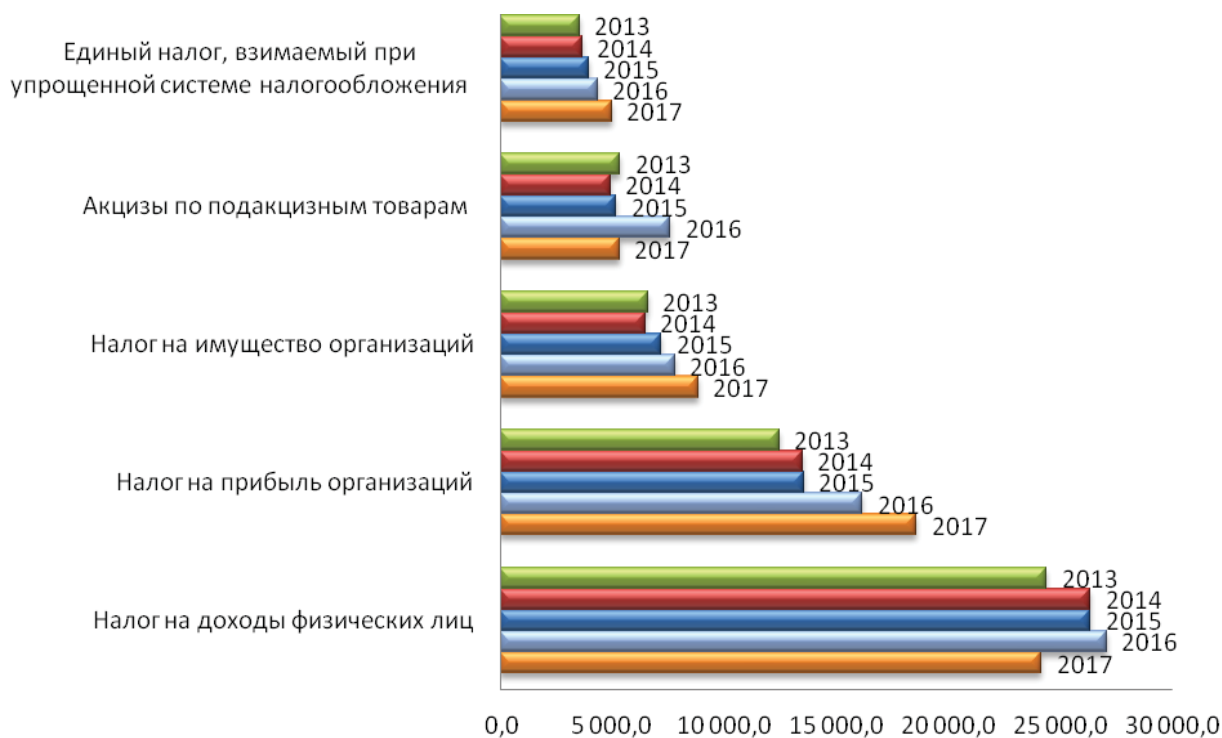
На основе анализа формирования налоговых доходов бюджета Саратовской области возможен расчет налогового потенциала региона. Этот показатель важен при планировании доходной части бюджета, особенно безвозмездных поступлений, а также для формирования механизма управления налоговыми ресурсами.

Налоговый потенциал является сложным показателем, формирующимся под воздействием многих факторов: географических, экономических, социально-демографических, политических, финансовых и др.

В экономической литературе существует много определений этой категории. Так, В. Г. Пансков рассматривает налоговый потенциал как «максимально возможную сумму налоговых поступлений на определенной территории за определенный промежуток времени в условиях действующего налогового законодательства» [4, с. 67]. В. А. Шабашев и Т. Т. Маликайдаров определяют эту экономическую категорию как «оптимальную величину налоговых поступлений в бюджет на определенной территории, действующей в заданном правовом и экономическом поле, при максимально эффективном использовании всех имеющихся ресурсов данной территории в условиях существующей системы налогообложения» [5, с. 286].

Налоговый потенциал региона «в широком смысле» можно рассматривать как совокупный объем налогооблагаемых ресурсов региона, «в узком смысле» – как максимально возможную сумму поступлений налогов, сборов в региональный бюджет за заданный отрезок времени.

Методы расчета налогового потенциала основаны на фактически собранных налоговых поступлениях за отчетный период, имеющихся налоговых ресурсах, построении репрезентативной налоговой системы, валовом региональном продукте, среднедушевых доходах населения (табл. 1).

	Налог на доходы физических лиц	Налог на прибыль организаций	Налог на имущество организаций	Акцизы по подакцизным товарам	Единый налог, взимаемый при упрощенной системе налогообложения
■ 2013	24 381,2	12 456,0	6 586,0	5 354,6	3 543,1
■ 2014	26 334,0	13 486,1	6 465,3	4 928,0	3 678,3
■ 2015	26 352,8	13 537,2	7 203,0	5 177,2	3 960,9
■ 2016	27 053,1	16 177,0	7 804,5	7 605,6	4 357,8
■ 2017	24 152,4	18 591,6	8 841,0	5 341,9	4 984,1

Рис. 2. Основные бюджетообразующие налоговые доходы Саратовской области за 2013–2017 гг., млн руб. (сост. по: [6])
 Fig. 2. The main budget-forming tax revenues of the Saratov region for 2013–2017, million rubles (compiled on: [6])

Таблица 1/ Table 1

Методы расчета налогового потенциала региона
Methods of calculating the region tax potential

Группа методов	Методы
Методы, базирующиеся на показателях экономического дохода	На базе показателя валового регионального продукта
	На базе показателя среднедушевых доходов
	На базе показателя совокупных налоговых ресурсов
Методы, основанные на показателях налоговых баз	На основе прямого счета
	На основе построения репрезентативной налоговой системы
Методы, базирующиеся на данных фактических налоговых поступлениях и их корректировке	На основе фактических налоговых поступлений
	На основе корректировки фактических налоговых поступлений

Среди актуальных методов в настоящее время можно выделить:

- метод на основе фактических налоговых поступлений;
- метод прямого счета;
- метод репрезентативной налоговой системы.

Эмпирический анализ

Чтобы получить обоснованный показатель налогового потенциала Саратовской области, рассчитаем и сопоставим его значения различными методами.

Доступным и простым является метод, основанный на фактических поступлениях. Налоговый потенциал рассчитывается следующим образом:

$$\text{НПР} = \Phi + З + Л,$$

где НПР – налоговый потенциал региона; Φ – сумма фактического поступления налогов; $З$ – прирост задолженности по налогам за отчетный период; $Л$ – сумма налога, приходящаяся на региональные льготы.

По результатам расчета налогового потенциала Саратовской области методом фактических поступлений, видно, что налоговый потенциал в области используется в максимальном объеме (табл. 2). За последние 5 лет сумма поступления налогов увеличивалась, при этом в 2015–2016 гг. – за счет уменьшения налоговой задолженности, а в 2016–2017 гг. – благодаря снижению региональных льгот. Анализ позволяет сделать вывод о том, что снижение задолженности по налогам и уменьшение региональных льгот способствуют увеличению уровня налогового потенциала.

Таблица 2/Table 2

Результаты расчета налогового потенциала Саратовской области фактическим методом, млн руб.
Results of the tax potential calculation of the Saratov region by the actual method, million rubles

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Сумма фактического поступления налогов	52 695,1	61 601,4	64 507,0	71 383,9	76 685,4
Прирост задолженности по налогам за отчетный период	160,3	499,1	312,8	266,9	569,5
Сумма налога, приходящаяся на региональные льготы	2021,9	2087,4	2200,2	2580,1	1371,2
Налоговый потенциал	54 877,3	64 187,9	67 020,0	73 697,1	78 626,1

Расчет налогового потенциала данным методом не позволяет оценить перспективы региона, так как основан на фактических данных. Для сравнения проведем расчет налогового потенциала Саратовской области методом репрезентативной налоговой системы (РНС). Налоговый потенциал рассчитывается следующим образом:

$$\text{НПР} = \text{ПД}_i * K,$$

где ПД_i – суммарные исчисленные доходы по i -му налогу в региональный бюджет; K – коэффициент собираемости i -го налога по региону.

В методе РНС необходимо рассчитать налоговый потенциал по каждому налогу:

$$\text{НП} = \text{НБ}_i * \text{РС}_i * K,$$

где НП – налоговый потенциал i -го налога; НБ_i – налоговая база i -го налога в исследуемом периоде; РС_i – средняя репрезентативная ставка i -го налога.

Репрезентативная налоговая ставка рассчитывается следующим образом:

$$\text{РС}_i = \text{ПД}_i / \text{НБ}_i.$$

Данный метод позволяет оценить налоговый потенциал по каждому налогу, зачисляемому в региональный бюджет.

В Саратовской области наибольшую долю налоговых доходов в региональном бюджете составляют НДФЛ (33,8% в 2017 г.) и налог на прибыль организаций (30,5% в 2017 г.) (рис. 3), поэтому этим налогам и будет соответствовать максимальный налоговый потенциал. Кроме того, достаточно высока доля налоговых доходов по налогу на имущество организаций, акцизам, налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения.

Результаты расчета налогового потенциала по каждому виду налога, зачисляемого в региональный бюджет, и по Саратовской области в целом методом репрезентативной ставки представлены в табл. 3.

Рис. 3. Структура налоговых и неналоговых доходов бюджета Саратовской области в 2017 г. (сост. по: [2])

Fig. 3. The structure of tax and non-tax revenues of the budget of the Saratov region in 2017 (compiled on: [2])

Таблица 3/Table 3

Результаты расчета налогового потенциала Саратовской области методом репрезентативной налоговой системы, млн руб.
Results of the tax potential calculation of the Saratov region by the method of representative tax system, million rubles

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Налог на доходы физических лиц	24 640,38	26 997,41	27 680,16	27 053,09	28 196,64
Налог на прибыль организаций	18 589,60	17 505,50	18 450,50	16 176,98	16 500,22
Налог на имущество организаций	6586,01	7670,27	7493,78	7804,48	8993,95
Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения	3587,74	3704,89	4054,73	4357,77	4599,57
Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории Российской Федерации	2509,12	3210,14	3436,11	7605,59	5365,76
Земельный налог	2101,14	1640,13	1631,29	1336,73	1427,86
Транспортный налог	725,29	838,25	989,64	2155,06	2208,71
Налог на имущество физических лиц	556,48	575,27	692,40	815,25	831,55
Государственная пошлина	282,40	313,37	524,38	543,88	586,93
Налог на добычу полезных ископаемых	54,65	57,99	53,55	58,55	56,97
Налог на игорный бизнес	6,59	6,91	5,93	6,23	6,38
Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов	1,23	1,42	1,87	1,20	1,84
Налоговый потенциал	61 653,62	64 535,57	67 029,34	69 930,83	71 793,38

Несмотря на трудоемкость расчета, данный метод позволяет наиболее объективно оценить налоговый потенциал региона.

Результаты расчета налогового потенциала

Саратовской области фактическим методом, методом РНС отличаются между собой и от суммы фактического поступления налогов в региональный бюджет незначительно (табл. 4).

Таблица 4/Table 4

**Сравнение результатов расчета налогового потенциала Саратовской области различными методами, млн руб.
Comparison of the results of the tax potential calculation of the Saratov region by different methods, million rubles**

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Сумма фактического поступления налогов	52 695,1	61 601,4	64 507,0	71 383,9	76 685,4
Налоговый потенциал, рассчитанный фактическим методом	54 877,3	64 187,9	67 020,0	73 697,1	78 626,1
Налоговый потенциал, рассчитанный методом РНС	61 653,62	64 535,57	67 029,34	69 930,83	71 793,38

Данные методы являются наиболее оптимальными для расчета налогового потенциала региона.

Результаты

Налоговый климат влияет на экономическую стабильность страны и регионов. В связи с этим важно осуществлять налоговое планирование с целью привлечения максимального объема налогов и сборов в бюджет региона.

Налоговое планирование на уровне субъекта государства – достаточно сложный процесс, так как экономическая деятельность регионов представлена определенными социально-демографическими, природно-климатическими условиями, различными отраслями экономики.

К задачам регионального налогового планирования можно отнести:

- расчет и анализ налогового потенциала;
- отслеживание динамики налоговых поступлений за несколько периодов;
- определение уровня собираемости налогов и сборов;
- оценку результатов изменений в налоговом законодательстве.

Значение показателя «налоговый потенциал» проявляется в следующем:

- 1) применение при расчете размера предоставляемых дотаций, субсидий из федерального бюджета в региональный бюджет;
- 2) формирование механизма управления налоговыми ресурсами.

Формирование налогового потенциала необходимо рассматривать с позиции региона, поскольку этот показатель зависит от экономической структуры, обеспеченности налогооблагаемыми ресурсами субъекта Федерации. При этом он находится в постоянной динамике.

Для рационального налогового планирования на уровне субъекта государства необходимо

формирование налоговой политики с ориентацией на повышение показателя налогового потенциала регионов. Достижение этой цели возможно путем увеличения налоговых поступлений в региональные бюджеты за счет расширения перечня налогов, закрепленных за регионами и муниципальными образованиями.

Несмотря на существующие методы оценки налогового потенциала, сложно говорить об эффективном использовании имеющихся данных о налоговом потенциале в связи со стремлением многих налогоплательщиков уклониться от уплаты налогов.

В заключение можно сделать вывод о том, что в настоящее время с учетом имеющейся информационной базы фактический метод и метод репрезентативной налоговой системы являются наиболее оптимальными для расчета и анализа налогового потенциала Саратовской области.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 03.08.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Открытый бюджет Саратовской области. URL: <http://infmon.saratov.gov.ru> (дата обращения: 20.04.2018).
3. Каримова Э. Р., Жверанцева М. С., Голубниченко М. В. К вопросу о гармонизации систем косвенного налогообложения в евразийском экономическом сообществе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, вып. 4, ч. 1. С. 527–532.
4. Пансков В. Г. Налоги и налогообложение в Российской Федерации : учебник для вузов. 7-е изд., доп. и перераб. М. : МЦФЭР, 2006. 592 с.
5. Шабашев В. А., Маликайдаров Т. Т. Понятие налогового потенциала региона и проблемы его развития // Вестн. КемГУ. 2015. Т. 3, № 4 (64). С. 284–290.
6. Федеральная налоговая служба : [сайт]. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 21.04.2018).

Образец для цитирования:

Голубниченко М. В. Определение налогового потенциала Саратовской области для рационального планирования поступлений в региональный бюджет // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 428–434. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-428-434>

Definition of Tax Potential of the Saratov Region for Income Effective Planning of the Regional Budget

M. V. Golubnichenko

Maria V. Golubnichenko, <https://orcid.org/0000-0001-9191-0859>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, mvl04@mail.ru

Introduction. Planning of tax revenues of all levels of budget is necessary for effective management of the country's economy. The essence of planning tax revenues is to assess the allowable revenue, which will be sufficient to meet the economic objectives of the region. For rational planning of revenues to the budget of the Russian Federation it is important to determine the tax potential of the region. **Theoretical analysis.** The regional budget revenues consist of tax and non-tax revenues. Incomes of the Saratov region budget structure for the last five years are dominated by tax revenues, which account for the bulk of the tax on income of private persons, tax on profit of organizations, tax on property of organizations, excise tax, unified tax payable under the simplified system of taxation. Based on the analysis of the formation of tax revenues of the Saratov region, it is possible to calculate the tax potential of the region. This indicator which reflects the total amount of taxable resources in the region is important in planning the revenue side of the budget, especially gratuitous revenues. **Empirical analysis.** To obtain a reasonable indicator of the tax potential of the Saratov region, its value for 2013–2017 was calculated by the method of actual revenues and the method of representative tax system. The results of the calculation by different methods differ slightly. The tax potential in the region is used to the maximum extent. At the same time, the reduction of tax arrears and regional benefits contribute to the growth of the level of tax potential. **Results.** Taking

into account the available information base, the best methods for calculating the tax potential of the Saratov region are the method of actual revenues and the method of representative tax system. The increase in the volume of incoming taxes and fees to the budget of the region is possible due to the expansion of the list of taxes assigned to the regions and municipalities.

Key words: tax planning, tax potential, regional budget.

References

1. The Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 no. 145-FZ (an edition of 03.08.2018). *АТФ «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
2. Otkrytyj byudzheth Saratovskoj oblasti (The open budget of Saratov region). Available at: <http://infinmon.saratov.gov.ru> (accessed 20 April 2018) (in Russian).
3. Karimova E. R., Zhverantseva M. S., Golubnichenko M. V. About the Harmonization of Indirect Taxation in the Eurasian Economic Community. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2013, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 527–532 (in Russian).
4. Panskov V. G. *Nalogi i nalogooblozhenie v Rossiiskoi Federatsii* [Taxes and taxation in the Russian Federation. Textbook]. Moscow, MCFEHR, 2006. 592 p. (in Russian).
5. Shabashev V. A., Malikaidarov T. T. The Concept of Tax Potential of the Region and the Problems of its Development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, vol. 3, no. 4 (64), pp. 284–290 (in Russian).
6. Federalnaya nalogovaya sluzhba (The Federal Tax Service). Available at: <http://www.nalog.ru> (accessed 21 April 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Golubnichenko M. V. Definition of Tax Potential of Saratov Region for Income Effective Planning to the Regional Budget. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 428–434 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-428-434>

УДК 330

ОСОБЕННОСТИ КРАУДФИНАНСОВ В ФИНАНСИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

А. А. Фирсова

Фирсова Анна Александровна, доктор экономических наук, заведующая кафедрой банковского дела, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, a.firsova@rambler.ru

Введение. Недостаточное финансирование инновационных проектов в России акцентирует внимание исследователей на изучении новых механизмов инвестирования и источников финансирования инновационной деятельности и обуславливает актуальность определения перспектив развития индустрии финансирования инновационных проектов, одним из сегментов которой являются краудфинансы, набирающие экспоненциальный темп роста. **Теоретический анализ.** Специфика краудфинансов как инструмента финансирования инноваций рассмотрена с точки зрения краудфинансов как финансового, маркетингового, технологического и институционального феноменов. **Эмпирический анализ.** Проведен анализ структуры экосистемы краудфинансов в России и дана характеристика сегментов краудфандинга, краудлендинга и краудинвестинга. Также представлены ключевые характеристики развития краудфинансов как механизмов финансирования инновационных проектов. **Результаты.** В статье разработаны направления решения задач развития рынка краудфинансов для привлечения финансирования инновационных проектов. Для развития новых перспективных каналов долгосрочного частного финансирования инновационных проектов с использованием краудфинансов необходимы снижение рисков и создание государством институциональных условий формирования рынка краудфинансов.

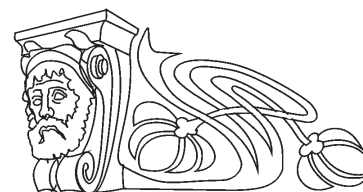
Ключевые слова: инновационные проекты, краудфинансы, краудфандинг, краудинвестинг, краудлендинг, краудфандинговые площадки.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-435-441>

Введение

При реализации инновационных проектов инновационные предприятия сталкиваются с высоким уровнем риска и острой нехваткой собственных средств и недоступностью внешних финансовых ресурсов [1]. В структуре источников внутренних затрат на научные исследования и разработки Российской Федерации в 2015 г. 67,5% составляли средства государственного бюджета, собственные средства предприятий – 12%, а средства предпринимательского сектора – 16% [2].

Таким образом, недостаточное финансирование инновационных проектов в России акцентирует внимание исследователей на изучении феномена новых механизмов инвестирования и источников финансирования инновационной деятельности. Особую актуальность приобретают

анализ современных форм, методов и способов финансирования инновационных предприятий и определение доминирующих трендов и перспектив индустрии финансирования инновационных проектов, одним из сегментов которой являются краудфинансы, набирающие сегодня экспоненциальный темп роста.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к данной форме финансирования в отечественной литературе, проводится анализ тенденций развития краудфинансов как механизма финансирования различных проектов, но проблематика комплексных рекомендаций по использованию краудфандинга в качестве источника финансирования инновационных проектов остается неразработанной. Эти аспекты обуславливают актуальность данного исследования и оставляют простор для научной дискуссии по тематике направлений развития краудфинансов как инструмента аккумуляции и использования инвестиционных ресурсов для финансирования инновационных проектов.

Теоретический анализ

Применение финансовой модели народного финансирования памятников, музеев и храмов по всему миру исторически известно давно.

Появление и стремительный рост краудфинансов как принципиально новой модели коллективного финансирования проектов в различных сферах экономической деятельности стало возможным благодаря широкому развитию информационных технологий, Интернета, появлению технологий сбора, обработки и анализа информации, систем мгновенных финансовых переводов и социальных сообществ и сетей.

Термин «краудсорсинг» впервые использует в 2006 г. Дж. Хау (Jeff Howe) в связи с трансформацией народного финансирования проектов различной направленности в финансовый инструмент, работающий посредством коллективного сотрудничества через инвестирование экономических субъектов (онлайн-инвесторов, преимущественно физических лиц), добровольно объединивших ресурсы в целях финансирования проектов на краудфандинговой платформе, организованной в Интернете с помощью информационных технологий [3].

Взросление индустрии краудфинансов привело к расширению состава инициаторов, изменению масштабов и диверсификации сфер проектов и доноров (бейкеров), к участию в отрасли квалифицированных профессиональных инвесторов, переходу от схем кредитования частных лиц к кредитованию физическими лицами бизнес-проектов фирм-стартапов, к возможностям выхода на ICO (Initial coin offering) (так называемый краудфандинг 2.0) и перспективам функционирования полноценного института финансирования проектов, обуславливая необходимость создания институциональных условий развития этого механизма и специального законодательства во всех странах.

Краудфинансы как финансовый феномен – это технология организации коллективного инвестирования физическими лицами различных проектов.

Краудфинансы как маркетинговый феномен – это принципиально новый способ формирования спроса и рынка сбыта и продвижения инновационных проектов по модели предзаказа на продукцию.

Краудфинансы как технологический и институциональный феномен – это результат развития тенденций сервисизации, цифровизации и финансизации, проникновения технологий финтеха во все сферы современной информационной экономики.

Краудфинансы как социальный феномен – это, по мнению философов и социологов, реализация стремлений человека к солидарности, установлению гражданских связей, причастности к реализации проекта, самозначимости и осознания себя как инвестора [4].

Специфика краудфинансов как инструмента финансирования инноваций заключается в следующем:

– отсутствие традиционных финансовых посредников приводит к прямому сотрудничеству при привлечении денежных средств от инвесторов к реципиентам, снижая транзакционные издержки процесса и приводя к более высокой доходности по сравнению с традиционными инструментами инвестирования;

– устранение физического присутствия инвестора, стирание географической аллокации и возможность участия неограниченного количества инвесторов со всего мира позволяет компании в случае успешного финансирования выходить на новые рынки;

– использование социальных сетей трансформирует накопленный ими социальный капитал в финансовый капитал;

– использование информации краудфандинговых платформ для принятия решений по стратегическому развитию бизнеса приводит к новому способу вывода продукта на рынок, трансформирующему систему: «идея – производство – маркетинг» в «идея – маркетинг – производство».

Эмпирический анализ

Крупнейшими участниками мирового рынка краудфинансов являются США, Великобритания, Китай, в Европе и странах СНГ он только набирает обороты. По всему миру отмечается увеличение количества финансовых платформ, повышается качество предоставляемых услуг, снижается комиссия, которая является основным источником дохода платформы.

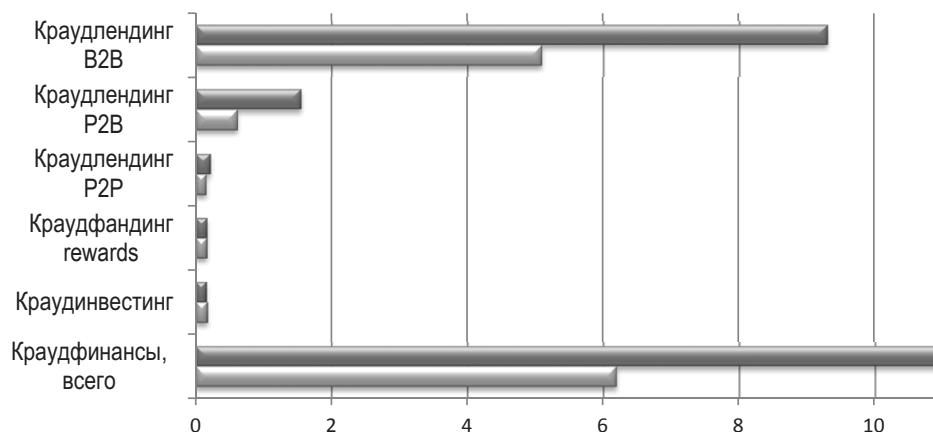
Одной из самых известных и крупных краудфандинговых платформ в мире является Kickstarter, которая возникла в США в 2009 г. В 2010 г. оборот рынка краудфандинга составлял 880 млн долл., в 2014 г. – 16 млрд, а в 2015 г. – 34 млрд долл. По оценкам Всемирного банка, капитализация краудфинансовой индустрии к 2020 г. достигнет 90 млрд долл., продемонстрировав стремительный рост за 10 лет. Для сравнения, венчурная индустрия аккумулирует примерно по 30 млрд долл. в год.

В мире существует около 1250 краудсорсинговых платформ, половина рынка краудфинансов в объеме 17,2 млрд долл. приходится на рынки Северной Америки, 10,5 млрд долл. – на рынки Азии и 6,4 млрд долл. – на рынки Европы [5].

На территории РФ зарегистрировано не менее 20 краудфандинговых площадок, которые размещают проекты, связанные с культурной деятельностью: музыка, концерты, фильмы, мероприятия. Самые крупные – это Planeta.ru и Boomstarter, их суммарные сборы составляют более 340 млн руб. [6]. По прогнозу Банка России, через пять лет объем сделок на рынке краудфандинга вырастет до 1 трлн руб. в год.

Структура экосистемы краудфинансов в 2016–2017 гг. представлена в России следующими сегментами (рисунок).

Краудлендинг – это форма кредитования посредством предоставления физическими и юридическими лицами через интернет-площадки средств другим физическим и юридическим лицами для реализации проектов. Это самый крупный сегмент, он составляет около 65% рынка краудфинансов.

Сегменты рынка краудфинансов в РФ, 2016–2017 гг., млрд руб.

Crowdfinance market segments in the Russian Federation, 2016–2017, billion rubles

Существует два вида краудлендинга:

– потребительский краудлендинг P2P (Peer-to-Peer) – кредитование, в котором участвуют только физические лица;

– бизнес-краудлендинг P2B (Peer-to-Business) – кредитование физическими лицами, а также B2B (business to business) – кредитование юридическими лицами представителей бизнеса.

По мнению экспертов J’son & Partners Consulting, краудлендинг составлял в 2014 г. 66% рынка краудфинансов. Крупнейшие онлайн-платформы: ВДолг.Ру, Fingooro, Loanberry, Credberry, они предоставляют возможность инвесторам автоматически формировать инвестиционный портфель, что повышает инвестиционную привлекательность отрасли.

Средний объем выдаваемых кредитов на рынке краудлендинга составляет 10–20 тыс. руб., а средняя процентная ставка – 0,5–1,5% в день. Сумма заключенных сделок P2P (сделки по выдаче займов между физическими лицами) достигла 208,8 млн руб., средняя сумма одного договора займа составила 8915 руб. Количество заемщиков выросло на 129,1%, число заимодавцев сократилось на 34,9%. Средняя сумма займа сегмента P2B (предоставление физическим лицом займов юридическому лицу) составила около 900 тыс. руб., а индивидуальному предпринимателю – 300 тыс. руб. Доля просроченной задолженности в портфеле займов P2B сократилась с 8,7% в 2016 г. до 7,8% в 2017 г. В сегменте B2B (выдача займов юридическими лицами или ИП предпринимателям и компаниям) в 2016 г. было заключено 9442 договора [7].

Следующий сегмент рынка краудфинансов – сегмент краудфандинга – это пожертвования (безвозмездные) либо сбор средств за

минимальное вознаграждение, или, например, за экземпляр профинансированного продукта в подарок, сувенир, приглашение на мероприятие. Он составляет около 26% краудфинансов.

В краудфандинговом секторе Rewards (привлечение денег в обмен на нефинансовое вознаграждение) было профинансировано 2,5 тыс. проектов на 163 млн рублей. Средняя сумма на один проект составила 53 036 руб., на один успешный проект – 66 485 руб.

Текущая оценка оборота рынка краудфандинга в России, по мнению экспертов J’son & Partners Consulting, в 2015 г. исчислялась 160–180 млн руб., из которых 75–80% приходится на площадки Planeta.ru и Boomstarter.ru. По оценочным данным, доля реализованных технологических проектов составляет от 9 до 20%. Максимальный средний объем заявок был в сегменте «Технологии» – 1,7 млн руб., в то время как средний объем по всем проектам составил 600 тыс. руб. В структуре заявок на получение финансирования преобладают проекты, связанные с технологиями, искусством и кино [7].

Самый «молодой» сегмент отрасли краудфинансов – краудинвестинг (equity crowdfunding/crowdinvesting) – предоставление средств для инвестирования с последующим участием в акционерном капитале и получением дивидендов от прибыли проекта, составляет 8% рынка краудфинансов. Всего при помощи краудинвестинговых площадок финансирование привлекли 19 компаний, средняя сумма одного проекта составила 8,1 млн руб. [7].

Моделью краудфандинга, наиболее перспективной с точки зрения привлечения финансирования инновационными стартапами, является модель долевого финансирования краудлендинга,

обеспечивающая приобретение долей участия в собственном капитале [8]. Основными краудфандинговыми платформами долевого модели за рубежом являются WeFunder, AngelList, FundersClub. На модели предоплаты инновационных продуктов стартапов специализируются также Kickstarter и Indiegogo

В России в настоящее время только несколько платформ специализируются на прямых инвестициях в проекты реального сектора экономики, такие как производственные предприятия, действующий бизнес и инновационные стартапы. Наиболее известная из них – это основанная в 2014 г. при поддержке Фонда развития интернет-инициатив платформа StartTrack (аналогичные технологии используются американской

платформой AngelList). По условиям StartTrack, средний объем доли, которую основатели готовы предложить инвестору, составляет 20% (также работают платформы WeShare и VCStart).

С помощью StartTrack стартапы и уже функционирующий бизнес привлекают финансирование от частных инвесторов, бизнес-ангелов, венчурных и PE-фондов. Оборот платформы – 1,3 млрд руб., в среднем заключается 13 сделок в день. В 2017 г. на StartTrack было аккредитовано более 6,5 тыс. инвесторов, через площадку прошло более 40% коллективных инвестиций в российский бизнес.

Ключевые характеристики развития краудфинансов как механизмов финансирования инноваций представлены в таблице.

Ключевые характеристики развития краудфинансов как механизмов финансирования инновационных проектов

Key characteristics of the crowdfinance development as mechanisms for financing innovative projects

Основные преимущества краудфинансов	Основные недостатки краудфинансов	Основные предпосылки активного развития	Основные барьеры, сдерживающие развитие
Прямое привлечение традиционных инвесторов, исключение посредников из процесса инвестирования	Отсутствие законодательного регулирования механизмов краудинвестирования и кредитования	Высокие ставки кредитования, растущая доля просроченных банковских кредитов в условиях необходимости привлечения средств на развитие бизнеса	Отсутствие аудита и ответственности площадки перед инвесторами
Возможность поддержки именно инновационных проектов, что обеспечивает получение высоких доходов по сравнению с традиционным бизнесом	Высокие риски мошенничества и потери средств для инвесторов	Низкая доходность традиционных инструментов инвестирования	Низкая финансовая грамотность и информированность населения и потенциальных инвесторов, скептическое отношение к краудинвестициям
Тестирование жизнеспособности концепции идеи, изучение емкости рынка, уровня спроса и снижение рисков	Отсутствие прозрачного финансового механизма, достоверной и строгой отчетности и бухучета	Отсутствие кредитной истории, потребности в рефинансировании долгов	Низкий уровень развития систем скоринга на платформах, повышающий риски для кредиторов
Возможность сохранить контроль над бизнесом и получить финансовые средства для реализации проекта без привлечения классического долевого акционерного или заемного банковского капитала	Необходимость в дополнительной экспертизе проекта в случаях недостаточной проработки бизнес-плана, переоценки авторами своих возможностей или их невысокой компетентности	Ужесточение требований к заемщикам по потребительским кредитам и снижение количества выдаваемых кредитов банками для физических лиц	Отсутствие налоговых стимулов, системы коммерциализации и защиты прав интеллектуальной собственности, информационной помощи в индустрии финансирования инноваций
Формирование рынка сбыта по модели предпродаж, возможность прогнозировать спрос, получить предзаказ и создать рынок потребителей результатов проекта на будущее	Риски отказа от сильных инновационных проектов вследствие недоработки маркетинговой и рекламной его сторон	Снижение активности банков на кредитном рынке	Низкая надежность элементов защиты прав инвесторов

Результаты

Таким образом, краудфинансы кардинально меняют механизмы продвижения и коммерциализации инновационных проектов. Как пластиковые карты сегодня конкурируют с наличными деньгами, так и новые технологии финтех постепенно займут равное место с традиционными институтами финансирования инноваций. В ответ на эти тенденции в мае 2018 г. Госдума РФ приняла в первом чтении законопроект «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ», Центральный банк разработал концепцию развития инновационных технологий на финансовом рынке РФ и в Банке России «Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов». Однако в настоящий момент правовая база краудфинансов отсутствует, что тормозит использование этих механизмов для финансирования инновационных проектов.

Решение задач развития рынка краудфинансов для привлечения финансирования инновационных проектов должно предусматривать следующие направления:

- создание и отработка законодательно-нормативной базы, стимулирующей развитие всех сегментов краудфинансов как нового механизма финансирования инноваций;
- увеличение уровня доверия к сервисам краудфинансов через создание и поддержание репутации стабильности и устойчивости среды и предлагаемых государством условий для роста числа новых финансовых платформ;
- введение института саморегулирования и лицензирования деятельности краудфинансовых платформ;
- развитие систем скоринга на финансовых платформах;
- прозрачность в отношении налогообложения и финансовых стимулов (налоговых льгот, гарантий) инвестиций во внебиржевые инновационные проекты для инвесторов;
- обеспечение безопасности и бесперебойности функционирования онлайн-платформ (учитывая возможность мошенничества и технических сбоев IT-систем);
- разработка мер по противодействию легализации (отмыванию) денег и финансированию терроризма;
- обеспечение требований информирования пользователей о возможных рисках инвестирования и о рисках самой платформы;
- развитие образования в области финансовых технологий и инновационного инвести-

рования, популяризация этой сферы деятельности, обучение специалистов в образовательных учреждениях различного уровня, подготовка финансистов и IT-специалистов для этой сферы;

- повышение прозрачности функционирования инвестиционных платформ и обеспечение транспарентности финансовых потоков для инвесторов;

- создание и применение на краудфинансовых платформах акселерационных моделей финансирования инновационных проектов, выполняющих финансово-экономические, консультационные, образовательные, юридические и организационные функции;

- предоставление адекватной информации о заемщике, разработка алгоритмов и проведение процедур due diligence при отборе проектов на платформах, привлечение к аудиту проектов высококвалифицированных специалистов;

- подготовка технологических брокеров – специалистов по оценке и экспертизе инновационных проектов на краудфинансовых площадках, обеспечивающих внедрение этих технологий на рынок, развитие соответствующих компетенций сотрудников профессиональной сферы.

Рынок краудфинансирования инноваций как сегмент финансового рынка вызывает значительный интерес как кредиторов, так и заемщиков. Краудфинансы обладают большим потенциалом для финансирования инновационных проектов, и перспективы развития в России краудфинансов как финансовой модели оптимистичные.

Развитие инновационной деятельности и позитивная динамика объемов вложенного в нее капитала напрямую коррелируют с доступностью долгосрочных источников инвестирования. Для развития новых перспективных каналов долгосрочного частного финансирования инновационных проектов с использованием краудфинансов необходимо снижение рисков и создание государством институциональных условий формирования рынка краудфинансов.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Многомерный анализ и моделирование источников и структуры финансирования инновационных предприятий по регионам России» № 17-32-00050).

Список литературы

1. Балаш В. А., Фирсова А. А., Чистопольская Е. В. Специфика оценки эффективности инновационных проектов с использованием портфельного подхода // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 73–77.
2. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/nauka7.xls (дата обращения: 01.09.2018).
3. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2012. 288 с.
4. Котенко Д. А. Краудфандинг – инновационный инструмент инвестирования // Закон. 2014. № 5. С. 140–141.
5. Овчарова Н. В. Риски применения краудфандинга как способа финансирования и внедрения инноваций // Вестн. БГТУ им. В. Г. Шухова. 2016. № 2. С. 214–216.
6. Все за одного : почему в России краудфандинг не стал бизнес-инструментом. URL: https://www.rbc.ru/own_business/15/06/2017/594006559a794715c9d5819c (дата обращения: 01.09.2018).
7. Рынок краудфинансов в РФ : краудфандинг, краудинвестинг, краудлендинг // Исследовательская компания J'son & Partners Consulting : [сайт]. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/gynok-kraudfinansov-v-rg-kraudfandingkraudinvesting-kraudlending-20150121044017 (дата обращения: 01.09.2018).
8. Мельников Р. М. Изменения подходов к финансированию научно-инновационных программ и проектов в современной мировой практике // Финансовая аналитика : проблемы и решения. 2016. № 29. С. 2–13.

Образец для цитирования:

Фирсова А. А. Особенности краудфинансов в финансировании инновационных проектов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 435–441. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-435-441>

Features of Crowdfinance in Innovation Projects

A. A. Firsova

Anna A. Firsova, <https://orcid.org/0000-0002-8906-6326>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, a.firsova@rambler.ru

Introduction. Insufficient financing of innovation projects in Russia focuses the attention of researchers on the study of new investment mechanisms and sources of financing innovation, and determines the relevance of determining the prospects for the development of the industry of financing innovation projects, one of whose segments are crowdfunding, which is gaining an exponential growth rate. **Theoretical analysis.** The specifics of crowdfunding as an instrument of financing innovations are considered from the point of view of crowd funding as financial, marketing, technological and institutional phenomena. **Empirical analysis.** The analysis of the ecosystem structure of crowdfunding in Russia and the characteristics of the crowdfunding, crowd lending and crowd investing segments are given. It also presents the key characteristics of the development of crowdfunding as mechanisms for financing innovative projects. **Results.** The article develops directions for solving problems of the development of the crowdfunding market to attract funding for innovative projects. To develop new promising channels for long-term private financing of innovative projects using crowd funding, it is necessary to reduce risks and create state institutional conditions for the formation of a crowd funding market.

Key words: innovative projects, crowdfinance, crowd lending, crowd investing, crowdfunding, crowdfunding platforms.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "Multivariate analysis and modelling of sources and structure of financing innovative enterprises by regions of Russia", no. 17-32-00050).*

References

1. Balash V. A., Firsova A. A., Chistopolskaya E. V. Specific of Evaluation of Innovative Projects Effectiveness Using Portfolio Approach. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 73–77 (in Russian).
2. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Federal State Statistics Service. Site). Available at: www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/nauka7.xls (accessed 1 September 2018) (in Russian).
3. Howe J. *Kraudsorsing. Kollektivnyi razum kak instrument razvitiya biznesa* [Crowdsourcing. Collective Intelligence as a business development tool]. Moscow, Alpina Publisher, 2014. 288 p. (in Russian).
4. Kotenko D. A. Crowd funding – an innovative investment tool. *Zakon* [Law], 2014, no. 5, pp. 140–141 (in Russian).
5. Ovcharova N. V. Risks of the use of crowdfunding as a way of financing and introducing innovations. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta imeni V. G. Shukhova* [Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov], 2016, no. 2, pp. 214–216 (in Russian).
6. Vse za odnogo: pochemu v Rossii kraudfanding ne

- stal biznes-instrumentom (All for one: why in Russia crowdfunding did not become a business tool). Available at: https://www.rbc.ru/own_business/15/06/2017/594006559a794715c9d5819c (accessed 1 September 2018) (in Russian).
7. Crowd finance market in the Russian Federation: crowdfunding, crowdinvesting, crowdlending. *Issledovatel'skaia kompaniya J'son & Partners* (Consulting Research company J'son & Partners Consulting. Site). Available at: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/rynok-kraudfinansov-v-rf-kraudfandingkraudinvesting-kraudlending-20150121044017 (accessed 1 September 2018) (in Russian).
8. Melnikov R. M. Changes in approaches to the financing of research and innovation programs and projects in modern world practice. *Finansovaia analitika: problemy i resheniya* [Financial analytics: problems and solutions], 2016, no. 29, pp. 2–13 (in Russian).

Cite this article as:

Firsova A. A. Features of Crowdfinance in Innovation Projects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 435–441 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-435-441>

УДК 336.02

ECONOMIC AND FINANCIAL EFFECTS OF SPECIFIC TAXES AT THE STATE LEVEL IN THE UNITED STATES

N. B. Ermasova, C. Barwegen, D. Vick

Natalia B. Ermasova, <https://orcid.org/0000-0001-9813-483X>,
Governors State University, 1, University Parkway, University
Park, 60430, USA, nemasova@govst.edu

Charles Barwegen Jr., <https://orcid.org/0000-0001-6009-7746>,
Governors State University, 1, University Parkway, University Park,
60430, USA, cbarwegen@outlook.com

Dwight Vick, <https://orcid.org/000-0002-8934-359X>, Managed Care
Center for Addictive and Other Disorder, Lubbock, Texas, 79416,
USA, dwright12vick@msn.com

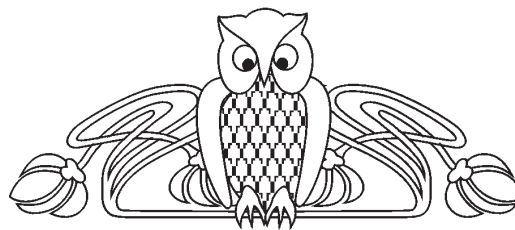
Introduction. This study describes states' government experiences implementing new tax laws on goods with harmful properties. It provides a comparative analysis of new tax revenues in Colorado, Washington, Oregon, and Alaska. **Theoretical analysis.** This paper explores the unintended consequences of new tax laws on state level in the United States. This article analyzes potential economic, health and fiscal effects based on Pigovian taxes approach. Pigovian economics discourages negative social activity by increasing tax burden associated with consumption without eliminating it or forcing it underground. Accordingly, taxes imposed on harmful commodities are intended to encourage people and businesses to consider the extra social cost when they decide to undertake the taxed item. **Empirical analysis.** This paper analyses the new tax laws in Colorado, Washington, Oregon, and Alaska and tax revenues on harmful commodities. It provides comparative analysis of different types of taxes and fees in 19 states. **Results.** The research shows the negative outcomes of its new tax initiatives – increased addiction rates, a increase level of expenditures on public health, etc. – with potentially positive ones – reduced prison populations, increased tax base, etc. The new tax policy shift will potentially cause a shift in expenditures from law enforcement to public health needs. New taxes laws on will increase state revenues on harmful commodities but also increase expenditures on public health and addiction-related costs.

Key words: state government, tax reform, financial policy, social economy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-442-449>

Introduction

According to the National Conference of State Legislatures, “the Great Recession was the defining economic event of the last 80 years. Closing huge budget gaps and managing massive revenue shortfalls topped legislative agendas for several years” [1]. Various approaches have been considered and implemented by state governments to increase revenues by taxing items such as video gambling, sex-based industries, and intoxicants. To reduce budget

deficits, federal and state governments increased the “sin tax” on items such as tobacco, alcohol, furs, luxury automobiles, guns and ammunition. These additional taxes brought an additional \$6 billion by 2010 [2]. As the recession deepened, state governments raised taxes on soda. Some states, including Illinois, imposed new taxes on specific items like snack foods, pornography, and lap dances at stripper clubs. There are many different approaches like the “sweet tax”, “marijuana tax”, “soda tax”, “pole tax”, “video tax”, and other sin- or luxury-based items. Decriminalizing marijuana for medical use and creating state-licensed dispensaries are consistent with the state’s need to increase a variety of taxing sources. Ekins and Henchman (2016) write that “a mature marijuana industry could generate up to \$28 billion in tax revenues for federal, state, and local governments, including \$7 billion in federal revenue: \$5.5 billion from business taxes and \$1.5 billion from income and payroll taxes” [3, p. 3].

This article addresses the implications of state-level legalization of marijuana for tax revenues, potential economic, health and fiscal effects. The first part of this paper provides policy debate about legalization of marijuana. Second part analyzes Pigovian taxes. Next sections cover the potential health and fiscal impact of legalization of recreational and medical marijuana. The article provides history of legalization of marijuana for medical and recreational use in different states and highlights how state legalization would affect the social sphere, the economics of the marijuana drug trade in surrounding states and how legalization would affect the economics of drug use. Finally, this research provides a comparative analysis of marijuana tax revenues in different states and examines differences in state’s marijuana tax revenues. The last part provides conclusions and suggestions for future studies.

Theoretical analysis

Federal, state, and local governments placed no legal controls on illicit substances from 1800 to the late 1870s. Local and state governments passed drug control measures consistent with their moral beliefs. Communities that are more conservative were more likely to pass prohibitive drug control laws with strong law enforcement components, particularly if

poor citizens, women, and/or racial minorities were the primary consumers. More liberal communities, usually urban, supported more liberal control efforts. Eventually, the federal government passed similar laws despite one-third of all duties paid to their governments derived from alcohol- and tobacco-based products [4]. According to Himmelstein (1983), outlawed by the 1937 Marijuana Tax Act, the drug was listed as a legitimate medicine in the *United States Pharmacopedia* from 1850 to 1942 [5, p. 22]. The federal 1970 Controlled Substances Act lists marijuana as a Schedule I drug, a category stating that all drugs within it have no medical use and are highly addictive. Its classification as a Schedule I drug groups marijuana with drugs that have a high potential for abuse, no legitimate medical use, and having no accepted safety levels if given for medical treatment. Federal agencies provided enforcement and financial support to state and local governments facing a drug epidemic. Once the substance was preferred by wealthier citizens, both genders, and/or Caucasians, laws were rewritten that decreased the legal severity of possessing and using the intoxicant. The substance was legalized *de facto* and governments imposed heavy taxes on the product [6].

Marijuana decriminalization efforts began in the 1970s for two primary reasons. First, marijuana was widely used by all segments of the population, particularly among young adults. Second, both recession and inflation gripped the American economy during the 1970s. Politicians at all levels sought to decriminalize marijuana as an effort to control addiction rates, expand its tax base, reduce law enforcement expenditures and expand rehabilitation efforts. This ended in 1981 with the election of conservative Ronald Reagan to the presidency and the beginning of a new and currently active conservative movement.

Despite federal laws banning any marijuana consumption and its corresponding enforcement laws, states responded to public demands for the passage and implementation of medical marijuana laws. Johns shows that “the decision regarding adoption was a result of a combination of policy determinants (both cultural and economic) and policy diffusion (from prior policies on medical marijuana)” [7, p. 193]. Colorado, Washington, Oregon, Alaska, California, Nevada, Maine, and Massachusetts and District of Columbia passed *de facto* legalization policies for recreational use of marijuana.

President Trump has signed into law H.R. 244, the Consolidated Appropriations Act, 2017, which authorizes appropriations that fund the operation of the Federal Government through September 30, 2017. A contradiction exists between the federal prohibition of marijuana and the legalization of it

in several states. Marijuana remains on Schedule I of the Controlled Substances Act, the category reserved for dangerous drugs with a high potential for abuse and no accepted medical use. The Office of the Deputy Attorney General issued guidance to U.S. attorneys (federal prosecutors) to focus marijuana enforcement efforts on criminal trafficking, use by minors, and activities on federal land in 2014. Additionally, the Office of the Deputy Attorney General issued “Guidance Regarding Marijuana Related Financial Crimes” that added financial crimes such as money laundering in 2014. Congress has prohibited the Justice Department from interfering with state laws implementing medical marijuana since Fiscal Year 2015. Hechman and Scarboro suggest that “the continued status of marijuana as illegal under federal law has resulted in state-authorized marijuana retailers encountering difficulty accessing banking services, mailing customers, and securing and enforcing lease agreements” [8, p. 14]. The US Justice Department will not prosecute anyone obtaining medical marijuana; however, Nebraska and Oklahoma are suing Colorado in federal court because the state violates the Controlled Substance Act and persons are purchasing marijuana in Colorado and transporting it into their respective states where it remains an illegal substance.

Medical marijuana opponents argue that the federal Controlled Substance Act makes any form of marijuana use illegal. All states’ medical marijuana laws are unconstitutional because federal laws and international treaties supersede state policies. Legalists refer to the country’s history of high addiction rates in the 19th and 20th centuries that led to its strict federal control laws. The passages of relaxed drug-related laws that potentially decrease citizen confidence in a government to inform, regulate, or research any other product that may harm society. The anti-marijuana decriminalization supporters recognize the drug’s addictive qualities.

Joffe and Yancy centered on how Colorado has handled problems with its medical marijuana legislation would serve as an example for other states looking to implement such laws [9]. The authors looked at the potential impact of legalizing marijuana would have on youth. Miron shows harm caused by drug prohibition— increased prison populations, underground and unregulated markets, etc. [10]. Miron does not deny the effects these substances have on its users, but that the outcomes of use can more accurately be attributed to the current legal treatment of drugs.

This policy debate has waged between these groups over a century. Highly salient, the pendulum of public support swings from criminalization in the 1930s toward *de facto* legalization of medical

marijuana and recreational use. Medical marijuana supporters utilized similar *de facto* legalization arguments that were used in 37 other states that have legalized the drug for medical use. This change in public attitude toward the medical and recreational use of marijuana increased with information about its financial savings. Nationally, the sales of legal marijuana generated an estimated \$1.7 billion in state tax revenue in 2011 thereby supporting the proponents' claims about medical marijuana's benefits [11].

Burman and Slemrod suggest that Pigovian taxes, named after the British economist A.C. Pigou, were designed to reduce negative externalities caused by unhealthy or illicit activity [12]. The logic applies to sin taxes. Sin taxes are designed to reduce specific behaviors thought to be harmful to society. State and federal taxes on tobacco products, alcoholic beverages, gambling, and guns and ammunition are few of the sin-based commodities. Medical marijuana joins the sin tax commodity list.

Idyllically, the tax rate should equal the social damage caused by the externality. Nye questions claims that the identification and measurement of a Pigovian externality is a sufficient condition for determining the optimal level of the tax [13]. For example, a number of prominent economists from across the political spectrum content Pigovian taxes are applied to gasoline consumption as a potential means of dealing with unpriced externalities caused by polluting, oil-reliant engines.

Accordingly, taxes imposed on harmful commodities are intended to encourage people and businesses to consider the extra social cost when they decide to undertake the taxed item. Mann, Zalzman, Asbridge, Suurvali, and Giesbrecht highlighted the negative externalities of such as the components of alcohol use stating, "it can be criminal and lead to death or permanent injury of not only for the indulger but innocent citizens as well. The impact of impaired driving by drunk drivers remains a leading cause of preventable deaths in North America and elsewhere" [14, p. 325]. It is highly unlikely that consumers would agree or even conceive of having the government raise taxes on their unhealthy consumptions. The entire excise taxes levied on sinful commodities there is a harmful environmental effect. For the most part, those who opposed sin taxes are those who indulge in them or the limited population that are not directly affected by the consumptions of sinful indulgences.

Given the historical evidence and economic problems states are facing, it is understandable why legalizing medical marijuana is commonplace. Researchers from The ArcView Group, a cannabis industry investment and research firm based in Oakland, California, found that the U.S. market

for legal cannabis grew 74 percent in 2014 to \$2.7 billion, up from \$1.5 billion in 2013. According to NEWUS Cannabis Retail Sales Projections U.S. market for legal cannabis will be around \$7.4-8.2 billion in 2018.

The econometric literature shows that use goes up when prices go down for marijuana [15]. Initiation and use of marijuana by youth is particularly price sensitive. Caulkins and Bond analyze how diverted legal production would substantially undercut current prices. They found that "if one state legalized, then (illegal) interstate "exports" could depress marijuana prices throughout the United States, even if taxes are collected before diversion and export. The authors proxy smuggling costs by the current gradient in prices observed for Mexican or commercial-grade marijuana; based on seven different data sets, it appears to be roughly US\$325 to US\$475 per pound per 1,000 miles as one moves north from the Mexican border" [16, p. 28]. This information could be used to predict what will happen if marijuana is legalized in other states. If such a study were ever conducted in Illinois, it would serve as portent in the shaping of public policy if public opinion of the state should sway in favor of legalization.

Empirical analysis

Historical evidence supports that marijuana has medical benefits and costs. It is believed to manage pain, treat neurological disorders, increase appetite and improve sleep quality. Various ancient civilizations record using marijuana to treat a variety of ailments. It was a frequently used as a major ingredient in over-the-counter medications sold in mail-order catalogs and peddlers throughout the 19th and early 20th Century America. Furthermore, marijuana was considered a legitimate drug by physicians until it was removed from the *United States Pharmacopedia* in 1942 (the earlier version of today's *Physician's Desk Reference*). Yet, the drug was a contributing factor to much higher addiction rates prior to the passage of the 1914 Harrison Act and the 1937 Marijuana Tax Act prohibited any further medical research into the drug. Today, it is popularly believed that marijuana is a safer alternative than cocaine, heroin, alcohol, and tobacco despite its status within the Controlled Substance Act. The drug could be used in the treatment of HIV/AIDS, cancer, neurological disorders, glaucoma, anxiety, and mental disorders.

Policy advocates popularly claim tobacco is more harmful than marijuana yet tobacco is legal. Because of the long-term legal restrictions on marijuana research and use, there have been fewer comparative studies on marijuana than tobacco on the respiratory system.

However, marijuana users are more likely to be poly-drug consumers thereby making the drug's long-term effects harder to isolate. Kempker, Honig and Martin prove the respiratory negligible effects of long term marijuana use. They found that greater than 20 joint-years of cumulative marijuana exposure was associated with a twofold increased odds of a FEV₁/FVC less than 70%, this was the result of an increase in FVC, rather than a disproportional decrease in FEV₁ as is typically associated with obstructive lung diseases [17, p. 135]. Smoking marijuana can lead to similar lung-related illnesses that tobacco smokers risk: 1) bronchial irritation and bronchitis; 2) inflammation of the lung tissue; 3) reduced lung capacity; and 4) development of pre-cancerous cells. Marijuana produces four-times the amount of tar that is found in one tobacco cigarette, a leading contributor to lung and/or oral cancers, chronic obstructive pulmonary disease (COPD), and other respiratory diseases. Marijuana depresses the immune system. It reduces the body's ability to fight off bacteria, fungi, or tumor cells. While the drug may prevent weight loss, HIV/AIDS patients are at higher risks of infection that can outweigh the benefits of marijuana consumption. Similar wasting situations exist for persons battling cancer who are undergoing chemotherapy or radiation treatment. Comparable situations exist with persons suffering from mental health illnesses and consume marijuana for symptom control.

While the drug's proponents claim marijuana reduces anxiety and negative impact of various mental illnesses, long-term marijuana consumption is listed as a separate mental illness in the American Psychiatric Association's Diagnostic and Statistical Manual for Mental Illness (DSM-V). Three of seven criteria must be met for a mental health professional to diagnose a client with any addiction. Marijuana's psychological short-term effects are impaired perception, slowed cognition, and short-term memory loss. The two major components are tolerance and withdrawal. The marijuana-addicted person has an increased tolerance to the substance while achieving a lesser desired effect brought on by ingestion. The person takes unusual measures to avoid withdrawal symptoms yet persistently desires to deduce or stop consumption. Meanwhile, s/he misses important social, occupational, or recreational activities because of one's drug use despite recurring physical or psychological problems caused by the substance.

Persons addicted or abusing marijuana to treat existing mental health conditions, often times find the symptoms of pre-existing conditions are exacerbated when THC is consumed. Pedersen et al. examined the association between mental health symptoms and marijuana expectancies on marijuana use and consequences for youth involved in the juve-

nile court system. They found that "stronger positive expectancies and weaker negative expectancies were both associated with increased marijuana use. Youth who reported more symptoms of both anxiety and depression, and stronger positive expectancies for marijuana also reported more consequences" [18, p. 151]. This is particularly true for persons suffering from manic-depression or bipolar disorder, borderline personality disorder, clinical depression, or schizophrenia. Even when these mental health issues are not present, the consumption of THC can cause panic attacks, flashbacks, delusions and hallucinations, paranoia, extreme lethargy, and uncontrolled aggression. A person could be prescribed the drug and experience negative side effects that are listed in DSM-V. As a result, there are health benefits for legalizing medical marijuana but there are also financial and social costs. Miron suggests that sin taxation, subsidized treatment, medicalization, needle exchanges, and the use of public education campaigns are some of the other methods that can be used to reduce the negative effects of drug use.

Results

In the 2012 elections, legislation was passed effectively legalizing the recreational use of marijuana in the states of Colorado and Washington. In Washington the State Liquor Control Board are responsible for the implementation of Initiative 502, which regulates marijuana production, distribution, and possessions for those persons over 21 years of age. In this instance, licenses and fees will be applicable on those who wish to become a producer, processor, and retailer of marijuana (Washington State Implementation Fact Sheet, 2012). The fee for each license is \$250 for the application fee and \$1000 annual renewal fee [19]. Keep in mind these are three separate licenses for being a producer, processor, and retailer. Therefore, to obtain all three licenses, which the law allows, the annual fee would apply to all three licenses. Initiative 502 also allows the WSLCB to charge fees for anything done to implement or enforce the Act. This could include fees charged for the sampling, testing, and labeling that would be the cost of doing business as a licensee. The initiative has also created a few taxes in conjunction along with the law. This includes an excise tax equal to 25% of the selling price on each sale between licensed producer and processor, 25% of the selling price between processor and retailer, and another 25% of the selling price on all retail sales of usable marijuana or marijuana infused products. Washington's Office of Financial Management has placed the price estimate of \$12 per gram based on the average medical marijuana dispensary price that ranges from \$10 to \$15 per gram. The fees, licenses,

and taxes that are incurred to pay in order become a part of the production, processing, and sale of marijuana, it can be inferred that marijuana sales have the potential to generate a substantial amount of revenue for the state of Washington. The potential impact on Washington's fiscal estimates for the next five years seems positive. Washington's Office of Finances and Management have estimated that in a fully functioning marijuana market, state revenues could be as high as \$1,943,936,000. According to the state Liquor Control Board, Washington state has issued 86 retail marijuana licenses, and 70 stores have opened. The revenue from total sales of recreational marijuana – including between producers, processors and product sold by retailers – totaled more than \$40 million, with the state receiving more than \$10 million in excise taxes in 2015. The revenue forecast by the Economic and Revenue Forecast Council shows that the marijuana market is expected to bring in \$43 million from a variety of marijuana-related taxes – including excise, sales, and business taxes – through the middle of 2016 and around \$694 million in state revenue through the middle of 2019. About \$237 million is expected to be collected till mid-2017, and \$415 million more is expected for the 2017–2019 budget biennium [20].

This is a fair estimation as Colorado's fees and taxes seem higher than that of Washington (Table). Total marijuana revenue includes the 2.9% medical and recreational marijuana sales tax, 10% retail marijuana special sales tax, 15% marijuana excise tax, and retail/medical marijuana application and license fee. In September 2015 were collected \$13,181,758 marijuana tax, licenses, and fees, in August 2015 – \$11,608,684 marijuana tax, licenses, and fees in comparison to \$7,741,167 in September 2014 and \$6,027,901 in August 2014 (increase by 70.3% in September and 92.6% in August). Table 1 shows how other states implemented medical marijuana laws in 18 states.

Colorado spent first \$40 million of marijuana tax revenue for school construction and \$12 million for youth and substance-abuse programs in 2014.

There were nine state ballot measures regarding the legalization of marijuana that voted on November, 2016. Arizona, California, Maine, Massachusetts and Nevada proposed to legalize recreational marijuana. Arkansas, Florida, Montana and North Dakota proposed medical marijuana legislation.

Conclusion

The potential impacts of the legalization of marijuana appear to have mixed results aspects. Over 50 percent of Americans support marijuana legalization. Washington's Initiative 502 and Colorado's Amendment 64 will have to be evaluated by

policy makers. Yet, their legalization approaches are different. Washington state's program establishes separate licenses for producers, processors, and retailers while Colorado's program creates a virtually integrated supply chain. Both approaches are very different but sound policy approaches. Both states must balance the need to decrease demand for illegally-obtained marijuana and removing the criminal element associated with possession. One major concern among all states that decriminalized medical and/or recreational marijuana use is its increased availability among youth.

For decades, the Netherlands has implemented *de facto* harm reduction measures to control marijuana. The Dutch government's implementation of its harm reduction policies created a *de jure* marijuana legalization program while maintaining its criminalization laws. Open marijuana consumption in "coffee shops" began and expanded. The Netherlands reports one of the lowest marijuana abuse rates among European countries. Its *de jure* marijuana laws allows law enforcement officers to focus upon users and dealers of harder drugs like heroin and cocaine. Its arrest rates for marijuana users are 19 persons per 100,000, ten times less than in the United States. However, the policy created a "drug tourist" industry. Foreign visitors, primarily from bordering European countries travelled to the Netherlands to consume marijuana. These tourists were arrested upon return to their home countries where use and possession remain illegal. Similar situations exist within Nebraska and Oklahoma, two states that border Colorado.

Pigovian economics provides an ideal economic framework to base states' recreational and medical marijuana tax policies. The system shows the negative outcomes of its medical marijuana initiatives – increased addiction rates, a shift toward public health, etc. – with potentially positive ones – reduced prison populations, increased tax base, etc. The Dutch experiment of *de jure* criminalization of marijuana shows, in part, that the shift reduces the legal ramifications of both medical and recreational use of marijuana. Both Colorado and Washington's examples provide two different approaches that other states can follow to decriminalize both forms of use. The policy shift will increase revenues but potentially cause a shift in expenditures from law enforcement to public health needs. Medical marijuana taxes will increase state revenues but also risk increasing public health and addiction-related costs. Furthermore, the shift toward decriminalisation of medical and recreational marijuana does not eliminate criminal justice-related costs.

However, the economic, political, and social implications show that marijuana law could lead

Medical Marijuana Dispensary Laws by State

State	Application and/or Registration Fee	Taxes
Arizona	\$5,000 application fee \$1000 renewal	5.6% sales tax
California	Varies, all licensing is local	7.5% state sales tax
Colorado	Applications: \$7,000 to \$15,000 for medical marijuana centers, \$1,000 for infused product manufacturers; Registrations: \$5,200 to \$13,200 for centers, \$2,200 for infused product manufacturers. Renewals: \$5,800 to \$13,800 for centers, \$2,500 for infused product manufacturers	2.9% state sales tax, also local taxes
Connecticut	Applications: \$1,000 for dispensaries; \$25,000 for producers. Permit and annual renewal fees: \$5,000 for dispensaries; \$75,000 for producers	6.35% state sales tax applies
Delaware	\$5,000 compassion center application fee. \$40,000 compassion center certification and biennial renewal fee	Gross receipts tax if above \$1.2 million in revenue
Illinois	\$25,000 non-refundable application fee \$100,000 annual	7% excise tax at the whole sale level; 1% sales tax
Maine	\$15,000 application fee, \$14,000 refunded to applicants that aren't chosen; \$15,000 renewal fee	5% sales tax and 7% meals and rooms tax on edibles
Maryland	Fees in proposed rules: Application fees (in two stages): for growers \$6,000; for growers/dispensaries: \$11,000; for dispensaries only: \$5,000	Likely not taxed; Maryland 6% sales tax does not apply to the sale of medicine
Massachusetts	\$1,500 stage 1 application fee; \$30,000 stage 2 application fee; \$50,000/year license registration fee	N/A
Minnesota	\$20,000 manufacturer application fee; the annual fee is not yet set, but is expected to be between \$75,000 and \$100,000	N/A
Nevada	\$5,000 medical marijuana establishment application fee; \$3,000 cultivation facility certification fee; \$5,000 independent testing laboratory certification fee; \$30,000 medical marijuana dispensary	6.85% to 8.1% sales tax, in addition to a 2% excise tax
N. Hampshire	\$80,000-40,000	N/A
New Jersey	\$20,000 dispensary fee each year, \$2,000 for unsuccessful applicants	7% sales tax
New Mexico	\$1,000 application fee for producers, annual producer fee from \$5,000- \$30,000	Gross receipts tax (5.125% to 8.8675%)
New York	\$200,000	7% excise, anticipated percentage of 7% sales tax
Oregon	\$4,000	N/A
Rhode Island	\$250 application fee, \$5,000 biennial registration fee	Compassion center surcharge of 4%; 7% state sales tax
Vermont	\$2,500 application fee, \$20,000 or \$30,000 fee	N/A
Washington D.C.	\$5,000 application fee for dispensaries and cultivators, \$3,000/year renewal fee; \$10,000/year fee for dispensaries; \$5,000/year fee for cultivators	6% sales tax, revenue unknown

Source: Marijuana Policy Project, 2017 (<https://www.mpp.org/>).

to trouble with neighboring states that have not decriminalized marijuana. In Colorado, around 40 percent in Denver and 80 percent in mountain areas of recreational marijuana buyers were from neighboring states. The significant attention must be given to health, agricultural, zoning, local enforcement, and criminal penalty issues of legalization of marijuana. Future papers should focus on specific economic issues relating to marijuana legalization and explore in more detail the environmental, medical, criminal, spiritual, productivity and other social costs of legalization.

References

1. National Conference of State Legislatures. *Assessing 2014's top state fiscal issues*. 2014. Available at: <http://www.ncsl.org> (accessed 7 February 2018).
2. Lorenzi P. Taxing antisocial behavior for the common good. *Society*, 2010, vol. 47, no. 4, pp. 328–332.
3. Ekins G., Henchman, J. *Marijuana Legalization and Taxes: Federal Revenue Impact*. 2016. Available at: <https://taxfoundation.org/marijuana-tax-legalization-federal-revenue/> (accessed 9 April 2017).
4. Snowdon C. *The wages of sin taxes*. 2012. Available at: http://www.adamsmith.org/sites/default/files/research/files/The%20Wages%20of%20Sin%20Taxes%20CJ%20Snowdon%20ASI_0.pdf (accessed 9 April 2017).
5. Himmelstein J. L. *The Strange Career of Marijuana: Politics and Ideology of Drug Control in America*. Praeger, Greenwood Press, USA, 1983. 179 p.
6. Vick D., Rhoades E. *Drugs and alcohol in the 21st Century*. Sudbury, Massachusetts, Jones and Bartlett Publishers, USA, 2011. 400 p.
7. Johns T. Managing a Policy Experiment: Adopting and Implementing Recreational Marijuana Policies in Colorado. *State and Local Government Review*, 2015, vol. 47, no 3, pp. 193–204.
8. Henchman J., Scarboro M. Marijuana Legalization and Taxes: Lessons for Other States from Colorado and Washington. *Tax Foundation*. 2016. Available at: <http://taxfoundation.org/article/marijuana-legalization-and-taxes-lessons-other-states-colorado-and-washington> (accessed 15 April 2017).
9. Joffe A., Yancy S. Legalization of Marijuana: Potential Impact on Youth. *American Academy of Pediatrics*, 2004, vol. 113, no. 6, pp. 1–14.
10. Miron J. The Economics of Drug Prohibition and Drug Legalization. *Social Research*, 2001, vol. 68, no 3, pp. 835–855.
11. Ludlum M., Ford D. Colorado's 2010. Update to the Medical Marijuana Law: Three Problems, Three Solutions. *Mustang Journal of Law and Legal Studies*, 2011, vol. 2, pp. 73–77.
12. Burman L. E., Slemrod J. *Taxes in America: What everyone needs to know*. New York, NY, Oxford Press University, 2013. 304 p.
13. Nye J. The Pigou Problem. *Regulation*, 2008, vol. 3, pp. 32–37.
14. Mann R. E., Zalzman R. F., Asbridge M., Suurval, H., Giesbrecht N. Drinking-driving fatalities and consumption of beer, wine and spirits. *Drug and Alcohol Review*, 2006, vol. 25, no 7, pp. 321–325.
15. Williams R., Christ, K. Taxing sin. *Mercatus on Policy*, 2009, vol. 55, no. 4, pp. 14–19.
16. Caulkins J. P., Bond B. M. Marijuana Price Gradients: Implications for Exports and Export-Generated Tax Revenue for California After Legalization. *Journal of Drug Issues*, 2012, vol. 42, no. 1, pp. 28–45.
17. Kempker J., Honig E., Martin G. The Effects of Marijuana Exposure on Expiratory Airflow. A Study of Adults who Participated in the U.S. National Health and Nutrition Examination Study. *Annals of the American Thoracic Society*, 2015, vol. 12, no. 2, pp. 135–141.
18. Pedersen E., Miles N., Osilla K., Ewing B., Hunter S., D'Amico E. The Effects of Mental Health Symptoms and Marijuana Expectancies on Marijuana Use and Consequences Among At-Risk Adolescents. *Journal of Drug Issues*, 2015, vol. 45, no. 2, pp. 151–165.
19. Washington State Liquor Control Board. *Fiscal Impact through Fiscal Year 2017*. 2018. Available at: http://www.liq.wa.gov/publications/Marijuana/I-502/502_fiscal_impact.pdf (accessed 19 April 2018).
20. La Corte, R. Legal Pot in Washington Bringing in Even More Tax Revenue Than Predicted. *Huffington Post Business*, 2015. October, 20. Available at: http://www.huffingtonpost.com/2014/11/20/legal-pot-washington-market-tax-revenue_n_6191848.html (accessed 15 April 2018).

Cite this article as:

Ermasova N. B., Barwegen C., Vick D. Economic and Financial Effects of Specific Taxes at the State Level in the United States. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 442–449 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-442-449>

Экономические и финансовые эффекты специфических региональных налогов в Соединенных Штатах

Н. Б. Ермаcова, Ч. Барвеген, Д. Вик

Ермаcова Наталья Борисовна, доктор экономических наук, профессор, Губернаторский государственный университет штата Иллинойс, Университетский парк, США, nernasova@govst.edu

Барвеген Чарльз, МРА (Master of Public Administration/магистр государственного управления), специалист по обеспечению качества, Губернаторский государственный университет штата Иллинойс, Университетский парк, США, cbarwegen@outlook.com

Вик Двайт, доктор экономических наук, исполнительный директор, Лечебный центр от наркотической и другой зависимости, Лаббок, США, dwright12vick@msn.com

Введение. В статье описывается опыт США в реализации нового налогового законодательства в отношении товаров с вредными свойствами на уровне штатов. В статье проводится сравнительный анализ новых налоговых поступлений в Колорадо, Вашингтоне, Орегоне и Аляске. **Теоретический анализ.** В статье рассматриваются последствия нового налогового законодательства на государственном уровне в Соединенных Штатах. Анализируются потенциальные экономические, медицинские и финансовые результаты этих новых налоговых инициатив. Анализ использует подход социальной экономики и уменьшения негативной социальной активности при увеличении налоговой нагрузки на товары с вредными свойствами. **Эмпирический анализ.** В статье анализируются новые налоговые законы в штатах

Колорадо, Вашингтон, Орегон и Аляска и налоговые поступления от налогообложения товаров с вредными свойствами. Проводится сравнительный анализ различных видов налогов и сборов в 19 штатах. **Результаты.** Исследование показало, что вследствие новых налоговых инициатив происходит повышение уровня зависимости от вредных веществ, увеличение уровня расходов на здравоохранение, при этом есть положительные результаты – сокращение численности заключенных и увеличение налоговой базы. Новая налоговая политика вызывает сдвиг в расходах от правоохранительных органов к расходам на общественное здравоохранение.

Ключевые слова: региональные налоги, налоговые реформа, финансовая политика, социальная экономика.

Образец для цитирования:

Ermasova N. B., Barwegen C., Vick D. Economic and Financial Effects of Specific Taxes at the State Level in the United States [Ермасова Н. Б., Барвеген Ч., Вик Д. Экономические и финансовые эффекты специфических региональных налогов в Соединенных Штатах] // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 442–449. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-442-449>

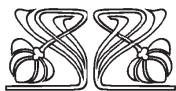
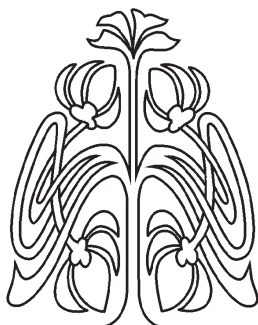
ПРАВО

УДК 342.31

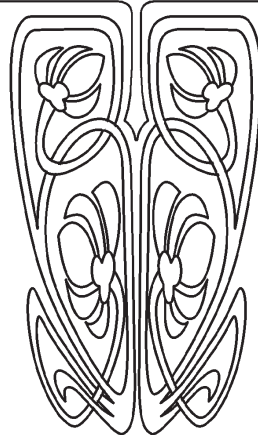
«ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ «ЗЕМЛИ» КАК КАТЕГОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА)

Н. Н. Аверьянова

Аверьянова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Averyanovann@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. Статья посвящена анализу роли «правовой категории» как самостоятельного методологического приема, с помощью которого происходит процесс познания правовых явлений. Сделанные выводы адаптируются на «земле» как конституционно-правовой категории. **Цель.** Основная цель работы – определение методологической роли «правовой категории» в процессе познания отдельных конституционно-правовых явлений и процессов. **Результаты.** Автором определяется сущность «правовой категории» как инструмента научного познания, объясняется целесообразность применения данного методологического приема к исследованию «земли» как конституционно-правовой категории, исходя из ее многоаспектной сущности, особого конституционно-правового режима и особой значимости для народа и государства формируемых общественных земельных отношений. **Выводы.** Автор приходит к выводу, что конституционные нормы являются законодательной формой выражения категории «земля» как конституционно-правовой; содержанием конституционно-правовой категории «земля» выступает совокупное представление о ней как о конституционной ценности, части конституционных принципов и объекте конституционных отношений.

Ключевые слова: правовая категория, земля, конституционная ценность, конституционные принципы, объект конституционных отношений.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-450-454>

Введение

Профессор А. С. Автономов пишет: «... как известно, первичной ячейкой любой отрасли права является норма, а для науки конституционного права такой первичной ячейкой служит категория. Следовательно, определение категорий имеет огромное значение для любой науки, поскольку именно с их помощью осуществляется процесс познания законов существования и развития конкретной действительности» [1, с. 78].

Цель

Основная цель работы состоит в том, чтобы определить сущность «правовых категорий» и обосновать (на примере «земли») целесообразность исследования отдельных конституционно-правовых явлений с помощью указанного методологического приема, объясняя их место в механизме конституционно-правового регулирования.

Результаты

Проблема категорий, их сущности и функционального назначения имеет глубокие философские корни. На необходимость познавать бытие при помощи категориального аппарата указывал еще

Аристотель [2, с. 414–415]. Современные философы говорят о том, что термины «категория» и «философская категория» не являются идентичными, не совпадают, поскольку отдельные науки давно выработали свой категориальный аппарат. При этом только философские категории являются универсальными приемами научного познания [3, с. 112].

Как отмечается, категории в единстве их мировоззренческих и методологических функций помогают человеку понять взаимосвязи окружающей его действительности [4, с. 13].

Разновидностью категории как методологического инструмента познания явлений и предметов окружающего мира являются правовые категории, которые выработаны правовой наукой для исследования права, правовых процессов. Основными методологическими инструментами правового познания являются фундаментальные общеправовые категории, выработанные теоретической правовой наукой. Правовые категории используются для того, чтобы выразить истинное знание о правовой сфере общественной жизни [5, с. 93].

В юридической науке категориями называют абстракции, отражающие суть многоплановых правовых явлений и процессов. Д. А. Керимов отмечал, что Гегелю принадлежит величайшая заслуга в обнаружении пути научного исследования – «восхождение от абстрактного к конкретному» [6, с. 74].

Данный философско-методологический прием научного познания ученые-правоведы адаптируют и к познанию объектов правовой действительности. Абстрактное создается, обогащается, развивается множеством конкретного, оно возвышается над ним. Конкретное – источник абстрактного, его основа, содержание, преобразованное мышлением в сущность. Конкретное в праве – это сами правовые явления во всем их многообразии, со всеми специфическими признаками, чертами и свойствами каждого из них [6, с. 78].

Той же позиции придерживается В. М. Сырых, который заключает, что теоретическое воспроизведение исследуемого объекта как единства многообразного в системе взаимосвязанных категорий составляет конечную цель восхождения от абстрактного к конкретному [7, с. 139].

Таким образом, правовая категория является тем абстрактным, которое позволяет аккумулировать в себе все черты и свойства конкретного.

Стоит полностью согласиться с мнением А. М. Васильева, что категории – результат обобщения и абстрагирования. Категориальное обобщение это, прежде всего, диалектическая

обработка материала, при которой обнаруживаются внутренне необходимые и существенные свойства правовых явлений и процессов, общее раскрывается в особенном, отдельном, частном, богатство отдельного включается в общее [5, с. 58].

Между тем А. М. Васильев предлагал различать такие явления, как «категории права» и «правовые категории». Под категориями права ученый понимал компоненты правовой нормативной структуры, инструменты правового регулирования. Тогда как правовыми категориями, по его мнению, следует считать научные понятия, которые выступают как инструмент научного мышления и служат для отражения объективной сути правовых явлений [5, с. 56].

Попытку классификации категорий предпринимает и Е. В. Епифанова, которая отмечает, что необходимо различать научные категории и законодательные категории [8, с. 43].

Стоит согласиться с данными выводами о том, что категория как правовой феномен может иметь различную правовую природу. «Категории права» как инструменты правового регулирования формально-юридически, содержательно и функционально не совпадают с «правовыми категориями» как специфическими инструментами познания правовых явлений и процессов.

Роль «категорий права» глобальна в познании права в целом, его систематизации, реализации, назначении и других масштабных измерениях. Роль «правовых категорий» – это комплексное уяснение сущности отдельных явлений и процессов, в том числе при использовании категориального аппарата права в целом. Емко и понятно на данный счет высказывался А. М. Васильев, который отмечал, что правовые категории по своей сути – познавательный образ правовых явлений и процессов [5, с. 66].

Однако при этом стоит выяснить, почему же отдельные явления правовой действительности целесообразно исследовать, формируя представление о них как о правовой категории.

Во-первых, предпосылкой данного процесса является закрепление того или иного объекта или явления в праве, т. е. правовое признание его наличия и особой значимости в системе объектов правовых отношений, или особая законодательная форма правовой категории.

Во-вторых, суть явления или объекта, являющегося законодательной категорией, не должна быть однозначна, это должно быть явление разноплановое, многоаспектное. Его определение нельзя сформулировать всеобъемлюще, исчерпывающе отразив в понятии его содержание. Если явление или объект в зависимости от своего содержания облекается в форму законодательных

актов различных отраслей права, то он является как в целом межотраслевой законодательной категорией, так и категорией соответствующей отрасли права с присущей ей отраслевой спецификой.

В-третьих, у категории должна быть особая функциональная роль. Функции законодательной категории должны сводиться к следующему. Именно через понимание того или иного явления или объекта как правовой категории возможно всеобъемлющее уяснение не только его содержания и назначения, но и процесса реализации. По поводу законодательной категории должен формироваться целый комплексный механизм правового регулирования, несущий реализацию ее многоаспектного понимания в правоприменительную плоскость. Категория должна быть основой, фундаментом такого механизма. Поскольку содержание категории многоаспектно, она не может быть реализована фрагментарно, одной или несколькими нормами. Она должна быть частью всех или большинства явлений и процессов, протекающих в конкретной области правового регулирования, являться частью соответствующих правовых институтов.

Схожая точка зрения высказывается и исследователями теории исторического материализма, которые говорят, что категории лишь тогда выполняют свою методологическую функцию, когда они проверяются практикой, которая в свою очередь способствует их развитию [4, с. 18].

Процесс познания практики реализации определенной законодательной категории как части определенной отрасли права может быть эффективным только при условии доказанности того, что данная законодательная категория является частью, «вписывается» и обосновывается системой научных категорий той или иной отрасли права.

Таким образом, обязательными признаками законодательной категории выступают: правовая форма, содержание и функциональная роль.

На основании изложенного можно определить, что законодательная категория – это особый методологический прием, позволяющий рассмотреть суть конкретного явления правовой действительности во всем его многообразии, комплексно исследовать и анализировать его роль и значение в правовом пространстве в целом или ограниченном рамками определенной отрасли права.

Так и отдельные явления и процессы, закрепленные в конституционном законодательстве, целесообразно исследовать как конституционные законодательные категории. В конституционном праве законодательная категория – явление намного шире, чем объект правоотношения, чем объект правового регулирования, поскольку

представляет собой не только предмет и т.п., по поводу которого участники вступают в правоотношения, но и его правопонимание как объективно существующей реальности, объекта конституционализации, конституционную ценность.

Законодательная категория конституционного права – это некий системообразующий фактор, в котором познание каждого из входящих элементов приводит к пониманию ее сущности как целостного правового явления.

Все эти рассуждения в полной мере касаются и земли как законодательной категории конституционного права. Земля действительно является конституционно-правовой категорией. Как элемент конституционно-правовой действительности она выступает тем самым конкретным, познание которого целесообразно осуществлять через правовую категорию, как абстрактное обобщение сущности и назначения конкретного, его места в механизме конституционно-правового регулирования. Представляется, что этот тезис целесообразно обосновать через признаки законодательной категории, изложенные выше: рассмотрев ее по форме, содержанию и функциональной роли.

Во-первых, земля, являясь важнейшим жизненно необходимым человечеству объектом, нашла свое конституционно-правовое признание посредством целого ряда конституционных положений. Таким образом, конституционные нормы являются юридической формой выражения категории «земля» как конституционно-правовой.

Во-вторых, «земля» как отдельная конституционно-правовая категория имеет собственное содержание. Использование правовой категории как методологического приема познания сущности земли в конституционно-правовом поле оправдан благодаря многоаспектности данного явления.

Исследование содержания земли как категории конституционного права стало необходимым также благодаря свойству системности самой отрасли конституционного права.

Традиционно система конституционного права понимается как объединенная организационным и функциональным единством совокупность его институтов, образующих отрасль конституционного права [9, с. 34].

Между тем, развиваясь, наука конституционного права убедительно доказывает, что в современных реалиях понимание системы конституционного права как системы норм и институтов не объясняет ее роли как фундаментальной ведущей отрасли российского права. В состав системы конституционного права должны быть включены и элементы особого порядка,

которые позволяют: во-первых, выделить важнейшие предметы и явления объективной реальности, по поводу которых необходимо правовое регулирование наивысшего конституционного уровня (конституционные ценности), во-вторых, сформировать целый комплекс конституционных норм особого вида – норм принципов, которые лягут в основу всей системы российского права и станут незыблемым фундаментом регулирования всех общественных отношений российского государства.

Конституционное право, пишет С. М. Шахрай, – одна из ключевых отраслей системы права Российской Федерации – представляет собой совокупность правовых норм, закрепляющих в Конституции и конституционном законодательстве основы взаимоотношений личности и государства, правового статуса человека и гражданина, принципы общественного, государственного и территориального устройства страны, социально-экономических отношений, организации системы государственной власти и местного самоуправления [10, с. 23]. Таким образом, ученый настаивает на включении конституционных принципов в систему конституционного права.

Т. Я. Хабриева замечает, что «влияние конституции определяется тем, что она закрепляет универсальные правовые ценности, определяющие содержание законодательного регулирования» [11, с. 164]. Особую стабилизирующую роль конституционных ценностей в развитии Российского государства отмечает и профессор С. А. Авакьян, который пишет, что ученые, предлагавшие реформирование Конституции, никогда не покушались на конституционные ценности, связанные с основами конституционного строя, каталогом прав и свобод человека и гражданина [12, с. 9].

Отсюда необходимо понимание системы конституционного права как системы норм и правовых институтов, осуществляющих правовое регулирование конституционных отношений, а также закрепляющих основу для регулирования всех общественных отношений в Российской Федерации на базе установленных конституционных принципов и конституционных ценностей.

Конституционные принципы и конституционные ценности являются особыми конституционно-правовыми научными категориями, которые в отличие от общеправовых категорий, где основной функциональной ролью является систематизация и упорядочение процесса познания, направлены на объяснение особой ведущей роли конституционного права в системе российского права. В отличие от иных собственных категорий науки конституционного права, к которым исследователи относят: конституционность, кон-

ституционализм, конституционную ответственность, конституционные гарантии прав и свобод человека, парламентаризм и другие [13, с. 106], конституционные ценности и конституционные принципы являются органической частью системы конституционного права.

Выводы

Таким образом, содержание категории «земля» в конституционном праве должно складываться исходя из следующих представлений:

– во-первых, земля обладает конституционной ценностью;

– во-вторых, как следствие, формируются конституционные нормы-принципы о земле, которые входят в систему конституционных принципов и ложатся в основу регулирования земельных отношений;

– в-третьих, земля как объект конституционных отношений. В этом правовом качестве ее содержание также многоаспектно и неоднозначно.

Конституционные нормы являются законодательной формой выражения категории «земля» как конституционно-правовой; содержанием конституционно-правовой категории «земля» выступает совокупное представление о ней как о конституционной ценности, части конституционных принципов и объекте конституционных отношений.

Что касается функциональной роли категории «земля» в конституционном праве, то использование методологического приема, основанного на представлении о земле как конституционно-правовой категории, дает возможность проанализировать процесс реализации конституционных норм о земле в конституционном законодательстве России, выявить проблемы в данной сфере, а также тенденции их конституционно-правовой институционализации и перспективного развития.

Список литературы

1. *Автономов А. С.* Системность категорий конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 391 с.
2. *Аристотель.* Этика ; Политика ; Риторика ; Поэтика ; Категории. Минск, 1998. 1394 с.
3. *Левин Г. Д.* Философские категории в современном дискурсе. М., 2007. 224 с.
4. Категории исторического материализма / редкол. : Н. И. Дряхлов, В. И. Разин, Э. Лассов, Г. Штилер. М., 1980. 246 с.
5. *Васильев А. М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
6. *Керимов Д. А.* Философские основы политико-правовых исследований. М., 1986. 332 с.

7. Сырых В. М. Метод правовой науки (Основные элементы, структура). М., 1980. 176 с.
8. Епифанова Е. В. К вопросу о правовой категории «преступление» // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 40–45.
9. Безруков А. В. Конституционное право России : 3-е изд., перераб. и доп. : учеб. пособие. М., 2015. 304 с.
10. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М., 2017. 624 с.
11. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2016. 320 с.
12. Авакьян С. А. Конституция Российской Федерации : итоги развития // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 3–10.
13. Кабышев В. Т., Гавриленко В. И. Конституционное право России : учебно-методический комплекс / отв. ред. В. Т. Кабышев. Саратов, 2010. 238 с.

Образец для цитирования:

Аверьянова. Н. Н. «Правовая категория» как инструмент научного познания (на примере «земли» как категории конституционного права) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 450–454. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-450-454>

“Legal Category” as a Tool of Scientific Knowledge (on the Example of “Land” as a Category of Constitutional Law)

N. N. Averyanova

Natalya N. Averyanova, <https://orcid.org/0000-0002-5718-5363>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Averyanovann@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the analysis of the role of the “legal category” as an independent methodological method, with the help of which the process of cognition of legal phenomena takes place. The conclusions are adapted on the “ground” as a constitutional-legal category. **Purpose.** The main goal is to determine the methodological role of the “legal category” in the process of cognition of individual constitutional and legal phenomena and processes. **Results.** The author determines the essence of the “legal category” as an instrument of scientific knowledge, explains the expediency of applying this methodological method to the study of “land” as a constitutional legal category, based on its multifaceted nature, a special constitutional and legal regime and special significance for the people and the state public land relations. **Conclusions.** The author comes to the conclusion that constitutional norms are a legislative form of expressing the category of land as a constitutional-legal one; the content of the constitutional-legal category of “land” is the cumulative representation of it as a constitutional value, part of constitutional principles and the object of constitutional relations.

Key words: legal category, land, constitutional value, constitutional principles, object of constitutional relations.

References

1. Avtonomov A. S. *Sistemnost' kategoriy konstitutsionnogo prava* [System of categories of constitutional law]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 1999. 391 p. (in Russian).
2. Aristotel. *Etika; Politika; Ritorika; Poetika; Kategorii* [Ethics; Politics; Rhetoric; Poetics; Categories]. Minsk, 1998. 1394 p. (in Russian).
3. Levin G. D. *Filosofskie kategorii v sovremennom diskurse* [Philosophical categories in modern discourse]. Moscow, 2007. 224 p. (in Russian).
4. *Kategorii istoricheskogo materializma* [Categories of historical materialism. Eds. N. I. Dryakhlov, V. I. Razin, E. Lassov, G. Shtiler]. Moscow, 1980. 246 p. (in Russian).
5. Vasil'ev A. M. *Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava* [Legal category. Methodological aspects of the development of the system of categories of the theory of law]. Moscow, 1976. 264 p. (in Russian).
6. Kerimov D. A. *Filosofskie osnovy politiko-pravovykh issledovaniy* [Philosophical foundations of political and legal research]. Moscow, 1986. 332 p. (in Russian).
7. Syrykh V. M. *Metod pravovoi nauki (Osnovnye elementy, struktura)* [Method of legal science (Basic elements, structure)]. Moscow, 1980. 176 p. (in Russian).
8. Epifanova E. V. On legal concept of “crime”. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2012, no. 6, pp. 40–45 (in Russian).
9. Bezrukov A. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia. 3rd ed., rev. and add.]. Moscow, 2015. 304 p. (in Russian).
10. Shakhraj S. M. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoj Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation. 4th ed., rev. and add.]. Moscow, 2017. 624 p. (in Russian).
11. Khabrieva T. Ya. *Konstitutsionnaia reforma v sovremennom mire* [Constitutional reform in the modern world]. Moscow, 2016. 320 p. (in Russian).
12. Avakian S. A. Constitution of Russian Federation: results of development. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2008, no. 23, pp. 3–10 (in Russian).
13. Kabyshev V. T., Gavrilenko V. I. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebno-metodicheskiy kompleks* [Constitutional law of Russia: educational and instructional complex. Ans. ed. V. T. Kabyshev]. Saratov, 2010. 238 p. (in Russian).

Cite this article as:

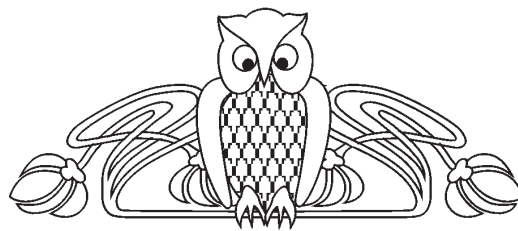
Averyanova N. N. “Legal Category” as a Tool of Scientific Knowledge (on the Example of “Land” as a Category of Constitutional Law). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 450–454 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-450-454>

УДК 349

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Р. В. Амелин

Амелин Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ame-roman@yandex.ru

Введение. Государственные и муниципальные информационные системы являются важнейшим инструментом построения платформы электронного правительства и цифровой экономики. Системное изучение и совершенствование их правового обеспечения возможно через призму категории «правовой режим». **Теоретический анализ.** Выделяются административные и объектные правовые режимы. Правовой режим информационных систем относится к объектным. Под правовым режимом государственной (муниципальной) информационной системы предложено понимать комплекс взаимосвязанных правовых средств, направленных на достижение требуемого социального эффекта от использования данной информационной системы. **Эмпирический анализ.** Структурно правовой режим представляет собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, среди которых могут быть выделены нормативные и ненормативные элементы. Особое значение среди последних имеет цель установления правового режима, принципы института государственных и муниципальных информационных систем. Блок нормативных элементов формируется, в первую очередь, нормами, определяющими правовой статус участников информационных отношений, связанных с созданием и использованием государственных и муниципальных информационных систем. **Результаты.** Предложено выделить следующие обязательные нормативные элементы правового режима государственной (муниципальной) информационной системы: цель создания и назначение информационной системы; требования к составу и содержанию ее информационного ресурса; требования к техническому, программному, лингвистическому обеспечению информационной системы; требования к процессам создания информационной системы (включая ввод в эксплуатацию, модернизацию, вывод из эксплуатации); правовой статус поставщиков информации; правовой статус пользователей информации; правовой статус оператора информационной системы.

Ключевые слова: государственные информационные системы, правовой режим, правовые принципы, институт права, информация.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-455-465>

Введение

Переход к формированию и развитию цифровой экономики требует в качестве одного из важнейших предварительных этапов создания платформы, на которой могут быть внедрены цифровые технологии, трансформирующие

социально-экономическую сферу. Один из важнейших технологических инструментов, который может быть использован в составе такой платформы, – различные государственные и муниципальные информационные системы (ГМИС), показавшие свою значимость на предыдущем этапе развития информационного общества в Российской Федерации – этапе формирования электронного правительства. В свою очередь, государственные и муниципальные информационные системы нуждаются в системном, комплексном и адекватном правовом обеспечении. Это делает крайне актуальным теоретическое исследование вопросов правового регулирования ГМИС, которое может быть проведено через призму такого понятия, как «правовой режим».

Теоретический анализ

Категория «правовой режим» уходит корнями в сферу публичного права. Она функционально связана с категориями «государственный режим» и «политический режим»: «политический и государственный режимы, отражая содержательный момент принятия и исполнения управленческих решений, придавая политической жизни определенную направленность, непосредственно обуславливают основные черты, состояние, общие свойства, параметры правовых режимов» [1, с. 520].

Рост интереса к проблематике правовых режимов совпал по времени с началом периода правового реформирования на рубеже 90-х гг. XX в. Правовой режим рассматривался в научной литературе как совокупность правил, регулирующих определенный вид общественной деятельности и как средство достижения желаемого социального результата с наименьшими затратами сил, средств и времени [2, с. 4]. Выделялись следующие основные признаки правовых режимов: 1) устанавливаются законодательством и обеспечиваются государством; 2) специфическим образом регламентируют конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты права; 3) представляют особый порядок правового регулирования, состоящий из совокупности юридических средств и харак-

теризующийся определенным их сочетанием; 4) создают конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права [3, с. 64].

По мнению Д. Н. Бахраха, правовой режим отражает степень жесткости юридического регулирования, наличие известных ограничений или льгот, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности [4, с. 279]. О. С. Родионов считает, что только в отраслях публичного права имеет место возможность четкого выделения конкретного правового режима или прямое указание на его присутствие: «...правовые режимы возникают там, где используется императивный метод правового регулирования: правовой режим не оставляет субъекту права свободы выбора поведения (хотя в некоторых случаях участник правового режима может самостоятельно определять свое место в правоотношении из исчерпывающего и достаточно узкого перечня возможных статусов» [5, с. 78–79]. В словаре административного права, изданном в 1999 г., правовой режим определен как «нормативно установленные правила» относительно определенного предмета отношений или ситуаций, которые обязательно должны соблюдаться участниками отношений по поводу этого предмета (ситуации) [6, с. 166]. На основе данного подхода сконструированы и получили развитие режимы военного положения, чрезвычайной ситуации, государственной службы, паспортный режим и ряд других.

По мере повышения востребованности данной категории она выходит за рамки публичного права и начинает использоваться для характеристики комплекса субъективных прав и юридических обязанностей, возникающих у участников правовых отношения по поводу определенного объекта (или ситуации). Понятие «правовой режим» сближается по значению и содержанию с понятием «правовой статус», но если последний характеризует правовое положение субъекта права, то правовой режим характеризует объект и те правоотношения, которые по поводу этого объекта возникают. По мнению Н. Н. Ковалевой, смысл понятия «правовой режим» заключается в возможности совершения или несовершения с объектом права определенных действий, влекущих известный юридический результат [7, с. 94]. Д. Н. Бахрах и В. Г. Татарян определяют правовой режим как систему норм права, которая регулирует деятельность, отношения между людьми по поводу определенных объектов [8, с. 392]. Т. З. Шалаева предлагает понимать под правовым режимом систему не только правовых норм, но и иных юридических средств, направленных

на установление правомочия неопределенного круга субъектов по отношению к конкретно определенному объекту [9, с. 5]. Примеры объектных правовых режимов: режим объекта атомной энергетики, режим лесовосстановительных полос, режим водохранилища и др.

В 2000-е гг. изучение правовых режимов приобрело ярко выраженную отраслевую направленность. Р. Т. Мухаев рассматривает правовой режим как «совокупность способов, методов и типов правового регулирования, характеризующих особенности и характер правового воздействия и складывающихся внутри каждой отрасли права» [10, с. 457]. Э. Ф. Шамсумова считает, что категорию «правовой режим» необходимо использовать для характеристики особенностей той или иной отрасли права, так как правовой режим позволяет рассматривать средства правового регулирования отрасли права в комплексе. Все юридические средства, которые образуют отраслевой правовой режим, объединяются единым регулирующим началом и отражают специфику данной отраслевой юридической среды [11, с. 82].

При этом административно-правовые режимы складываются в сфере определенной общественной деятельности, опираются на императивный метод правового регулирования. Ю. А. Тихомиров определяет административно-правовой режим как особый вид регулирования, в рамках которого создается особая комбинация юридических, организационных и иных средств для обеспечения того или иного государственного состояния [12, с. 400]. Некоторые авторы выделяют такие признаки административно-правовых режимов, как чрезвычайность отношений, требующих особого правового регулирования, временный характер установления правового режима. Так, Д. С. Измайлов под административно-правовыми режимами понимает ограниченный в пространстве и во времени особый порядок деятельности государственных и общественных структур, используемый в условиях чрезвычайных ситуаций для нормализации обстановки и преодоления последствий среды, внутри которой он существует, а также основные характеристики их взаимодействия [13, с. 61].

В то же время гражданско-правовые режимы формируются вокруг определенных объектов правоотношений, используют диспозитивный метод правового регулирования и не имеют чрезвычайного характера. Например, М. М. Валеев характеризует режим в гражданском праве как категорию, применяемую для обобщенной характеристики либо реального состояния некоего объекта, либо способов достижения объектом данного состояния [14, с. 153]. По

мнению В. В. Кущенко, с помощью правового режима в гражданском праве устанавливается тот правовой вектор, который указывает отдельным субъектам, как вести себя с другими участниками гражданских правоотношений в отношениях, складывающихся по поводу тех или иных объектов гражданских прав [15, с. 38]. В. В. Чубаров отмечает, что правовой режим – это своеобразный «снимок» («слепок») тех объективных предписаний и субъективных притязаний, которые существуют и действуют в отношении конкретного объекта гражданского права [16, с. 186].

При всем многообразии научных подходов к определению правового режима и отличительных признаков правовых режимов, конструируемых в различных отраслях права, сохраняются две их важнейшие черты, выделенные В. Б. Исаковым и С. С. Алексеевым – теоретиками, внесшими наиболее значительный вклад в развитие данной категории. В. Б. Исаков обращал внимание на такую существенную особенность, как *целенаправленность* правового режима. Он определял правовой режим как социальный режим некоторого объекта (явления, процесса, социальной подсистемы), закрепленный правовыми нормами и обеспеченный совокупностью юридических средств, а социальный режим, в свою очередь, – как относительно устойчивое взаимоотношение некоторого социального объекта (явления, процесса, подсистемы) и других социальных объектов, обеспечивающее достижение некоторых целей [17, с. 258]. С. С. Алексеев подчеркивал *комплексный характер* правового режима, рассматривая его как «своего рода укрупненный блок в общем арсенале правового инструментария, соединяющий в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств» [18, с. 243]. Наконец, независимо от выбранной парадигмы правовой режим представляет собой *способ регулирования общественных отношений*. От других способов, по мнению А. В. Мелехина, его отличают: а) значимость общественных отношений, урегулированных правовыми нормами, и б) использование особых принципов, форм и методов деятельности, выражающихся в определении системы прав и обязанностей субъектов [19, с. 235].

В информационном праве наибольшее распространение получили объектные (или объектовые) режимы [20], которые конструируются вокруг определенных объектов права. Л. К. Терещенко определяет правовой режим информации как объектный режим, вводимый законодательным актом и позволяющий обеспечить комплексность воздействия посредством

совокупности регулятивных, охранительных, процессуально-процедурных средств, характеризующих особое сочетание дозволений, запретов и обязываний, а также гарантий по его соблюдению [21, с. 13]. Н. Н. Ковалева подошла к определению правового режима информационных ресурсов и информационного обеспечения с позиции административного права. Она предложила определение административно-правового режима информационного обеспечения как «системы прав, обязанностей и административной ответственности, связанной с его созданием, использованием и актуализацией (сопровождением)...» [22, с. 15]. Она же предложила классификацию правовых режимов информационных ресурсов по доступности (режим свободного доступа, режим ограниченного доступа) и форме выражения (режим документированной информации, режим электронного документа) [22, с. 17]. В литературе предпринимались попытки конструирования правовых режимов доменных имен [23], сети Интернет [24] и др. К объектным режимам относится и правовой режим государственных информационных систем.

На присутствие в информационном праве категории «правовой режим информационных систем» указывали И. Л. Бачило, П. У. Кузнецов, Т. А. Полякова [25, 26] и другие ученые, однако системного исследования указанная категория пока не получила. Наиболее целенаправленная попытка ее изучения предпринята В. М. Жерновой, определившей правовой режим информационной системы как «совокупность следующих составляющих: регулирование создания, использования и прекращения эксплуатации информационных систем; установление законного поведения и взаимоотношений субъектов; нормы ответственности за нарушение законодательства» [27, с. 62; 28]. Категории «правовой режим государственных информационных систем» в науке практически не было уделено внимания, если не считать некоторых важных работ в смежной проблематике. Так, Н. Н. Ковалева внесла существенный вклад в изучение правового режима информационного обеспечения деятельности государственных органов, правового режима государственных информационных ресурсов [29–31].

Представляется очевидным, что правовые режимы информационных систем и государственных (а также муниципальных) информационных систем соотносятся как общее и частное.

Под правовым режимом государственной (муниципальной) информационной системы предлагаем понимать *комплекс взаимосвязанных правовых средств, направленных на достиже-*

ние требуемого социального эффекта от использования государственной (муниципальной) информационной системы.

Важность категории «правовой режим государственных (муниципальных) информационных систем» определяется следующими факторами:

1) через призму понятия «информационно-правовой режим» может быть проведено комплексное исследование объекта права – в данном случае государственной (муниципальной) информационной системы – и всей совокупности возникающих по поводу него информационных правоотношений. П. У. Кузнецов рассматривает режим правового регулирования общественных отношений в информационной сфере в качестве главного инструмента информационного права, теоретико-методологического средства познания и организации правовой действительности [32, с. 33];

2) установление правового режима государственной (муниципальной) системы как комплекса взаимосвязанных правовых средств позволяет обеспечить:

а) устойчивость и упорядоченность общественных отношений, складывающихся по поводу информационной системы, ее информационного ресурса;

б) эффективность управленческих воздействий, которые осуществляются с использованием информационной системы;

в) состояние законности, стабильности, защищенности в сфере осуществления предметных (отраслевых) правоотношений, на которые оказывает воздействие функционирование и использование информационной системы;

г) возможность достижения иных заявленных целей создания государственной (муниципальной) информационной системы.

Л. К. Терещенко указывает на два вида правовых режимов, принятых в юридической науке: *общие* (первичные), выражающие исходные способы правового регулирования, и *специальные* (вторичные), которые являются модификацией общего режима, вносящей либо особые льготы и преимущества, либо особые ограничения, которые заключаются в дополнительных запретах и обязанностях [33, с. 156]. В качестве общего правового режима информации она рассматривает режим открытой информации, а в качестве специальных – различные виды информации ограниченного доступа.

Для государственных (муниципальных) информационных систем актуальным является установление третьего вида правовых режимов – *особых* [34, 35], которые устанавливаются

по поводу индивидуально определенного объекта. Каждая публичная информационная система порождает потребность в установлении особого правового режима, вносящего дополнительные ограничения и преимущества, права, обязанности и гарантии субъектов правоотношений, возникающих в связи с созданием и использованием такой системы, по сравнению с общим правовым режимом (распространяющимся на все государственные и муниципальные ИС) и специальными (например, правовым режимом информационных систем, используемых для оказания государственных и (или) муниципальных услуг). Это обусловлено тем, что отношения по поводу публичной информационной системы, ее информационного ресурса тесно переплетаются с иными общественными отношениями, для информационного обеспечения которых информационная система создается.

Эмпирический анализ

Структурно-правовой режим представляет собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. В литературе предлагались некоторые подходы к определению элементов правового режима информационных систем. Так, В. М. Жернова выделила: 1) регулирование создания, использования и прекращения эксплуатации информационных систем (система правовых норм), а также приемы и методы данного регулирования; 2) установление законного поведения и взаимоотношений субъектов по поводу информационных систем, их прав и обязанностей; 3) нормы ответственности за нарушение законодательства в информационной сфере [27]. О. С. Соколова предложила следующую систему элементов правового режима муниципальных ИС: 1) цель создания и использования; 2) регистрационно-учетные процедуры; 3) требования к эксплуатации; 4) статус оператора и иных субъектов, участвующих в эксплуатации; 5) защита информации [36]. М. А. Мачугин рассматривает в содержании правового режима использования информационных систем такие типовые элементы, как целевое назначение ИС; объект правового регулирования (сведения, содержащиеся в информационной системе); правовое положение субъектов правового режима с учетом их многообразия; комплекс способов правового регулирования и средств юридического воздействия (дозволение, запрещение, позитивное обывание) [37, с. 67].

Обобщая позиции различных авторов, можно говорить о двух подходах к пониманию структуры правового режима. Правовой режим в широком смысле включает правовые нормы,

принципы права, методы правового воздействия, цели и способы правового регулирования и т.д. [18, с. 243; 38, с. 23; 39, с. 152–156]. При узком подходе, более характерном для объектных режимов, в структуре правового режима выделяются только нормативные элементы (группы тесно взаимосвязанных правовых норм) [40, с. 85]. При этом, хотя цели, принципы и способы (методы) правового регулирования относятся к ненормативным элементам правового режима, они полностью или частично могут быть отражены в нормах права, т.е. в системе нормативных элементов.

Правовой режим государственных и муниципальных информационных систем использует широкое сочетание *способов правового регулирования*, что характерно для комплексных отраслей и институтов права: запреты, позитивные обязывания, дозволения, поощрения, правовые рекомендации, договорно-правовое регулирование [41, с. 94].

Термин *принцип* означает основные, самые общие, исходные положения, средства, правила, что определяют природу и социальную сущность явления, его направленность и самые существенные свойства. Согласно М. И. Байтину, «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [42, с. 123]. Они выражают объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяют сущность всей системы, отрасли или института права и имеют в силу их правового закрепления общеобязательное значение [43, с. 20]. К наиболее существенным признакам принципов права относят их регулятивность (такой характер присущ как непосредственно нормам принципам, так и принципам, которые выводятся из норм), объективную обусловленность.

К числу *общеправовых принципов*, имеющих наиболее важное значение для правового режима государственных и муниципальных информационных систем, следует отнести, на наш взгляд, верховенство права, законность, справедливость, соразмерность, единство прав и обязанностей.

Принцип законности имеет сложное, комплексное содержание. С одной стороны, законность понимают как неуклонное, строгое и точное исполнение, соблюдение и применение законов и подзаконных актов всеми государственными и муниципальными органами и должностными лицами, а также физическими и юридическими лицами [44, с. 30]. С другой стороны, законность – это такой порядок отношений в обществе, при котором точно соблюдаются и

исполняются законы [45, с. 3]. В соответствии с данным принципом создание и использование государственных и муниципальных информационных систем должно осуществляться в строгом соответствии с законодательством всех уровней. Это означает не только следование нормативно установленным процедурам и правилам в отношениях по созданию и использованию ИС, но и требование к самой информационной системе как специфическому элементу правовой системы.

Принципы справедливости и соразмерности являются тесно связанными. Д. И. Дедов указывает, что принцип соразмерности играет особую роль по ограничению власти государства по отношению к индивиду, поэтому он особенно близок по содержанию к принципам, обеспечивающим защиту основных прав и свобод человека и гражданина, среди которых принцип правового государства и принцип уважения основных прав и свобод, принцип справедливости, принцип юридической безопасности (принцип правомерных ожиданий) [46, с. 47; 47]. М. В. Пресняков в своем исследовании принципа справедливости выделяет дистрибутивную справедливость, связанную с понятиями «соразмерности», разумной и обоснованной дифференциации объема прав, льгот, гарантий, которые предоставляются отдельным категориям граждан, и ретрибутивную справедливость, охватывающую вопросы соразмерности ограничений основных прав человека и гражданина, адекватности и пропорциональности законодательного регулирования условий и порядка их реализации, соразмерности юридической ответственности и т.п. [48, с. 190]. На основе принципов справедливости и соразмерности строится производный общеправовой принцип обеспечения баланса публичных и частных интересов, который используется, в частности, при установлении обязанности граждан, иных лиц предоставлять информацию в государственные и муниципальные информационные системы.

Важное значение для правового режима имеют и отраслевые принципы, которые представляют собой «специфические способы и концептуальные основы взаимодействия предмета и метода правового регулирования, пронизывающие своими “красными нитями” ткань нормативного материала, определяющие своеобразие целей и задач правового регулирования, а также направления и тенденции реформирования и доктринального переосмысления векторов развития соответствующей отрасли права» [49, с. 40]. Здесь следует особенно указать на принцип открытости информации (используется при установлении прав пользователей государствен-

ных и муниципальных ИС), принцип достоверности информации (влияющий на содержание обязанностей всех участников информационных правоотношений), принцип технологической обусловленности (отражающий влияние самих информационных систем, их функциональных и качественных характеристик на содержание предметных правоотношений) [25, с. 138–150], принцип обеспечения информационной безопасности [50, с. 40–63]. Заслуживает внимания предлагаемый А. В. Морозовым принцип применения современных информационных технологий для обеспечения автоматизированной обработки сведений и их передачи по цифровым линиям связи и др. [51, с. 180].

Наконец, важное значение имеет выделение и правовая разработка принципов института государственных и муниципальных информационных систем, которые обуславливают специфику данного института и вместе с общеправовыми, межотраслевыми и отраслевыми принципами образуют «единую и неделимую цепь начал» [52, с. 84]. Мы считаем необходимым выделить следующие:

- принцип соблюдения прав граждан при автоматизированной обработке информации;
- презумпция достоверности информации в государственных и муниципальных информационных системах;
- принцип технологической нейтральности, который может трактоваться в широком и узком смысле. В широком смысле под ним понимают комплекс законодательных и организационных мер, способствующих развитию свободного конкурентного ИТ-рынка в интересах потребителей [53, с. 26]. В узком смысле он означает недопустимость установления предпочтений одних информационных технологий перед другими. В Законе об информации [54] этот принцип закреплен в ч. 8 ст. 3, но для государственных информационных систем сделано исключение;
- принцип приоритетного использования отечественного программного обеспечения в составе государственных и муниципальных информационных систем. Данные принципы, на наш взгляд, вполне совместимы: если принцип технологической нейтральности касается средств, которые участники информационного взаимодействия применяют при использовании информационной системы, то принцип приоритетного использования отечественного ПО касается программных средств и информационных технологий, используемых на этапе создания информационной системы (в том числе входящих в состав ИС). Таким образом, мы предлагаем трактовать принцип техноло-

гической нейтральности в данной сфере как недопустимость установления нормативными правовыми актами ограничений использования программных средств и информационных технологий для доступа граждан к государственным и муниципальным информационным системам;

- равноправие языков народов Российской Федерации при создании информационных систем и их эксплуатации;
- однократность размещения информации в ГМИС и многократность ее использования;
- соответствие правового обеспечения информационной системы ее фактическим возможностям и характеристикам.

В действующих правовых актах и комментариях к ним также выделяются принципы создания и эксплуатации конкретных информационных систем, причем в их состав включают как общеправовые и отраслевые принципы, так и требования к ИС, которые при всей их значимости нельзя отнести к категории принципов (например, использование электронной цифровой подписи, интеграция с иными информационными системами, обеспечение авторизованного доступа, непрерывность и бесперебойность функционирования и др.). Представляется несостоятельной идея о существовании особой системы принципов, действующих в отношении конкретного индивидуально определенного объекта, даже столь сложного и многоаспектного как государственная или муниципальная информационная система.

Важнейшее значение для изучения правового режима ГМИС имеет анализ его *нормативных элементов* – групп взаимосвязанных правовых норм, регулирующих отдельные общественные отношения по поводу информационной системы. Идентификация таких элементов правового режима является также важным шагом на пути систематизации и унификации законодательства о государственных и муниципальных информационных системах.

Как справедливо отмечает Л. К. Терещенко, одним из основных элементов любого правового режима являются субъекты, их юридическое положение [33, с. 133]. Состав субъектов правоотношений по поводу создания и использования государственных и муниципальных информационных систем образуют три основные группы, которые нередко объединяются термином «участники информационного взаимодействия»: 1) пользователи информации – лица, имеющие право на получение информации, хранящейся в государственной (муниципальной) ИС; 2) поставщики информации – лица, предоставляющие сведения в информационную систему; 3) оператор информационной системы, осуществляющий

деятельность по эксплуатации системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных. На основе субъектного состава может быть осуществлена первичная идентификация элементов как общего, так и специальных и особых правовых режимов государственных (муниципальных) информационных систем.

Другим способом выделения элементов правового режима информационной системы является анализ самой ИС как системного образования. Правовые режимы отдельных элементов государственной (муниципальной) информационной системы – информационных ресурсов, программных и технических средств, баз данных – оказывают значительное влияние на содержание ее правового режима.

Наконец, элементы правового режима ГМИС могут быть идентифицированы в соответствии с теми видами правоотношений, которые возникают по ее поводу. Соответственно, можно выделить блоки правовых норм, связанных с использованием и созданием ИС. Здесь заслуживает упоминания точка зрения Л. К. Терещенко, согласно которой правоотношения по созданию государственных (муниципальных) информационных систем не относятся к их правовому режиму: «...порядок создания любого объекта, в том числе информационного, не может являться элементом его правового режима, хотя бы потому, что объект режима как таковой отсутствует, его еще только предстоит создать» [21, с. 51]. Мы не вполне согласны с этим мнением, поскольку считаем, что государственные и иные информационные системы становятся индивидуальным обособленным объектом правоотношений и начинают свое существование в этом качестве уже с момента появления их проектной документации и/или в правовых актах.

На наш взгляд, обязательными нормативными элементами правового режима государственной (муниципальной) информационной системы являются:

- цель создания и назначение информационной системы;
- требования к составу и содержанию информационного ресурса ИС;
- требования к техническому, программному, лингвистическому обеспечению информационной системы;
- требования к процессам создания информационной системы (включая ввод в эксплуатацию, модернизацию, вывод из эксплуатации);
- правовой статус поставщиков информации;
- правовой статус пользователей информации;
- правовой статус оператора (операторов) информационной системы.

Результаты

Информационно-правовой режим государственных и муниципальных информационных систем представляет собой важную категорию для изучения, систематизации, унификации и совершенствования правового обеспечения таких информационных систем, формирования на их основе программно-технологической платформы, отвечающей интересам, задачам и приоритетам всех основных участников цифровой экономики. В структуре правового режима ГМИС могут быть выделены нормативные и ненормативные элементы. Особое значение среди последних имеют цель установления правового режима, принципы института государственных и муниципальных информационных систем. Блок нормативных элементов формируется, в первую очередь, нормами, определяющими правовой статус участников информационных отношений, связанных с созданием и использованием ГМИС. Дальнейшее комплексное изучение информационно-правового режима государственных и муниципальных информационных систем, а также его отдельных элементов представляется крайне важным для решения задач технологического и правового обеспечения цифровой экономики.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-03-00082-ОГН).

Список литературы

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 4-е изд. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. 528 с.
2. Рушайло В. Б. Специальные административно-правовые режимы в сфере обеспечения общественной безопасности. М. : Спутник+, 2003. 152 с.
3. Матузов Н. И., Малько А. В. Политико-правовые режимы : актуальные аспекты // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 63–71.
4. Бахрах Д. Н. Административное право : учебник. М. : Бек, 1993. 302 с.
5. Родионов О. С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 157 с.
6. Бачило И. Л. Информационное право : учебник. 2-е изд. М. : Юрайт, 2011. 252 с.
7. Ковалева Н. Н. Информационное право России : учеб. пособие. М. : Дашков и К°, 2007. 360 с.
8. Бахрах Д. Н., Татарян В. Г. Административное право России. М. : Эксмо, 2009. 602 с.
9. Шалаева Т. З. Правовой режим информационных ресурсов : проблемы правопонимания // Информационное право. 2014. № 4. С. 4–9.

10. Мухаев Р. Т. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : ПРИОР, 2001. 464 с.
11. Шамсумова Э. Ф. Правовые режимы : Теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 213 с.
12. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс. М. : Изд. г-на Тихомирова М. Ю., 2005. 697 с.
13. Измайлов Д. С. Режимы государственной службы в РФ и их роль в реализации правоохранительной функции. Рязань : Изд-во Акад. права и управления Минюста России, 2003. 236 с.
14. Валеев М. М. Вещи как объекты гражданских правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 215 с.
15. Куценко В. В. Правовой режим недвижимости : проблемы и пути их решения // Законодательство и экономика. 2006. № 10. С. 23–46.
16. Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М. : Статут, 2006. 336 с.
17. Исаков В. Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М. : Юрид. лит., 1987. 448 с.
18. Алексеев С. С. Теория права. М. : Бек, 1995. 320 с.
19. Мелехин А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Маркет ДС, 2007. 640 с.
20. Леоненко Н. Т. Административно-правовые режимы в Российской Федерации : курс лекций. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. 434 с.
21. Терещенко Л. К. Правовой режим информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 54 с.
22. Ковалева Н. Н. Административно-правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2014. 366 с.
23. Гладкая Е. И. Правовой режим доменного имени в России и США : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 214 с.
24. Волеводз А. Г. Основы правового режима компьютерной информации и Интернет // Правовые вопросы связи. 2004. № 1. С. 27–30.
25. Кузнецов П. У. Основы информационного права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2014. 312 с.
26. Полякова Т. А. Информационно-правовые учетные системы федеральных органов государственной власти : опыт создания и проблемы // Административное право и процесс. 2015. № 10. С. 23–30.
27. Жернова В. М. Определение правового режима информационных систем // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 13 (368). Право. Вып. 42. С. 62–68.
28. Кафтаникова В. М. Правовое регулирование информационных систем персональных данных // Вестн. УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 2. С. 14–19.
29. Ковалева Н. Н. Правовая природа государственных информационных ресурсов // Информационные ресурсы России. 2012. № 2. С. 24–27.
30. Ковалева Н. Н. Правовой режим информационных ресурсов // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2012. № 3. С. 111–116.
31. Ковалева Н. Н. Правовой режим информационного обеспечения государственного управления // Информационная безопасность регионов. 2013. № 1 (12). С. 121–125.
32. Кузнецов П. У. Теоретические основания информационного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 54 с.
33. Терещенко Л. К. Правовой режим информации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 415 с.
34. Галенпольский Ф. С. Правовое положение человека и гражданина в условиях особых правовых режимов (конституционное регулирование) // Сиб. юрид. вестн. 2004. № 4. С. 15–20.
35. Майдыков А. Ф., Мелехин А. В. Проблемы формирования законодательства об особых правовых режимах в Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 10 (106). С. 95–107.
36. Соколова О. С. Структура административно-правового режима муниципальных информационных систем // Современное право. 2012. № 4. С. 43–48.
37. Мачугин М. А. Актуальные проблемы правового регулирования использования информационных систем при проведении оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» // Юридический мир. 2013. № 8. С. 66–68.
38. Беляева Г. С. Структура правового режима : общетеоретический аспект // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2012. № 5. С. 22–25.
39. Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. 192 с.
40. Розанов И. С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура // Государство и право. 1996. № 9. С. 84–91.
41. Минбалева А. В. Характеристика метода правового регулирования (на примере информационного права) // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Право. 2013. Т. 13, № 2. С. 91–94.
42. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001. 416 с.
43. Ведяхин В. М., Ведяхина К. В. Понятие и классификация принципов права // Право и политика. 2002. № 4. С. 19–28.
44. Блинов В. М. Законность и правопорядок в советском обществе. М. : Правда, 1971. 96 с.
45. Лунев А. Е. Обеспечение законности в советском государственном управлении. М. : Юрид. лит., 1963. 158 с.
46. Дедов Д. И. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 423 с.
47. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыноч-

- ной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юристъ, 2002. 286 с.
48. Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости : юридическая природа и нормативное содержание : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. 469 с.
 49. Даниленков А. В. Интернет-право. М. : Юстициформ, 2014. 232 с.
 50. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. Т. А. Поляковой, А. А. Стрельцова. М. : Юрайт, 2016. 326 с.
 51. Актуальные проблемы информационного права : учебник / отв. ред. И. Л. Бачило, М. А. Лапина. М. : Юстиция, 2016. 532 с.
 52. Минбалеев А. В. Принципы информационного права // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Право. 2015. Т. 15, № 1. С. 79–84.
 53. Жарова А. К., Гутникова А. С., Мальцева С. В., Елин В. М. Законодательная поддержка принципа технологической нейтральности в информационных системах // Бизнес-информатика. 2012. № 4. С. 25–32.
 54. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.

Образец для цитирования:

Амелин Р. В. Информационно-правовой режим государственных и муниципальных информационных систем // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 455–465. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-455-465>

The Legal Regime of State and Municipal Information Systems

R. V. Amelin

Roman V. Amelin, <https://orcid.org/0000-0002-7054-5757>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ame-roman@yandex.ru

Introduction. State and municipal information systems are the most important tools for building the platform of e-government and of the digital economy. Systemic study and improvement of their legal support is possible through the category of “legal regime”.

Theoretical analysis. Administrative and object legal regimes are singled out. The legal regime of information systems refers to the objective ones. The legal regime of the state (municipal) information system is a set of interrelated legal means to achieve the desired social effect of using the state (municipal) information system. **Empirical analysis.** Structurally legal regime is a system of interrelated and interacting elements, among which normative and non-normative elements can be singled out. The purpose of establishing a legal regime, the principles of the institution of state and municipal information systems are of particular importance among non-normative elements. The block of normative elements is formed, first of all, by the norms determining the legal status of participants in information relations related to the creation and use of state and municipal information systems. **Results.** There are the following mandatory regulatory elements of the legal regime of the state (municipal) information system: the purpose of creating and designating an information system; requirements for the composition and content of the information resource; requirements for technical, software, linguistic support of the information system; requirements for the processes of creating an information system (including commissioning, modernization, decommissioning); the legal status of information providers; the legal status of users of information; legal status of the information system operator.

Key words: state information systems, legal regime, legal principles, institution of law, information.

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 17-03-00082-OGN).

References

1. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teoriia gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Delo Publ., 2016. 528 p. (in Russian).
2. Rushailo V. B. *Spetsial'nye administrativno-pravovye rezhimy v sfere obespecheniia obschestvennoi bezopasnosti* [Special administrative and legal regimes in the field of public security]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2003. 152 p. (in Russian).
3. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Political and legal regimes: current aspects. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1997, no. 1, pp. 63–71 (in Russian).
4. Bakhrakh D. N. *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, Bek Publ., 1993. 302 p. (in Russian).
5. Rodionov O. S. *Mekhanizm ustanovleniia pravovykh rezhimov rossiiskim zakonodatel'stvom* [The mechanism of establishing legal regimes by Russian legislation]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2001. 157 p. (in Russian).
6. Bachelo I. L. *Informatsionnoe pravo* [Information law]. Moscow, Yurayt Publ., 2011. 252 p. (in Russian).
7. Kovaleva N. N. *Informatsionnoe pravo Rossii* [Information law of Russia]. Moscow, Dashkov i K^o Publ., 2007. 360 p. (in Russian).
8. Bakhrakh D. N., Tatarian V. G. *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 602 p. (in Russian).
9. Shalaeva T. Z. Legal regime of information resources: problems of legal understanding. *Informatsionnoe pravo* [Information law], 2014, no. 4, pp. 4–9 (in Russian).
10. Mukhaev R. T. *Teoriia gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, PRIOR Publ., 2001. 464 p. (in Russian).

11. Shamsumova E. F. *Pravovye rezhimy: Teoreticheskii aspekt* [Legal Regimes: Theoretical Aspect]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Ekaterinburg, 2001. 213 p. (in Russian).
12. Tikhomirov Yu. A. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process]. Moscow, Izdanie Tikhomirova M. Yu., 2005. 697 p. (in Russian).
13. Izmailov D. S. *Rezhimy gosudarstvennoi sluzhby v RF i ikh rol' v realizatsii pravookhranitel'noi funktsii* [Regimes of the civil service in the Russian Federation and their role in the implementation of law enforcement functions]. Ryazan, Publ. House of Acad. Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2003. 236 p. (in Russian).
14. Valeev M. M. *Veschi kak ob"ekty grazhdanskikh pravootnosheniy* [Things as objects of civil legal relations]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Ekaterinburg, 2003. 215 p. (in Russian).
15. Kushchenko V. V. Legal regime of real estate: problems and ways of their solution. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and economics], 2006, no. 10, pp. 23–46 (in Russian).
16. Chubarov V. V. *Problemy pravovogo regulirovaniia nedvizhimosti* [Problems of legal regulation of real estate]. Moscow, Statute Publ., 2006. 336 p. (in Russian).
17. Isakov V. B. The mechanism of legal regulation and legal regimes. In: *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of theory of state and law. Ed. by S. S. Alekseev. Moscow, Juridical Literature Publ., 1987. 448 p. (in Russian)].
18. Alekseev S. S. *Teoriia prava* [Theory of Law]. Moscow, Bek Publ., 1995. 320 p. (in Russian).
19. Melekhin A. V. *Teoriia gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Market DS Publ., 2007. 640 p. (in Russian).
20. Leonenko N. T. *Administrativno-pravovye rezhimy v Rossiiskoi Federatsii* [Administrative and legal regimes in the Russian Federation]. Novosibirsk, Publ. House of the SAPA, 2015. 434 p. (in Russian).
21. Tereshchenko L. K. *Pravovoi rezhim informatsii* [Legal regime of information]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2011. 54 p. (in Russian).
22. Kovaleva N. N. *Administrativno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v gosudarstvennom upravlenii* [Administrative and legal regulation of the use of information technology in public administration]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Saratov, 2014. 336 p. (in Russian).
23. Gladkaia E. I. *Pravovoi rezhim domennogo imeni v Rossii i SShA* [Legal regime of the domain name in Russia and the USA]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2014. 214 p. (in Russian).
24. Volevodz A. G. Fundamentals of the legal regime of computer information and the Internet. *Pravovye voprosy svyazi* [Legal issues of communication], 2004, no. 1, pp. 27–30 (in Russian).
25. Kuznetsov P. U. *Osnovy informatsionnogo prava* [Fundamentals of Information Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 312 p. (in Russian).
26. Poliakova T. A. Information and legal accounting systems of federal bodies of state power: experience of creation and problems. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2015, no. 10, pp. 23–30 (in Russian).
27. Zhernova V. M. The legal regime of information systems. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 13 (368), Law, iss. 42, pp. 62–68 (in Russian).
28. Kaftannikova V. M. Legal regulation of information systems of personal data. *Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informatsionnoi sfere* [UrFR Newsletter. Information Security], 2012, no. 2, pp. 14–19 (in Russian).
29. Kovaleva N. N. Legal nature of state information resources. *Informatsionnye resursy Rossii* [Information resources of Russia], 2012, no. 2, pp. 24–27 (in Russian).
30. Kovaleva N. N. Legal regime of information resources. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2012, no. 3, pp. 111–116 (in Russian).
31. Kovaleva N. N. Legal regime of information support of public administration. *Informatsionnaia bezopasnost' regionov* [Information security of regions], 2013, no. 1 (12), pp. 121–125 (in Russian).
32. Kuznetsov P. U. *Teoreticheskie osnovaniia informatsionnogo prava* [Theoretical grounds of information law]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Ekaterinburg, 2005. 34 p. (in Russian).
33. Tereshchenko L. K. *Pravovoi rezhim informatsii* [Legal regime of information]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2011. 415 p. (in Russian).
34. Galenpol'skii F. S. The legal status of man and citizen in the conditions of special legal regimes (constitutional regulation). *Sibirskiy iuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2004, no. 4, pp. 15–20 (in Russian).
35. Maidikov A. F., Melekhin A. V. Problems of the formation of legislation on special legal regimes in the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2005, no. 10 (106), pp. 95–107 (in Russian).
36. Sokolova O. S. Structure of the administrative and legal regime of municipal information systems. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2012, no. 4, pp. 43–48 (in Russian).
37. Machugin M. A. Current problems of the legal regulation of the use of information systems in the conduct of the operational-search measures “inquiries”. *Iuridicheskii mir* [The legal world], 2013, no. 8, pp. 66–68 (in Russian).
38. Beliaeva G. S. Structure of the legal regime: general theoretical aspect. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2012, no. 5, pp. 22–25 (in Russian).
39. *Teoriya iuridicheskogo protsessa* [Theory of legal process. By total ed. V. M. Gorshenev]. Kharkov, 1985. 192 p. (in Russian).
40. Rozanov I. S. Administrative and legal regimes under the legislation of the Russian Federation, their purpose and structure. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1996, no. 9, pp. 84–91 (in Russian).

41. Minbaleev A. V. Characteristics of the method of legal regulation (on the example of information law). *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law], 2013, vol. 13, no. 2, pp. 91–94 (in Russian).
42. Baitin M. I. *Suschnost' prava (sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [The essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries)]. Saratov, SGAP Publ., 2001. 416 p. (in Russian).
43. Vediakhin V. M., Vediakhina K. V. Concept and classification of principles of law. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2002, no. 4, pp. 19–28 (in Russian).
44. Blinov V. M. *Zakonnost' i pravoporiadok v sovetskom obschestve* [Law and order in Soviet society]. Moscow, Pravda Publ., 1971. 96 p. (in Russian).
45. Lunev A. E. *Obespechenie zakonnosti v sovetskom gosudarstvennom upravlenii* [Maintenance of legality in soviet public administration]. Moscow, Juridical Literature Publ., 1963. 158 p. (in Russian).
46. Dedov D. I. *Realizatsiia printsipa sorazmernosti v pravovom regulirovanii predprinimatel'skoi deiatel'nosti* [Realization of the principle of proportionality in the legal regulation of business activities]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2005. 423 p. (in Russian).
47. Gadzhiev G. A. *Konstitutsionnye printsipy rynochnoi ekonomiki (razvitie osnov grazhdanskogo prava v resheniiakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii)* [Constitutional principles of market economy (development of the foundations of civil law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. Moscow, Jurist Publ., 2002. 286 p. (in Russian).
48. Presniakov M. V. *Konstitutsionnyi printsip spravedlivosti: iuridicheskaya priroda i normativnoe soderzhanie* [The constitutional principle of justice: the legal nature and normative content]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Saratov, 2009. 469 p. (in Russian).
49. Danilenkov A. V. *Internet-pravo* [Internet law]. Moscow, Justicinform, 2014. 232 p. (in Russian).
50. *Organizatsionnoe i pravovoe obespechenie informatsionnoi bezopasnosti* [Organizational and legal support of information security. Ed. by T. A. Poliakova, A. A. Strel'tsov]. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 326 p. (in Russian).
51. *Aktual'nye problemy informatsionnogo prava* [Current problems of information law. Ed. by I. L. Bachilo, M. A. Lapina]. Moscow, Justice Publ., 2016. 532 p. (in Russian).
52. Minbaleev A. V. Principles of Information Law. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law], 2015, vol. 15, no.1, pp. 79–84 (in Russian).
53. Zharova A. K., Gutnikova A. S., Mal'tseva S. V., Elin V. M. Legislative support of the principle of technological neutrality in information systems. *Biznes-informatika* [Business Informatics], 2012, no. 4, pp. 25–32 (in Russian).
54. On information, information technologies and protection of information. Federal Law of 27.07.2006 no. 149-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 31 (pt.1), art. 3448 (in Russian).

Cite this article as:

Amelin R. V. The Legal Regime of State and Municipal Information Systems. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 455–465 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-455-465>

УДК 342.571

КАТЕГОРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ» В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Е. В. Бердникова

Бердникова Елена Валерьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, berev79@yandex.ru

Введение. Данная статья подвергает анализу конституционное законодательство зарубежных стран на предмет наличия в нем нормативного закрепления категории «общественный контроль». Изучаются юридико-технические подходы к определению содержания данного понятия, применяемые в иностранных государствах, а также выделяются общие и специфические черты институционализации общественного контроля в национальных правовых системах. Основная цель работы заключается в исследовании особенностей правопонимания и право-реализации общественного контроля в зарубежных странах.

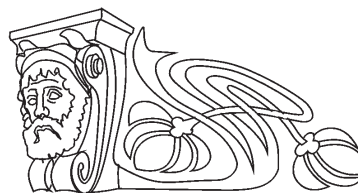
Результаты. Проведен анализ норм конституций зарубежных государств, закрепляющих основы народовластия. В статье показана зависимость использования категории «общественный контроль» в конституционном законодательстве стран в зависимости от национальных особенностей организации и функционирования политико-правовых систем. Особое внимание уделено влиянию российской правовой системы на развитие законодательства в сфере общественного контроля в странах СНГ. **Заключение.** Автор приходит к выводу, что зарубежные страны достаточно редко используют концепцию общественного контроля, заменяя ее в большинстве случаев концепцией гражданского участия, предполагающей, по сути, идентичные формы и способы взаимодействия государства и гражданского общества.

Ключевые слова: общественный контроль, конституция, модельный закон, гражданское участие.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-466-471>

Введение

Анализ результатов развития правовых основ взаимодействия государства и гражданского общества в Российской Федерации позволяет прийти к однозначному выводу, что общественный контроль стал неотъемлемой частью отечественной политико-правовой системы. Данное умозаключение обусловлено тем, что за последние годы произошла не только концептуализация самого понятия общественного контроля, но и сформировалась четкая структура рассматриваемого института, включающая широкий перечень субъектов, форм и методов своего осуществления с учетом историко-культурных и национальных особенностей нашего государства. С этой точки зрения особый интерес вызывает компаративное

исследование специфических черт контрольного механизма гражданского общества, сформировавшегося в зарубежных странах, которое в итоге позволит ответить на ряд актуальных вопросов, в том числе связанных с констатацией идиоматичности категории «общественный контроль» для российской правовой системы.

Результаты

Говоря о формализации положений об общественном контроле в конституциях зарубежных стран, следует отметить, что подавляющее большинство конституционных документов иностранных государств не содержат данного понятия, закрепляя только основы народного суверенитета и демократическую основу организации государственной власти. Данное обстоятельство отнюдь не означает отсутствия в этих странах контрольного механизма гражданского общества и подотчетности населению органов власти. Практически во всех демократических государствах реализуются те или иные формы общественного контроля, включающие общественные инициативы и мониторинг, публичные обсуждения и слушания, а также деятельность неправительственных организаций и общественных консультативных органов. Речь в данном случае идет о том, что в силу исторических, культурных и национальных факторов понятие «общественный контроль» заменяется иными категориями, например, гражданским участием или транспарентностью власти, хотя, по сути, предусматривает тождественный механизм реализации.

Вместе с тем в конституциях отдельных государств можно найти нормы, провозглашающие общественный контроль в политической и правовой системе. В большинстве своем эти страны имеют характерную специфику организации государственной власти, идеологические и национально-культурные особенности. К указанной категории относится в первую очередь Китайская Народная Республика, которая в ст. 3 Конституции закрепила общественный контроль в сфере деятельности представительных органов: «Всеитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней избираются

демократическим путем, ответственны перед народом и находятся под его контролем» [1, с. 673].

Переходная Конституция Непала 2007 г. дословно не закрепляет общественного контроля, однако содержит норму, регламентирующую обязанность государства обеспечивать мониторинг со стороны гражданского общества в качестве гарантии народного суверенитета наряду с многопартийной состязательной демократией, суверенной властью и верховенством народа, полной независимостью прессы, правом народа на информацию, транспарентностью и подотчетностью в деятельности политических партий, участием народа в жизни страны [2].

В ст. 287 Конституции Королевства Таиланд 2007 г. устанавливается обязанность местных органов власти информировать население о подготовке ассигнования, расходах и результатах осуществления их полномочий на ежегодной основе в целях повышения уровня общественной экспертизы и контроля за их деятельностью [3].

Помимо стран Азии положения об общественном контроле можно найти, например, в конституциях отдельных государств Ближневосточного региона и Латинской Америки.

В ст. 10 Конституции Сирийской Арабской Республики 2012 г. говорится следующее: «Общественные организации, профессиональные союзы и ассоциации должны быть органами, группирующими граждан для развития общества и достижения интересов его членов. Государство должно гарантировать независимость данных органов и право на осуществление общественного контроля и участия в различных секторах и советах, определенных законами, в сферах, достигающих их целей, и в соответствии с условиями, предписанными законом» [4].

Наиболее детальный подход к регламентации общественного контроля демонстрирует Конституция Венесуэлы 2009 г., которая, закрепляя политические права, в ст. 62 провозглашает: «Все граждане имеют право свободно участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Участие народа в формировании публичной администрации и осуществлении контроля за ее деятельностью является необходимым средством контроля, гарантией его всестороннего развития. Долгом государства и обязанностью общества является способствование созданию наиболее благоприятных условий для осуществлению такого права» [5]. Помимо прочего, регламентируется право избирателей требовать от своих представителей достоверных периодических публичных отчетов об их деятельности в соответствии с представленной программой.

Также в Конституции Венесуэлы приводится исчерпывающий перечень форм участия народа в реализации политических прав, таких как выборы, референдум, общественный опрос, отзыв мандата, законодательная, конституционная и учредительная инициативы, участие в открытых муниципальных собраниях и ассамблеях граждан, которые носят обязывающий характер. Рассматриваемый документ – один из немногих, регламентирующих институт отзыва, который можно рассматривать как форму общественного контроля. В ст. 72 говорится: «Все выборные должностные лица и судьи могут быть отозваны. По прошествии половины срока, на который было избрано должностное лицо, не менее двадцати процентов избирателей, зарегистрированных в данном избирательном округе, могут ходатайствовать о созыве референдума для отзыва его мандата...» [5].

Наибольшую степень разработанности норм об общественном контроле можно отметить в законодательстве стран СНГ. В ряде указанных государств в последние годы наметилась тенденция к правовому закреплению данного института в форме отдельного законодательного акта. Во многом это обстоятельство связано с определенным влиянием правовой системы Российской Федерации на развитие национального законодательства стран СНГ. Кроме того, Межпарламентской ассамблеей государств-участников Содружества 28 марта 2017 г. с целью оказания содействия странам Содружества в создании правовых основ организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов публичной власти и иных публичных органов и организаций был принят Модельный закон СНГ «Об основах общественного контроля» (далее – Модельный закон) [6]. Следует отметить, что модельное законодательство уже давно стало синонимом гармоничного развития правовых систем государств, объединенных в рамках единого содружества. По мнению ряда авторов, отличительной особенностью принятия модельных законов является то, что имплементация модельного регулирования в национальное законодательство не гарантирует точного воспроизведения модели, а предполагает при соблюдении общих принципов учет национальных особенностей [7]. Однако получивший большое распространение в странах СНГ метод международно-договорной унификации права имеет определенный недостаток ввиду того, что при относительно большом количестве международных договоров лишь немногие способны эффективно решать проблему унификации и гармонизации права [7]. Значительные различия в основах по-

литических и правовых систем государств также могут считаться серьезным пробелом использования данного метода.

Комплексный анализ Модельного закона характеризует его как усеченную в отдельных нормативных конструкциях копию Федерального закона от 21.07.2012 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Сопоставляя структуру и содержание федерального и Модельного законов, следует заключить, что идентичную трактовку в них имеют определение, принципы, формы, цели и задачи общественного контроля.

Вместе с тем Модельный закон дополнен еще одной задачей – содействием формированию и развитию гражданского общества. Также указанные акты рождают регламентация информационного обеспечения общественного контроля, положения о доступе к информации об общественном контроле, перечень субъектов, однако в качестве оговорки Модельным законом закрепляется, что нормативными правовыми актами может быть предусмотрено осуществление общественного контроля иными объединениями граждан в сфере их деятельности.

Из правомочий субъектов общественного контроля в Модельном законе изъята нормативная возможность обращаться в суд в защиту прав неопределенного круга лиц, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами. Вместе с тем добавлена еще одна обязанность – в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами, подготавливать по результатам осуществления общественного контроля итоговый документ и направлять его на рассмотрение в органы публичной власти и иные органы и организации, осуществляющие публичные полномочия, а также в средства массовой информации.

Нормы о конфликте интересов при осуществлении общественного контроля также подверглись некоторым изменениям – изъяты трактовки, определяющие конфликт интересов и личную заинтересованность субъектов контроля.

Исходя из того, что субъекты общественного контроля могут наделяться особым правовым статусом с учетом национального законодательства, в Модельном законе отсутствуют общие положения, регламентирующие правовой статус основных субъектов общественного контроля, перечисленные в законе.

Без изменений остались нормы, регламентирующие взаимодействие субъектов обще-

ственного контроля с органами власти и иными органами и организациями, осуществляющими публичные полномочия, идентичны права и обязанности последних.

При определении ответственности за нарушение законодательства об общественном контроле Модельный закон об общественном контроле дополнен еще одним пунктом, регламентирующим ответственность, установленную нормативными правовыми актами за невыполнение органом власти и иными органами и организациями, осуществляющими публичные полномочия, обязанностей, предусмотренных указанным законом.

В правовых системах государств-участников Содружества в конституционных нормах практически отсутствует концептуализация общественного контроля. Единственное исключение, пожалуй, можно найти в Конституции Кыргызской Республики, где в ч. 5 ст. 110 указывается, что формирование и исполнение местного бюджета осуществляются с соблюдением принципов прозрачности, участия общественности, подотчетности органов местного самоуправления перед местным сообществом [8].

Несмотря на то, что в законодательстве стран СНГ отсутствуют нормативные акты, предметом регулирования которых является общественный контроль, говорить о пробельности данной сферы в указанных государствах все же было бы не совсем правильно. Так, по мнению Г. Юсуповой, общественный контроль как условие деятельности государственных органов в Узбекистане существует много веков, хотя официально нигде не закреплялся [9]. В числе доказательств его наличия она приводит целый перечень нормативных правовых актов, включая Конституцию Республики Узбекистан, Гражданский кодекс, законы, регулирующие правовой статус негосударственных некоммерческих организаций, общественных фондов, профессиональных союзов, объединений предпринимателей и т.д., а также автор акцентирует внимание на непосредственной деятельности многочисленных общественных организаций как факторе создания и реализации общественного контроля.

Следует отметить, что, помимо Узбекистана, акты, посвященные правовому регулированию статуса отдельных субъектов общественного контроля, таких как, например, общественные объединения, общественные советы и т.д., приняты и в других государствах-участниках СНГ. Например, в Кыргызской Республике действует Закон «Об общественных советах государственных органов», который определяет правовой статус

общественных советов как консультативно-наблюдательных органов, созданных на общественных началах из представителей гражданского общества для взаимодействия и сотрудничества с министерствами, государственными комитетами и административными ведомствами, а также для осуществления общественного мониторинга над деятельностью этих органов [10].

Правовой статус общественных советов также закреплен в законодательстве Республики Казахстан, задачами деятельности которых являются: представление интересов гражданского общества и учет мнения общественности при обсуждении и принятии решений на республиканском и местном уровнях; развитие взаимодействия центральных и местных исполнительных органов и органов местного самоуправления с гражданским обществом; организация общественного контроля и обеспечение прозрачности деятельности центральных и местных исполнительных органов и органов местного самоуправления [11].

Среди законодательных актов стран СНГ, регулирующих отдельные аспекты общественного контроля, особо следует отметить Закон Азербайджанской Республики от 22 ноября 2013 г. № 816-IVQ «Об общественном участии», который под общественным участием понимает участие граждан и институтов гражданского общества в подготовке и осуществлении государственной политики в различных сферах государственной и общественной жизни, принятии решений на общегосударственном и местном уровнях, организации общественного контроля над деятельностью определенных соответствующим органом исполнительной власти центральных органов исполнительной власти, местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, консультацию государственных органов и органов местного самоуправления с общественностью и принятие во внимание общественного мнения [12]. В число основных форм общественного участия включены, например, такие, как общественное обсуждение, общественное слушание, письменная консультация, деятельность общественных советов и т.д.

Заключение

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, следует сделать ряд выводов, которые позволят синтезировать исследуемые аспекты.

Во-первых, анализ зарубежного законодательства в сфере общественного контроля позволяет заключить, что концептуализированных

аналогов российского общественного контроля практически не существует. В контексте зарубежного и международно-правового регулирования указанной сферы необходимо говорить о том, что происходит подмена понятия «контроль» на более широкую в смысловой парадигме дефиницию «участие», а потому мировой доктриной демократии развита именно концепция гражданского участия, включающая в том числе привычные нам формы общественного контроля.

Во-вторых, модельное законодательство в рамках Содружества независимых государств является одним из основных направлений имплементации норм российского законодательства в области общественного контроля в правовые системы государств-участников Содружества, что обуславливает устойчивую тенденцию к концептуализации и одновременно институционализации общественного контроля в странах СНГ. Свидетельством процессов унификации в данной сфере служит активная разработка отдельными государствами-участниками Содружества проектов нормативных правовых актов, предметом которых является общественный контроль (например, Республика Казахстан, Республика Узбекистан).

Список литературы

1. Конституция Китайской Народной Республики от 04.12.1982 // Избранные конституции зарубежных стран : учеб. пособие / отв. ред. Б. А. Страшун. М. : Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. 795 с.
2. Переходная Конституция Непала от 15.01.2007 // Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 2. Средняя Азия и Индостан. М. : Норма, 2010. 1024 с.
3. Конституция Королевства Таиланд от 24.08.2007 // Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 3. Дальний Восток. М. : Норма, 2010. 1037 с.
4. Конституция Сирийской Арабской Республики : принята на референдуме 26.02.2012 // Сирийское арабское информационное агентство SANA : [сайт]. URL: http://www.sana.sy/ru/?page_id=1489 (дата обращения: 19.10.2017).
5. Constitución vigente de Venezuela de 1999 con la Enmienda № 1 de fecha 15 de febrero de 2009 // Gaceta Oficial Extraordinario. 1999. № 5.908.
6. Модельный закон СНГ «Об основах общественного контроля» : Принят на сорок шестом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 46-19 от 27 марта 2017 года) // Межпарламентская ассамблея государств-участников Содружества независимых государств : [сайт]. URL: http://iacis.ru/upload/iblock/9a6/prilozhenie-k-postanovleniyu-46_19.pdf (дата обращения 23.10.2017).

7. Доронина Н. Г., Лукьянова В. Ю., Семилютин Н. Г., Тиунов О. И. Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства. М. : Ин-т зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ ; КОНТРАКТ, 2012. 72 с.
8. Конституция Кыргызской Республики от 27.06.2010 // Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 2. Средняя Азия и Индостан. М. : Норма, 2010. 1024 с.
9. Юсупова Г. Узбекистан : проблемы повышения статуса общественных организаций в политической жизни общества // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 165–171.
10. Об общественных советах государственных органов : закон Кыргызской Республики от 24 мая 2014 г. № 74 // Эркин Тоо. 2014. 17 июня. № 46.
11. Об общественных советах : закон Республики Казахстан от 2 ноября 2015 г. № 383-V ЗРК // Казахстанская правда. 2015. 10 нояб. № 215.
12. Об общественном участии : закон Азербайджанской Республики от 22 ноября 2013 г. № 816-IVQ // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2014. № 1, ст. 1.

Образец для цитирования:

Бердникова Е. В. Категория «общественный контроль» в конституционном законодательстве зарубежных государств // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 466–471. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-466-471>

The Category of “Public Control” in the Constitutional Legislation of Foreign States

E. V. Berdnikova

Elena V. Berdnikova, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, berev79@yandex.ru

Introduction. This article analyzes the constitutional legislation of foreign countries for the existence of a normative consolidation of the category of “public control” in it. The article studies the legal and technical approaches to determining the content of this concept, applied in foreign countries, as well as general and specific features of the institutionalization of public control in national legal systems. The main goal of the work is to study the peculiarities of the legal understanding and the rightful implementation of public control in foreign countries. **Results.** The author analyzes the norms of the constitutions of foreign states, which strengthen the foundations of democracy. The article shows the dependence of the use of the category of “public control” in the constitutional legislation of countries depending on the national peculiarities of the organization and functioning of political and legal systems. Particular attention is paid to the influence of the Russian legal system on the development of legislation in the sphere of public control in the CIS countries. **Conclusion.** The author comes to the conclusion that foreign countries rarely use the concept of public control, replacing it in most cases with the concept of civic participation, which presumes essentially identical forms and ways of interaction between the state and civil society.

Key words: public control, constitution, model law, civic participation.

References

1. Constitution of the People’s Republic of China of 04.12.1982. In: *Izbrannyye konstitutsii zarubezhnykh stran* [Selected Constitutions of Foreign Countries. Ans. ed. B. A. Strashun]. Moscow, Yurayt Publ.; Publ. House Yurayt, 2011. 795 p. (in Russian).
2. Transitional Constitution of Nepal of 15.01.2007. In: *Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. T. 2. Sredniaia Aziya i Indostan* [Constitutions of Asian States: in 3 vols. Vol. 2. Central Asia and Hindustan]. Moscow, Norma Publ., 2010. 1024 p. (in Russian).
3. Constitution of the Kingdom of Thailand of 24.08.2007. In: *Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. T. 3. Dal'niy Vostok* [Constitutions of Asian States: in 3 vols. Vol. 3. Far East]. Moscow, Norma Publ., 2010. 1037 p. (in Russian).
4. Constitution of the Syrian Arab Republic: adopted by referendum on 26.02.2012. *Sirijskoe arabskoe informatsionnoe agentstvo SANA* (Syrian Arab Information Agency SANA. Site). Available at: http://www.sana.sy/ru/?page_id=1489 (accessed 19 October 2017) (in Russian).
5. Constitución vigente de Venezuela de 1999 con la Enmienda no. 1 de fecha 15 de febrero de 2009. *Gaceta Oficial Extraordinario*, 1999. no. 5.908.
6. Model Law of the CIS “On the Basics of Public Control”: Adopted at the 46th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of the CIS member states (Decree no. 46-19 of March 27, 2017). *Mezhparlamentskaia assambleia gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv* (Interparliamentary Assembly of the States members of the Commonwealth of Independent States. Site). Available at: http://iacis.ru/upload/iblock/9a6/prilozhenie-k-postanovleniyu-46_19.pdf (accessed 23 October 2017) (in Russian).
7. Doronina N. G., Lukyanova V. Yu., Semilyutina N. G., Tiunov O. I. *Mezhdunarodno-pravovyye aspekty realizatsii interesov Rossiiskoi Federatsii v svyazi s formirovaniem Eedinogo ekonomicheskogo prostranstva* [International legal aspects of realizing the interests of the Russian Federation in connection with the formation of the Common Economic Space]. Moscow, CONTRACT Publ., 2012. 72 p. (in Russian).

8. Constitution of the Kyrgyz Republic of 27.06.2010. In: *Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. T. 2. Sredniaia Aziya i Indostan* [Constitutions of Asian States: in 3 vols. Vol. 2. Central Asia and Hindustan]. Moscow, Norma Publ., 2010. 1024 p. (in Russian).
9. Yusupova G. Uzbekistan: problems of raising the status of public organizations in the political life of society. *Tsentral'naia Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2007, no. 3 (51), pp. 165–171 (in Russian).
10. On public councils of state bodies. Law of the Kyrgyz Republic of May 24, 2014 no. 74. *Erkin Too*, 2014, 17 June, no. 46 (in Russian).
11. On Public Councils. Law of the Republic of Kazakhstan of November 2, 2015 no. 383-V LRK. *Kazakhstanskaya Pravda*, 2015, 10 November, no. 215 (in Russian).
12. On public participation. Law of the Republic of Azerbaijan of November 22, 2013, no. 816-IVQ. *Sobranie zakonodatel'stva Azerbajdzhanskoi Respubliki* [Collection of Laws of the Republic of Azerbaijan], 2014, no. 1, art. 1 (in Azerbaijani).

Cite this article as:

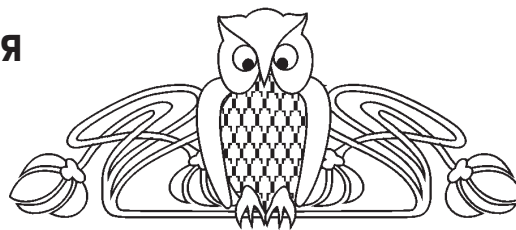
Berdnikova E. V. The Category of “Public Control” in the Constitutional Legislation of Foreign States. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 466–471 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-466-471>

УДК 342.5

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т. А. Дураев

Дураев Таулан Азреталиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, taulan-d@yandex.ru

Введение. В статье обосновано суждение о недостаточной урегулированности вопроса взаимодействия государства и политических партий: в законе детально не закреплены ни принципы, ни формы, ни порядок, ни сферы взаимодействия политических партий с государством. Отсутствует механизм учета и внедрения рекомендаций и предложений политических партий в государственно-управленческую сферу, что делает невозможным реальное влияние политических партий на государственную политику. Между тем законодательство о политических партиях содержит требования, предъявляемые к созданию, деятельности партий, а также прописана система государственных гарантий в информационной, финансовой и иных сферах.

Цель. Цель работы состоит в обосновании идеи о том, что о паритетных началах во взаимодействии государства и политических партий говорить не приходится, скорее – об одностороннем воздействии государства на партии. **Теоретический анализ.** Законодательная регламентация взаимодействия партий и государства закреплена лишь в ст. 10 ФЗ РФ «О политических партиях» в форме запрета взаимного влияния на деятельность друг друга, что явно не достаточно для эффективного сотрудничества. А именно оно должно быть условием полноценного развития политической и государственно-правовой систем. Отсутствие четко прописанных принципов, форм и методов взаимодействия государства и политических партий привело, во-первых, к воздействию государства на политические партии, прежде всего, через систему финансово-информационных ресурсов, предоставляемых партиям, участвующим в выборах, а во-вторых, к выборочному контролю за деятельностью политических партий, что приводит к неравенству фактического положения последних. **Выводы.** Анализ российского законодательства показал, что многоаспектная цель создания и деятельности политических партий в России не может быть реализована, поскольку во взаимодействиях с государством политические партии находятся в подчиненном положении, поскольку действенных гарантий и механизмов влияния на государственно-правовую жизнь не имеют.

Ключевые слова: политические партии, партийная система, государство, политический плюрализм, многопартийность, демократия, правоограничения.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-472-476>

Введение

Государство и политические партии выступают ключевыми субъектами политической системы, и от их успешного сотрудничества во

многом зависит ее стабильность. Между тем законодательная проработка данного вопроса продолжает оставаться насущной проблемой современной России. Законодатель, прописав требования к созданию, деятельности политических партий, их ответственности, не закрепил главного – порядка взаимодействия государства и политических партий. Данное обстоятельство создало ситуацию, при которой лояльные к режиму политические партии получают государственную поддержку, а все остальные партии попадают в группу «оппозиционных сил». Однако в демократических государствах, в отличие от недемократических режимов, оппозиция не должна находиться на нелегальном или полунелегальном положении, поэтому взаимодействие с ней также должно быть регламентировано.

Цель

Цель работы состоит в обосновании идеи о том, что о паритетных началах во взаимодействии государства и политических партий говорить не приходится, скорее – об одностороннем воздействии государства на партии.

Теоретический анализ

Чтобы быть проводником воли народа, современная демократия должна иметь под собой рациональную организацию политического процесса и обеспечения политического единства народа в условиях многопартийности и плюрализма [1, с. 34–35]. В этой связи актуализируется вопрос взаимодействия политических партий с органами власти, выступающими посредниками между государством и народом, без взаимовлияния которых была бы невозможна прямая демократия [2, с. 56]. Еще авторитетный партолог М. Дюверже в середине XX в., когда мировая демократизация только набирала обороты, отмечал следующее: «...если бы демократия и в самом деле была несовместима с партиями, это, бесспорно, означало бы, что она несовместима с условиями нашей эпохи» [3, с. 246].

Функциональное значение политических партий в мире – осуществлять представительство интересов конкретной социальной группы или

групп в различных (в первую очередь законодательных) органах власти – было осознано еще в XIX в. вместе с появлением первых политических партий. Но роль партий в политической системе менялась в зависимости от государственно-правовых режимов. Современная демократия невозможна без вовлечения политических партий во взаимодействие с органами государственной власти на всех уровнях, что концентрированно отражает специфику взаимосвязи государства и гражданского общества.

В России основы взаимодействия органов власти с политическими партиями, в том числе и с оппозиционными, в условиях многопартийности начали формироваться еще в начале 90-х гг. XX в. Организационно это выразилось в создании различных общественно-государственных структур, первой из которых стала негосударственная организация «Российский общественно-политический центр», созданная в 1991 г. для оказания организационно-технического, информационного и методического содействия политическим партиям.

Позднее политические партии стали направлять своих представителей в комитеты и комиссии, созданные при исполнительных органах власти. Хотя рекомендации партий реально не влияли на политический курс, в соответствии с которым осуществляли свою деятельность органы власти, но было важно приблизить партии к государственному аппарату через инициативу создания и деятельность представительств при органах власти. Вовлечение общественности в политический процесс должно было показать высокий уровень демократизации российского общества [4, с. 112].

Точкой отсчета формирования законодательной стратегии взаимодействия государства с политическими партиями стал ФЗ РФ «О политических партиях» (далее – Закон) [5], в ст. 3 которого партии были признаны единственными общественными организациями, которые могли участвовать в формировании органов государственной власти, т.е. прямо воздействовать на деятельность государственных структур через кадровое наполнение государственных и муниципальных органов.

В Законе закрепились формальные пределы взаимодействия государства и партий через установление запретов вмешательства в дела друг друга (ст. 10), что совершенно оправданно и необходимо. Однако за время существования Закона принципиальных изменений в регламентацию направлений, механизмов, форм взаимодействия государства и политических партий не было внесено.

Запрет взаимного вмешательства в деятельность друг друга подразумевает закрепление гарантий независимости, неподнадзорности партий от власти и наоборот. В законодательстве такой системы гарантий в отношении политических партий не сложилось. Напротив, через законодательно установленные формы и процедуры государство контролирует партии и определяет пределы интегрированности их в процесс формирования государственных органов. Хотя в Законе и закреплены права партий, например: участвовать в решении вопросов по организации и проведению выборов посредством внесения предложений по формированию состава избирательных комиссий, по направлению наблюдателей на избирательные участки и проч., но реализуются они в процессуально-процедурной сфере, связанной с выборами, а не в сфере государственной политики, на курс которой могли бы влиять партии.

Одностороннее воздействие государства на политические партии проявляется через установление запрета на создание региональных партий. Позиция сторонников данного запрета, связанная с желанием минимизировать сепаратистские и националистические настроения в регионах, уязвима [6, с. 18], поскольку действует более широкий запрет на создание и деятельность партий, уставные цели которых противоречат законодательству.

Полагаем, что запрет на создание региональных партий значительно сужает альтернативу определения гражданами меньшинства своей политической принадлежности. В этом случае им остается либо вступать в федеральную партию, либо отстаивать свои интересы в легальных протестных формах (митинги, шествия, пикеты и проч.), либо примыкать к несистемной оппозиции [7, с. 33]. Это обстоятельство снижает уровень доверия и паритетности во взаимоотношениях между гражданами, их объединениями и государством.

Предугадывая общественную критику по поводу данного запрета, Конституционный Суд РФ еще в 2005 г. указал на его временный характер и сохранение до тех пор, пока не разрешится сложная внутригосударственная политическая ситуация, обусловленная вызовом националистических, сепаратистских и террористических сил [8]. Но поскольку запрет до сих пор не снят, государство продолжает дискриминационным образом связывать региональное партийное представительство с сепаратизмом и антиконституционными настроениями.

Одной из основ воздействия государства на партийно-политическую систему следует

считать контроль исполнительной власти за деятельностью партий, который значительно шире, чем сфера контроля за другими общественными организациями. В соответствии со ст. 38 Закона, органам Министерства юстиции, которые осуществляют правовую экспертизу устава партий, предоставлено право запрашивать у партий распорядительные или иные документы о количестве членов партии и о наличии региональных отделений. Минюст также вправе направлять своих представителей для участия в проводимых партией открытых мероприятиях (например в съездах и конференциях), что предполагает реальную возможность активного вмешательства в деятельность партий.

Государство оказывает партиям государственную поддержку посредством их финансирования, а также предоставления на равных условиях государственных и муниципальных помещений и средств связи, доступа к государственным или муниципальным средствам массовой информации, обеспечения равных условий участия партий в избирательных кампаниях, референдумах, общественных и политических акциях (ст. 32 Закона). Соответственно, государство создает прямые финансовые, информационные, имущественные, правовые гарантии деятельности политических партий.

Однако государственная поддержка партий путем финансирования их деятельности по итогам участия в выборах предоставляется не всем. Это касается лишь партий, которые принимали участие в выборах и набрали 3% и более голосов (примечательно, что это ниже 5%-го порога прохождения в парламент), также, если зарегистрированный кандидат в Президенты РФ, выдвинутый партией, получил не менее 3% голосов избирателей (ч. 5 ст. 33 Закона). А парламентские партии вообще освобождаются от сбора подписей, необходимых для регистрации на выборах, что создает косвенные финансовые гарантии для партий.

Что касается объемов государственного финансирования компенсации затрат на предвыборную кампанию, то ежегодное бюджетное финансирование партий за 5-летний период было значительно увеличено – с 20 руб. до 152 руб. Так, политическая партия, получившая не менее 3% голосов избирателей на выборах в Государственную Думу, будет получать ежегодную компенсацию в размере 152 руб. за каждый голос, отданный в пользу данной партии. Единновременная компенсация политической партии, кандидат от которой принимал участие в выборах Президента РФ и набрал не менее 3% голосов

избирателей, составляет с июля 2018 г. также 152 руб. за каждый голос, отданный за кандидата от этой партии (ч. 3 ст. 33 Закона).

Данная норма оценивается неоднозначно. С одной стороны, выборочное государственное финансирование нарушает фундаментальный принцип равноправия, но с другой – если авансировать участие политических партий в выборах, то нет гарантий, что их программа получит поддержку избирателей, поэтому систему расчета средств федерального бюджета, выделяемых политическим партиям, следует пересмотреть, возможно, с использованием данных праймериз или иного предварительного учета мнений избирателей [9, с. 29].

Выводы

Таким образом, интегрированность политических партий во властные органы недостаточна для их реального влияния на государственную политику. Некоторые преимущества, которые государство создает через финансовые гарантии парламентским партиям, не способствует повышению уровня партийной состязательности в целом. Это дает основания для вывода о том, что закрепление в Конституции РФ многопартийной системы само по себе не привело к высокому качеству управления и совершенству демократических процедур. Политические партии продолжают использоваться государством как инструмент, обеспечивающий постоянное выживание и самовоспроизводство моноцентрического режима власти.

Анализ российского законодательства показал, что, во-первых, многоаспектная цель создания и деятельности политических партий в России остается не реализованной, поскольку политические партии были и остаются в большей мере борцами за политическую власть и в меньшей – проводниками воли и выразителями интересов разнообразных социальных групп. Во-вторых, во взаимодействии государства и политической партии очевиден перекосяк в пользу государства, поскольку оно имеет контрольные полномочия за созданием и деятельностью партий. При отсутствии принципов, процедур, форм рекомендаций партий органам власти следует констатировать подчиненное положение политических партий по отношению к государству, поскольку действенных гарантий и механизмов влияния на государственно-правовую жизнь они не имеют. В-третьих, на законодательном уровне не урегулирован вопрос об оппозиционных партиях, что минимизирует, а скорее, вовсе исключает диалог между ними и государством.

Список литературы

1. Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство : доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 32–44.
2. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 55–59.
3. Дюверже М. Политические партии : пер. с фр. М., 2000. 538 с.
4. Тюменева Н. В. Правовое регулирование создания и деятельности политических партий в России // Выборы в конституционной системе власти : Материалы IX Международного конституционного форума (12–15 декабря 2017 г.). Саратов, 2018. С. 110–114.
5. О политических партиях : федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 03.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29, ст. 2950 ; 2018. № 28, ст. 4142.
6. Дубровина Е. П. Политические партии как субъекты избирательного процесса в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
7. Алимов Э. В. Партийное строительство в Российской Федерации : некоторые тенденции конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 5. С. 27–36.
8. По делу о проверке конституционности абз. 2 и 3 п. 2 ст. 3 и п. 6 ст. 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» : постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2005 г. № 1-П. URL: http://main-law.ru/ksrf/1-p_ot_01-02-2005 (дата обращения: 12.09.2018).
9. Назаров Д. А. Конституционно-правовые принципы идеологического и политического многообразия о политических партиях // Закон и власть. 2017. № 2. С. 28–31.

Образец для цитирования:

Дураев Т. А. Правовые проблемы взаимодействия государства и политических партий в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 472–476. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-472-476>

Legal Problems of Interaction between the State and Political Parties in Modern Russia

T. A. Duraev

Taulan A. Duraev, <https://orcid.org/0000-0002-1227-6923>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, taulan-d@yandex.ru

Introduction. The article substantiates the judgment about the lack of regulation of the issue of interaction between the state and political parties: the law stipulates neither the principles nor the form, nor the order, nor the sphere of interaction of political parties with the state. There is no mechanism for taking into account and implementing the recommendations and proposals of political parties in the state management sphere, which makes it impossible for political parties to have a real impact on state policy. Meanwhile, the legislation on political parties contains the requirements for the establishment, activities of parties, as well as the system of state guarantees in the information, financial and other spheres. The **purpose** is to justify the idea that one can speak of unilateral impact of the state on the parties rather than of parity interaction of the state and political parties. **Theoretical analysis.** The legislative regulation of interaction between parties and the state is enshrined only in article 10 of the Federal law “On political parties” in the form of a ban on mutual influence on each other’s activities, which is clearly not enough for effective cooperation. Namely, it should be a condition for the full development of political and state-legal systems. The lack of clearly defined principles, forms and methods of interaction between the state

and political parties led, firstly, to the state’s influence on political parties, primarily through the system of financial and information resources provided to the parties participating in the elections, and, secondly, to selective control over the activities of political parties, which leads to inequality of the actual situation of the latter. **Conclusions.** The analysis of the Russian legislation has shown that the multidimensional goal of creation and activity of political parties in Russia cannot be realized, as political parties are in subordinate position when interacting with state, as there are no effective guarantees and mechanisms of influence on the state legal life.

Key word: political parties, party system, state, political pluralism, multiparty system, democracy, legal restrictions.

References

1. Ehbzееv B. S. People, popular sovereignty and representation: doctrinal foundations and constitutional practice. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2016, no. 4, pp. 32–44 (in Russian).
2. Mikhel’s R. Sociology of a political party in a democracy. *Dialog* [Dialogue], 1990, no. 3, pp. 55–59 (in Russian).
3. Dyuverzhe M. *Politicheskie partii* [Political party]. Moscow, 2000. 538 p. (in Russian).
4. Tyumeneva N.V. Legal regulation of the establishment and activities of political parties in Russia. In: *Vybory v konstitutsionnoi sisteme vlasti: Materialy IX Mezhdunarodnogo konstitutsionnogo foruma (12–15 dekabrya 2017 g.)* [Elections in the constitutional system of power:

- Proceedings of the IX International constitutional forum (December 12–15, 2017)]. Saratov, 2018, pp. 110–114 (in Russian).
5. On political parties. Federal law of 11.07.2001 no. 95-FZ (an edition of 03.07.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2001, no. 29, art. 2950; 2018, no. 28, art. 4142 (in Russian).
 6. Dubrovina E. P. *Politicheskie partii kak sub"ekty izbiratel'nogo protsessa v Rossiiskoi Federatsii* [Political parties as subjects of the electoral process in the Russian Federation]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2003. 24 p. (in Russian).
 7. Alimov E. V. Party Construction in the Russian Federation: Some Tendencies of the Constitutional Regulation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, no. 5, pp. 27–36 (in Russian).
 8. In the case of verification of the constitutionality of the paragraph 2 and 3 p. 2 of Art. 3 and p. 6 of Art. 47 of the Federal law “On political parties” in connection with the complaint of the socio-political organization “Baltic Republican party”. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.02.2005 no. 1-P. Available at: http://main-law.ru/ksrf/1-p_ot_01-02-2005 (accessed 12 September 2018) (in Russian).
 9. Nazarov D. A. Constitutional and legal principles of ideological and political diversity of political parties. *Zakon i vlast'* [Law and power], 2017, no. 2, pp. 28–31 (in Russian).

Cite this article as:

Duraev T. A. Legal Problems of Interaction Between the State and Political Parties in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 472–476 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-472-476>

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ «РИСКА» И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СУДОМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

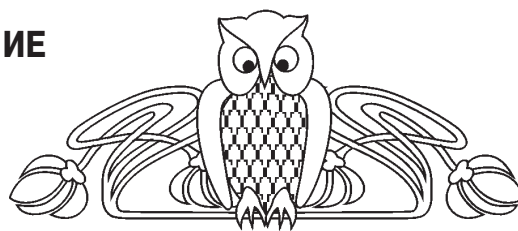
О. В. Николайченко

Николайченко Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия, olga-nikolajchenko@yandex.ru

Введение. Решая конкретные социально-важные задачи, отраслевое законодательство и правоприменительная практика не выработали единого подхода в определении «риска», что предопределено его многогранностью и ее неоднозначной интерпретацией в научных трудах и современном законодательстве. **Цель исследования** – разработка теоретических положений, раскрывающих особенности риска в гражданском судопроизводстве. Особое внимание автором уделяется наиболее спорным признакам риска – это его применимость к действиям суда, исполняющего процессуальные обязанности. В статье обращено внимание на значение «риска» в научном и эмпирическом аспектах. Диалектический анализ позволил оценить результаты нормотворчества и судебного правоприменения, исторический и сравнительный методы научного познания способствовали объективной оценке качества действующего процессуального законодательства, системный метод позволил интерпретировать категориальный аппарат на примере изучения «риска», метод правового моделирования послужил обоснованием предложений по совершенствованию законодательства. **Результаты.** Риск – это категория, свойственная не только для определения заинтересованности лиц, участвующих в деле. Риск, имея объективное и субъективное обоснование, является основополагающей категорией процессуального права, в котором свобода выбора субъектов права не ограничивается лишь дозвоительно-распорядительными средствами, но она обоснована нормативными предписаниями для обязанных субъектов. Традиционное положение процессуального законодательства о процессуальных рисках сторон и иных лиц, участвующих в деле, вполне распространимо и применимо для суда, исполняющего процессуальные обязанности. **Заключение.** В ряде случаев ссылка на законодательство, предусматривающее «риск» для субъектов права, не всегда состоятельна и отражает его онтологический характер. Категория «риск», имея широкое предназначение в процессуальном праве, выражает пример диспозитивности российского цивилистического процессуального законодательства с особенностями его правового регулирования отдельных правовых институтов, с одной стороны, и процессуальную невозможность определения последствий правового действия, которые могут наступить для субъектов права, его применяющих, с другой.

Ключевые слова: риск, процессуальные обязанности суда, процессуальное законодательство, суд.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-477-482>

Введение

Внешне объективированный процесс по реформированию российского процессуального законодательства начался с организационного объединения высших судебных органов. Последовательная его реконструкция стала основой для принятия Концепции единого процессуального кодекса Российской Федерации. В этой связи целесообразно некоторые процессуальные институты и положения, апробированные практикой и получившие поддержку в научной среде, реципировать в «новую процессуальную ткань».

«Риск» как правовая и научная категория является крайне широким и многогранным, свойственным для отраслей частного и публичного права. Поэтому определение сущности «риска» целесообразно применить к определенной отрасли права и для конкретных целей исследования.

Категория «риск» долгое время не становилась предметом самостоятельного научного исследования в праве. Применение термина «категория» представляется универсальным, под которым следует понимать специфическую для юридической науки логическую формулу, свойственную теоретическому мышлению, в которой в абстрактном виде дается научное отражение определенного социально-правового явления [1, с. 7].

Некую научную оживленность данная категория получила в начале 90-х гг. прошлого столетия, что связывалось исключительно с позитивной активностью субъектов права, «при осознании человеком истинной свободы и принятии субъектом неопределенности будущего и многовариантности выбора» [2, с. 10–11]. Вместе с тем первооткрывателем научной категории «риск», в отраслевом ее значении в материальном праве (гражданском), стал В. Ойгензихт, который справедливо отмечал, что риск может стать следствием (результатом) правомерных либо объективно-случайных, либо объективно-невозможных действий или событий [3, с. 77]. Учитывая, что движущим началом гражданского судопроизводства, основанием возникновения, изменения и прекращения гражданского процессуального отношения

являются исключительно действия заинтересованных лиц и суда, разрешающего правовой спор, то применительно к риску в гражданском процессуальном праве следует относить, прежде всего, активные действия субъектов гражданского процессуального права, совершение которых предусмотрено законом, в порядке и формах, им установленных.

Поддерживая основополагающую идею цивилистического процессуального законодательства о позитивной активности заинтересованных лиц – субъектов права, полагающих, что их права и (или) законные интересы нарушены, следует указать, что объединяющим признаком для них является юридическая заинтересованность. И. В. Решетникова, дифференцируя субъектов гражданских процессуальных отношений и определяя их как лица, участвующие в деле, дополнила указанный признак еще одним, не менее значимым и характерным для них признаком – «процессуальный риск» [4, с. 118], который проявляется при совершении ими следующих процессуальных действий:

– по предъявлению заявленных исковых требований. Для предотвращения материального риска, в частности, «риска» случайной гибели вещи или «риска» утраты вещи, «риска» случайной невозможности исполнения договора, заинтересованное лицо идет на «процессуальный риск», который выражается в юридически правильном определении подведомственности спора, подсудности, судебной подсудности, формирования предмета и основания иска. Его последствием является совершение судом одного из четырех действий: принятие искового заявления (что является идеально ожидаемым вариантом для заинтересованного лица), отказ в принятии искового заявления, возвращение искового заявления, оставление искового заявления без движения;

– по формированию и раскрытию доказательств. Так, истец передает ответчику копии доказательств, обосновывающих фактические основания иска, заявляет соответствующие ходатайства перед судом об истребовании доказательств с обоснованием фактической невозможности их получить самостоятельно;

– по совершению ошибочного процессуального распорядительного действия. Например, отказ от иска по излишней доверчивости истца на обещания ответчика погасить долг связан в дальнейшем в повторном обращении в суд с тем же предметом и по тому же основанию. Заключение мирового соглашения на невыгодных условиях не позволит получить желаемого результата в полном объеме.

Цель исследования

Признавая нормативно-правовую организацию отраслевого, в данном случае гражданского процессуального права, следует признать обоснованным цель нашего исследования, которая определяется из того, что оно (право) порождает процессуальный риск как ситуацию правовой неопределенности, когда, как особо распространено и отмечается в криминалистике, «каждое из решений, из которых требуется сделать выбор, может привести к известному множеству последствий; и решения, принимаемые в условиях неопределенности, то есть когда круг возможных последствий принятия того или иного решения заранее неизвестен или известен не в полном объеме» [5, с. 112]. Поэтому ключевым фактором, определяющим процессуальный риск, может быть свобода выбора в рамках закона или иных правовых предписаний, поскольку выбор – это всегда возможность поступить альтернативно. В этой связи привлекает внимание небезызвестное положение процессуального закона, что отказ от права на обращение в суд недействителен (ч. 2 ст. 3 ГПК РФ) [6]. Как верно отмечает А. В. Юдин, «вполне очевидно, что сам по себе отказ от иска не тождественен отказу от права на обращение в суд. В первом случае мы имеем дело с отказом от осуществления права на поддержание исковых требований, во втором случае – отказ от самого субъективного права» [7, с. 16–17]. Суть права на обращение в суд состоит в том, что любое лицо независимо от каких-либо расовых, половых и иных различий может беспрепятственно обратиться в судебный орган, однако лицо, обращающееся за защитой своих нарушенных прав, может также беспрепятственно отказаться от них либо выбрать иной способ защиты нарушенного права. В последнем случае, по справедливому замечанию еще одного современного ученого, нужно учитывать, что «если такой отказ прямо не разрешен законом..., большинство сделок... предусматривающих обязательства сторон по воздержанию от осуществления тех или иных прав или полному отказу от них, сопровождаются серьезными рисками недействительности или отсутствием возможности их судебной защиты» [8, с. 137].

Процессуальный риск имеет самостоятельное значение и свойственен не только для действий лиц, участвующих в деле. В сложных конструкциях процессуального закона наблюдается «риск», характерный и обнаруживаемый в процессуальных действиях суда, рассматривающего дело.

Исполняя процессуальные обязанности, суд также несет процессуальные риски, кото-

рые влияют на качество судебных актов и их законность. Анализ ст. 166, 191, 196 ГПК РФ [6] убедительно доказывает отсутствие для лиц, нарушающих своевременность в порядке представления доказательств, каких-либо санкций. Отказ в исследовании новых обстоятельств, заявленных сторонами, а также дополнительных доказательств, заявленных несвоевременно, будет для суда процессуальным риском, который выразится в последующей отмене судебного акта. Смоделируем ситуацию, когда лицо, участвующее в деле, во время судебных прений заявляет о необходимости в привлечении третьего лица по рассматриваемому делу. У суда возникает практическая дилемма: вынести определение о возобновлении рассмотрения дела по существу (ч. 2 ст. 191 ГПК РФ) или рассмотреть дело и вынести решение по имеющимся в деле доказательствам с дальнейшей опаской в отмене судебного акта, принятого с нарушением закона.

Положительным решением вопроса должно стать выяснение судом обстоятельств об объективном отсутствии у лица, заявляющего ходатайство о приобщении его, доказательства на момент их предъявления своевременно. Другое дело, когда сторона необоснованно удерживает необходимое доказательство, не раскрывает его, припасая на более поздний срок.

По смыслу ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [9], лицо само определяет объем своих прав и обязанностей в гражданском процессе и реализует их по своему усмотрению. Распоряжение своими правами по усмотрению лица является одним из основополагающих принципов судопроизводства. Неявка лица, извещенного в установленном порядке о времени и месте рассмотрения дела, является процессуальным риском в проигрыше дела. Соответственно, суд должен принять все меры и выполнить возложенные на него процессуальные обязанности, чтобы рассмотрение дела в отсутствие неявившегося лица стало неблагоприятным последствием для последнего. Согласно ст. 165.1 ГК РФ, заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю [10]. Сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним. Обязанность суда по надлежащему информированию о предстоящем су-

дебном заседании будет считаться исполненной после отправления судебного уведомления о времени и месте судебного заседания по делу в соответствии с указанным адресом на основании Приказа Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 31.07.2014 г. «Об утверждении правил оказания услуг почтовой связи».

Результаты

Любые риски приводят к процессуальным последствиям, отражающимся не только на процессуальном исходе дела, но и, по существу, влияют на разрешение материально-правового спора судом. В отличие от последствий несоблюдения гражданских процессуальных норм, сопровождающих процессуальные обязанности лиц, участвующих в деле (ч. 2 ст. 35 ГПК РФ) [6], процессуальные риски нельзя связывать исключительно с виновными действиями заинтересованных лиц. Так, в соответствии с п. 2 ст. 39 ГПК РФ, суд не принимает отказ от иска, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц (т.е. лиц, не являющихся сторонами в данном деле). Также суд не принимает признания стороной обстоятельств, имеющих значение для дела, если у него имеются основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения (ч. 3 ст. 68 ГПК РФ). Приведем еще одно доказательство, когда суд, принимая решение по делу, вправе выйти за пределы заявленных требований (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ) и по своей инициативе, например, на основании ч. 2 ст. 166 ГК РФ [10] применить последствия недействительности ничтожной сделки, в интересах законности проверить решение суда первой инстанции в полном объеме (ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ).

Высока юридическая значимость для исхода дела процессуальных рисков, связанных с реализацией правовых возможностей стороны и в основном с их доказательственной деятельностью. Например, риск на обнаружение доказательств, обосновывающих процессуальную позицию стороны; риск на представление соответствующего доказательства, такой как неявка свидетеля на стороне лица, которое ходатайствовало о его вызове в суд; риск, связанный с представлением доказательства, так как суд может посчитать его неотнормированным, недопустимым, недостоверным с позиции ст. 55 ГПК РФ; либо риск, связанный с оценочной деятельностью суда по проверке предъявленных участвующими в деле лицами доказательств во взаимной связи и совокупности, о чем свидетельствует ч. 3 ст. 67

ГПК РФ, со стороны заинтересованных лиц не должны сопровождаться исключительно «молчанием» суда и его безоговорочным согласием на совершение ими процессуальных действий или уклонением от них при рассмотрении дела в суде. Суд, сохраняя независимость и беспристрастность в процессе, должен активно информировать стороны о процессуальных правах, действиях других участников процесса, движении дела, последствиях совершаемых заинтересованными лицами действий/бездействия и разъяснять их. В зависимости от категории рассматриваемого дела перечисленные должностные обязанности, адресованные суду, проявляются более выпукло и действуют не только в качестве правоприменительного механизма, но и как правозащитная гарантия. Так, если в интересах ребенка обратился прокурор или орган опеки и попечительства, судья должен вызвать на беседу родителей, лиц, их заменяющих, самого ребенка, если он достиг 14 лет. Судья по каждому делу, связанному с защитой прав детей, обязан вызывать в суд ответчика, чтобы разъяснить ему права и обязанности, выяснить возможные возражения [11, с. 85]. Многие суды не всегда учитывают эти обстоятельства, что приводит к ошибочным решениям.

Заключение

Процессуальный риск совершения юридически значимых процессуальных действий со стороны суда не следует отождествлять с судебной ошибкой, поскольку судебная ошибка – это уже состоявшийся результат совершения или несоблюдения процессуальных действий судом, хотя и не всегда очевидный. Судебная ошибка может стать результатом не только совершения каких-либо действий/бездействия со стороны суда, но также совершения или несоблюдения необходимых действий со стороны заинтересованных лиц, в частности, сокрытия доказательств, но в условиях содействия со стороны суда в его обнаружении.

В отличие от действующего арбитражно-процессуального законодательства, который прямо упоминает термин «риск» в положениях ч. 2 ст. 9 АПК РФ: «Лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несоблюдения ими процессуальных действий» [12], гражданское процессуальное законодательство умалчивает о возможных процессуальных рисках для сторон. О процессуальном риске в то же время можно вести речь, анализируя, например, ст. 121, 130 АПК РФ. В этой связи целесообразно изучить такую малоисследованную, но значимую в прикладном и научном отношении категорию, как «риск».

В соответствии со ст. 56 ГПК РФ [6], каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. Так, истец, обосновывая свою позицию по иску, указывает, что ЖСК «Н...» с момента передачи ему земельного участка под строительство жилого дома и права на застройку принял на себя обязательства по передаче готовых квартир дольщикам, чьи денежные средства были привлечены прежним застройщиком до признания его банкротом и расторжения договора аренды земельного участка, что свидетельствует о прямом материально-правом интересе в признании недействительными сделок, поскольку переданный ему земельный участок обременен правами ответчика В. Д., вытекающими из спорного договора долевого участия, и их удовлетворение возложено на истца [13]. Очевидно, что виновного противоправного действия никто не совершал. Закономерно возникает вопрос о целесообразности «риска» применительно к противоправным действиям, т.е. таких, которые объективно приводят к нарушению действующих норм права.

Наиболее значимы с правовой точки зрения «риски», с которыми закон связывает право суда обосновать «молчание» стороны, например, признанием юридически значимых обстоятельств доказанными в пользу другой стороны. Так, ответчики А. В., С. А., действующие в интересах несовершеннолетних, надлежащим образом по правилам ст. 113 ГПК РФ извещенные о времени и месте судебного разбирательства, в судебное заседание не явились, отзыв на исковое заявление по предложению суда не представили. Суд полагал возможным рассмотреть настоящее дело в порядке заочного производства, в соответствии с требованиями ст. 233 ГПК РФ, поскольку ответчики, будучи извещенными о времени и месте рассмотрения дела, в судебное заседание не явились, не сообщили об уважительных причинах неявки и не просили суд о рассмотрении дела в их отсутствие [14]. Следствием «молчания» ответчиков стало ответное процессуальное действие со стороны суда о принятии решения в заочном производстве. Предположительно, осознавая последствия несоблюдения требуемых действий, закон одновременно поставил суд перед процессуальным риском, поскольку последний, рассматривая дело в порядке заочного производства, исполняя нормативные предписания, должен учитывать возможность отмены судебного решения, принятого в порядке заочного производства. В этой связи возникает новый процессуальный риск – риск затягивания произ-

водства по делу – наиболее распространенный со стороны суда, обязанного своевременно рассмотреть гражданское дело.

Список литературы

1. Мельников А. А. Теория гражданского процессуального права как наука // Курс советского гражданского процессуального права : в 2 т. Т. 1. Теоретические основы правосудия по гражданским делам / отв. ред. А. А. Мельников. М. : Наука, 1981. 464 с.
2. Власова А. С. Риск как признак предпринимательской деятельности : автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.
3. Ойгензихт В. А. Проблемы риска в гражданском праве (часть общая). Душанбе : Ирон, 1972. 224 с.
4. Решетникова И. В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 117–122.
5. Эскархонпуло А. А. Основы криминалистической теории. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992. 118 с.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532 ; Рос. газ. 2018. 7 авг.
7. Юдин А. В. Недействительность отказа от права на обращение в суд в гражданском процессе : теоретико-практические проблемы // Вестн. гражданского процесса. 2017. Т. 7, № 3. С. 11–33.
8. Бойко Т. С. Отказ от права и воздержание от осуществления права : российский и англо-американский подходы // Закон. 2012. № 3. С. 133–145.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Библиотечка «Российской газеты». 1999. № 22–23.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (Часть первая) // Рос. газ. 1994. 8 дек.
11. Беспалов Ю. Ф. Рассмотрение и разрешение судами гражданских и семейных дел с участием ребенка : учеб.-практ. пособие. М. : Юнити-Дана, 2010. 360 с.
12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Рос. газ. 2002. 27 июля ; 2018. 7 авг.
13. Решение № 2-644/2017 2-644/2017~М-226/2017 М-226/2017 от 5 апреля 2017 г. по делу № 2-644/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 18.08.2018).
14. Решение № 2-3098/2017 2-3098/2017~М-2935/2017 М-2935/2017 от 22 августа 2017 г. по делу № 2-3098/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/rtIuJGsMoHxT/?regular-txt=> (дата обращения: 18.08.2018).

Образец для цитирования:

Николайченко О. В. Особенности «риска» и его проявление при исполнении судом процессуальных обязанностей // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 477–482. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-477-482>

Features of “Risk” and its Manifestation in the Performance of the Court’s Procedural Duties

O. V. Nikolajchenko

Olga V. Nikolajchenko, <https://orcid.org/0000-0003-0838-8065>, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, olga-nikolajchenko@yandex.ru

Introduction. Solving specific social and important tasks, industry legislation and law enforcement practice did not develop a unified approach to the definition of “risk”, which is predetermined by its versatility and its ambiguous interpretation in scientific works and modern legislation. The **aim of the study** is to develop theoretical provisions that reveal the features of risk in civil proceedings. The author pays special attention to the most controversial features of risk – its applicability to the actions of the court, performing procedural duties. The article draws attention to the meaning of “risk” in the scientific and empirical aspects. The dialectical analysis allowed to evaluate the results of lawmaking and judicial law enforcement, historical and comparative methods of scientific knowledge contributed to an objective assessment of the quality of the current procedural legislation, the system method allowed to interpret the categorical apparatus on the example of the study of “risk”, the method of legal modeling served as a justification for proposals to improve the legislation. **Results.** Risk is a

category specific not only to the identification of the interest of the persons involved in the case. Risk, having an objective and subjective justification, is a fundamental category of procedural law, in which the freedom of choice of subjects of law is not limited only by permissible and administrative means, but it is justified by regulatory requirements for the obliged subjects. The traditional provision of procedural legislation on the procedural risks of the parties and other persons involved in the case is quite common and applicable for the court performing procedural duties. **Conclusion.** In some cases, the reference to legislation providing for “risk” for the subjects of law is not always well-founded and reflects its ontological nature. The category “risk”, having a wide purpose in procedural law, expresses an example of the dispositivity of the Russian civil procedural legislation with the peculiarities of its legal regulation of certain legal institutions, on the one hand, and the procedural impossibility of determining the consequences of a legal action that may occur for the subjects of law applying it, on the other hand.

Key words: risk, procedural duties of the court, procedural legislation, court.

References

1. Melnikov A. A. Theory of civil procedure law as a science. In: *Kurs sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava: v 2 t. T. 1. Teoreticheskie osnovy pravosudiya po*

- grazhdanskim delam* [Course of Soviet civil procedure law. In 2 vols. Vol. 1. Theoretical foundations of justice in civil cases. Ans. ed. A. A. Melnikov]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 464 p. (in Russian).
2. Vlasova A. S. *Risk kak priznak predprinimatel'skoi deiatel'nosti* [Risk as a sign of entrepreneurial activity]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2009. 29 p. (in Russian).
 3. Eugensa V. A. *Problemy riska v grazhdanskom prave (obschaia chast')* [Problems of risk in civil law (General part)]. Dushanbe, Iron Publ., 1972. 224 p. (in Russian).
 4. Reshetnikova I. V. Theory of the procedural risk. *Zakon* [Law], 2012, no. 6, pp. 117–122 (in Russian).
 5. Exarchopulo A. A. *Osnovy kriminalisticheskoi teorii* [Fundamentals of forensic theory]. St. Petersburg, Publ. House SPbSU, 1992. 118 p. (in Russian).
 6. Civil procedural code of the Russian Federation of 14.11.2002 no. 138-FZ (an edition of 03.08.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 46, art.; *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2018, 7 August (in Russian).
 7. Yudin A. V. Invalidity of Waiver of the Right of Recourse to the Courts in Civil Procedure: Theoretical and Practical Issues. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* [The Herald of Civil Process], 2017, vol. 7, no. 3, pp. 11–33 (in Russian).
 8. Boiko T. S. Waiver and abstinence from exercising the right: Russian and Anglo-American approaches. *Zakon* [Law], 2012, no. 3, pp. 133–145 (in Russian).
 9. International Covenant on civil and political rights (New York, December 16, 1966). *Bibliotekha "Rossiiskoi gazety"* [Library of the "Russian newspaper"], 1999, no. 22–23 (in Russian).
 10. The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 no. 51-FZ (Part one). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1994, 8 December (in Russian).
 11. Bepalov Yu. F. *Rassmotrenie i razreshenie sudami grazhdanskikh i semeinykh del s uchastiem rebenka* [Consideration and resolution of civil and family cases involving the child by the courts]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2010. 360 p. (in Russian).
 12. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 no. 95-FZ (an edition of 03.08.2018). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2002, 27 July; 2018, 7 August (in Russian).
 13. Decision no. 2-644/2017 2-644/2017~M-226/2017 M-226/2017 from April 5, 2017 in case no. 2-644/2017. Available at: <http://sudact.ru/regular/doc/> (accessed 18 August 2018) (in Russian).
 14. Decision no. 2-3098/2017 2-3098/2017~M-2935/2017 M-2935/2017 of 22 August 2017 in case no. 2-3098/2017. Available at: <http://sudact.ru/regular/doc/rtluJGsMoHxT/?regular-txt=> (accessed 18 August 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Nikolajchenko O. V. Features of "Risk" and its Manifestation in the Performance of the Court's Procedural Duties. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 477–482 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-477-482>
